

От "страны тюрем" к обществу с ограниченным причинением боли

финский опыт сокращения числа заключенных

В книге содержатся статьи и эссе известных финских криминологов — Инкери Антили, Патрика Торнудда и Тапио Лаппи-Сеппалы, — описывающие идеологию и осуществление уникальной реформы системы наказаний в Финляндии, в результате которой в этой стране многократно сократилась численность заключенных.

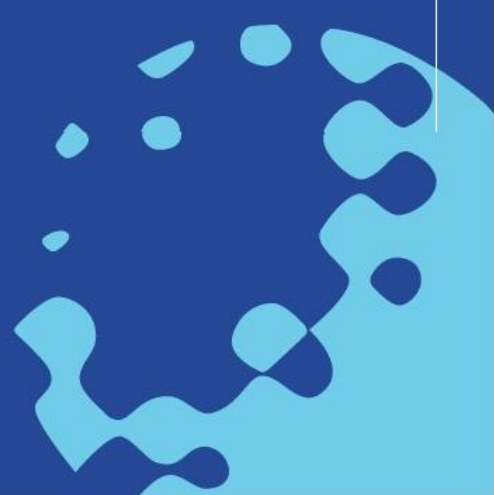
Еще в середине XX в. Финляндию называли "страной тюрем", доля заключенных в составе населения существенно превышала значения этого показателя в других скандинавских странах (число заключенных на 100 тысяч жителей в Финляндии было более 200). Однако в настоящее время Финляндия занимает одно из последних мест в Европе в этом отношении (59 заключенных на 100 тысяч жителей). Каким образом это стало возможным? Как возникло осознание значительного числа заключенных как проблемы? Какие действия были предприняты для сокращения тюремного населения? Как это сокращение сказалось на уровне преступности? И в какой степени финский опыт может быть применим в России, занимающей третье место в мире по числу заключенных (516 на 100 тысяч жителей к маю 2012 года)? Именно эти вопросы определили содержание предлагаемой книги.

The National Research
Institute of Legal Policy
Pitäjänkatu 3 A
PO Box 644
FI-00531 HELSINKI
Tel. +358 29 546 5300
Fax +358 29 546 5365
www.ojtuia.fi

Центр ЕС – VOICES
Казанский университет
ул. Кремлевская, 18
Казань 420008
Тел. +7 843 233 7021
voices@pfu.ru

ISBN 978-851-704-407-3
ISSN 1797-562X

ОТ «СТРАНЫ ТЮРЕМ» К ОБЩЕСТВУ С ОГРАНИЧЕННЫМ ПРИЧИНЕНИЕМ БОЛИ

ФИНСКИЙ ОПЫТ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

*Составление и перевод с английского
И.Г.Ясавеева,
Казанский университет*

**National Research Institute of Legal Policy
Research report 261
Helsinki 2012**

УДК 343.26
ББК 67.409
О-80

*Издание книги финансируется Евросоюзом в рамках проекта
“VOICES: The Volga International Centre for EU Studies”,
осуществляемого Центром ЕС в Казани.*

KONEEN SÄÄTIÖ

*Подготовка книги осуществлена в рамках проекта
«Исследование финского опыта сокращения числа заключенных»
(грант Фонда Конне 18-3382-33).*

О-80 От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / Сост. И.Г.Ясавеев. – Хельсинки: Национальный исследовательский институт правовой политики, 2012. – 200 с.: илл.

ISBN 978-951-704-407-3
ISSN 1797-562X

В книге содержатся статьи и эссе известных финских криминологов – И.Анттилы, П.Торнудда и Т.Лаппи-Сеппалы, – описывающие уникальную реформу системы наказаний в Финляндии, в результате которой в этой стране многократно сократилась численность заключенных. Еще в середине XX в. Финляндию называли “страной тюрем”, доля заключенных в составе населения в несколько раз превышала значения этого показателя в других скандинавских странах. Однако в настоящее время Финляндия занимает одно из последних мест в Европе в этом отношении. Каким образом это стало возможным? И в какой степени финский опыт может быть применим в России, занимающей третье место в мире по числу заключенных? Именно эти вопросы определили содержание предлагаемой книги.

УДК 343.26
ББК 67.409

ISBN 978-951-704-407-3
ISSN 1797-562X

© National Research Institute of Legal Policy, 2012
© Перевод на русский язык, И.Г.Ясавеев, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Тапио Лаппи-Сеппала. Контроль за численностью заключенных: опыт Финляндии.....	13
Тапио Лаппи-Сеппала. Система санкций в Финляндии....	49
Патрик Торнудд. Пятнадцать лет сокращения численности заключенных в Финляндии.....	76
Инкери Анттила. Контроль без репрессивности?.....	97
Патрик Торнудд. К реалистичным целям уголовной политики.....	112
Инкери Анттила. Смертная казнь: криминологическая перспектива.....	131
Тапио Лаппи-Сеппала. Доверие, благосостояние и политическая экономия: объяснение национальных различий в использовании тюремного заключения.....	142
Сведения об авторах.....	198

From the “land of incarcerations” towards the society with a minimal use of pain: Finnish experience of reducing the prison population. Helsinki, 2012 (in Russian)

National Research Institute of Legal Policy. Research report 261

ISBN 978-951-704-407-3

ISSN 1797-562X

Contents

Preface.....	5
Controlling Prisoner Rates: Experiences from Finland	
<i>Tapio Lappi-Seppälä</i>	13
An Overview of the Finnish Sanction System	
<i>Tapio Lappi-Seppälä</i>	49
Fifteen Years of Decreasing Prisoner Rates in Finland	
<i>Patrik Törnudd</i>	76
Control without Repression?	
<i>Inkeri Anttila</i>	97
Setting Realistic Policy Goals	
<i>Patrik Törnudd</i>	112
The Death Penalty: Criminological Perspectives	
<i>Inkeri Anttila</i>	131
Explaining National Differences in the Use of Imprisonment	
<i>Tapio Lappi-Seppälä</i>	142
About the Authors.....	198

The book is prepared within the project “Studying Finnish experience of the reduction of prison population and presenting it to Russian decision-makers, judiciary, criminological and civil communities” funded by Kone Foundation (grant number 18-3382-33)

The book is published within the project “VOICES: The Volga International Centre for EU Studies” funded by the European Union

*«Существуют весомые основания полагать,
что в тех странах, где в тюрьмы
отправляется непомерно большое число людей и
где сроки лишения свободы аномально велики,
людям причиняются ненужные страдания,
а ресурсы расходуются неэффективно».*

Патрик Торнудд

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является результатом четырехлетнего проекта по изучению финского опыта реформирования уголовного правосудия и сокращения числа заключенных. Идея проекта возникла благодаря Нильсу Кристи и его работе «Борьба с преступностью как индустрия»¹. Кристи описывает радикальное изменение численности заключенных в Финляндии во второй половине двадцатого века. Еще в середине столетия Финляндию называли “страной тюрем”, поскольку число заключенных на сто тысяч жителей составляло более 200, многократно превышая значения этого показателя в других скандинавских странах. Однако к концу XX века Финляндия оказалась на одном из последних мест в Европе по числу заключенных (в настоящее время 59 человек на сто тысяч жителей). Каким образом это стало возможным? Как возникло осознание значительного числа заключенных как проблемы? Какие действия были предприняты для сокращения численности тюремного населения? Как это сокращение сказалось на уровне преступности? И в какой степени финский опыт определения высокой доли заключенных в составе населения как проблемы и последовавших реформ системы уголовного правосудия может быть применим в России? Именно эти вопросы легли в основу проекта.

¹ Кристи, Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. С. 46-51.

В настоящее время Россия занимает третье место в мире как по абсолютному числу заключенных, так и по относительному¹. По данным Федеральной службы исполнения наказаний, к маю 2012 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы находились около 738 тысяч человек², что составляет 516 заключенных на сто тысяч жителей. При этом, судя по результатам социологических исследований, более половины граждан России не знают о том, что доля заключенных в составе населения в нашей стране – одна из самых высоких в мире³.

В рамках проекта я изучал и переводил работы финских криминологов, посещал финские тюрьмы и пытался найти ответ на вопрос, какие уроки можно извлечь из опыта нашего северо-западного соседа, страны, часть истории которой является нашим общим прошлым?

Изначально было очевидно, что механический перенос финского опыта сокращения числа заключенных на российскую действительность лишен смысла. Чем больше я изучал финскую тюремную систему как часть финского общества, тем больше убеждался в том, насколько велики некоторые различия между нашими странами. Например, Россия и Финляндия разительно отличаются типом политической культуры, уровнем страха людей перед преступностью, уровнями институционального и межличностного доверия, социальной политикой, ситуацией с распределением доходов, характером сообщений СМИ о преступности, тогда как исследования криминологов показывают, что именно эти факторы определяют уголовную политику.

Вместе с тем опыт Финляндии убедительно подтверждает общее криминологическое положение о том, что *степень суровости уголовной политики и уровень преступности*

¹ Данные Международного центра тюремных исследований. URL: <http://prisonstudies.org/info/worldbrief> (дата обращения: 11 мая 2012 г.).

² Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. URL: <http://fsin.su/statistics> (дата обращения: 11 мая 2012 г.).

³ О пенитенциарной системе в России [результаты опроса Фонда «Общественное мнение»]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d083824> (дата обращения: 11 мая 2012 г.).

не связаны между собой. Финны существенно смягчили свое уголовное законодательство, декриминализовали ряд деяний, изменили структуру уголовных санкций, значительно увеличив долю штрафов и условного лишения свободы, сократили продолжительность тюремных сроков, ввели и распространили такую новую для Финляндии альтернативу тюремному заключению, как общественные работы. Столь популярное в нашей стране утверждение «вор должен сидеть в тюрьме» уже не является аксиомой в Финляндии. И все эти изменения не оказали никакого ощутимого воздействия на ситуацию с преступностью.

Представляемый сборник включает в себя статьи и эссе известных финских криминологов – Инкери Анттилы, Патрика Торнудда и Тапио Лаппи-Сеппалы, – подробно описывающие идеологию и осуществление реформы системы наказаний в Финляндии, а также факторы, которые сделали возможными эти изменения.

Статья Тапио Лаппи-Сеппалы *«Контроль за численностью заключенных: опыт Финляндии»* начинается с описания «беспрецедентного расширения сферы уголовного контроля», которое имеет место в целом ряде стран, прежде всего в англосаксонских, и которому противопоставляется устойчивая тенденция к сокращению числа заключенных во второй половине XX века в Финляндии. Лаппи-Сеппала анализирует как сдвиги в идеологии наказаний, лежавшие в основе правовых реформ в Финляндии, так и сами реформы, а также их воздействие на численность тюремного населения. Среди факторов, способствовавших осуществлению реформ, Лаппи-Сеппала выделяет состояние политической культуры, особенности финских средств массовой информации, скандинавское сотрудничество, определенную судебную культуру, существующую в Финляндии, а также социальные факторы – пересмотр социальной политики вместе с присоединением к скандинавской семье государств всеобщего благосостояния. Статистические и исследовательские данные, используемые Лаппи-Сеппалой, легли в основу ключевого вывода его работы: «Между сте-

пенью использования тюрьмы и числом совершаемых или регистрируемых преступлений нет связи». Завершается статья рассмотрением перспектив развития ситуации с численностью заключенных в Финляндии и скандинавских странах в целом.

Следующая статья Т. Лаппи-Сеппалы «*Система санкций в Финляндии*» подробно описывает современную систему наказаний, включающую в себя широко применяемые альтернативы лишению свободы, такие, как штрафодни, условное заключение, общественные работы, а также практики медиации и отказа от наказания. Один из акцентов делается на реформе тюремного законодательства Финляндии в течение последнего десятилетия, целью которой было обеспечение фундаментальных прав заключенных. Лаппи-Сеппала очерчивает также современную систему тюрем в Финляндии: закрытые и открытые тюрьмы, условия жизни заключенных, практики отпусков из тюрьмы и других контактов с внешним миром, условно-досрочного освобождения и надзора после освобождения с испытательным периодом, включая использование нестигматизирующих систем электронного мониторинга местонахождения.

Эссе Патрика Торнудда «*Пятнадцать лет сокращения численности заключенных в Финляндии*» является одной из первых криминологических работ, не столько описывающих, как были проведены реформы, сколько объясняющих, каким образом они стали возможны. Торнудд отмечает, что важнее понять идеологические факторы сокращения численности заключенных, нежели вдаваться в его технические детали. В работе рассматривается сдвиг от классической идеологии уголовного правосудия, основанной на возмездии и устрашении, к идее общей превенции. В соответствии с этой идеей важно, чтобы общество продемонстрировало свое неодобрение преступления посредством некоторого карательного действия, тогда как характер этого действия имеет второстепенное значение. Торнудд подчеркивает исключительно важную роль экспертов-криминологов в осуществлении изменений. По его словам,

именно усилия данной группы людей, консультировавших политиков, позволили определить значительную численность заключенных как *проблему*, и это определение привело к целому ряду реформ и конкретных повседневных действий. Патрик Торнудд подчеркивает, что успех реформ в Финляндии был обеспечен не столько изменениями в законодательстве, сколько готовностью госслужащих, занимающих ключевые позиции, судей и руководства тюрем использовать все возможные средства для сокращения численности заключенных.

Два блестящих эссе Инкери Анттилы и Патрика Торнудда, следующих далее, дают представление о дискуссиях и идеях, которые определили содержание правовых реформ в Финляндии, а также об установках “архитекторов” данных реформ. Именно эти криминологи внесли выдающийся вклад в их планирование и осуществление.

Вопрос, сформулированный профессором Анттилой в самом названии своего эссе, – может ли контроль над преступностью осуществляться без репрессивности – имеет фундаментальный характер. Автор формулирует несколько вариантов данной проблемы в зависимости от уровня рассмотрения: 1) возможны ли тюрьмы, в функционировании которых отсутствовала бы репрессивность? 2) следует ли пытаться найти наказания, менее репрессивные по сравнению с сегодняшним тюремным заключением? 3) возможна ли замена формального контроля другими видами контроля? Важными и заслуживающими обсуждения представляются идеи Инкери Анттилы об отсутствии необходимости в суровости наказаний при обеспечении их неотвратимости и о необходимости ослабления бремени, возлагаемых на заключенных (“козлов отпущения существующей системы”, пример которых предупреждает всех остальных). Одна из идей, обосновываемых профессором Анттилой, состоит в том, что общество *обязано* постоянно искать новые альтернативы тюремному заключению, а использование тюрьмы должно быть сведено к минимуму.

Патрик Торнудд так же, как Инкери Анттила, исходит из того, что уровень преступности в обществе определяется главным образом не качествами системы уголовного правосудия, а иными факторами. В эссе «*К реалистичным целям уголовной политики*» он подчеркивает, что для осуществления функции общей превенции необходимо, чтобы система уголовного правосудия воспринималась в качестве легитимной и эффективной. Если эта система адекватно определяет, что является преступлением, обеспечивает справедливость процедуры и адекватность и неотвратимость наказания, то она способствует принятию социальных норм, лежащих в основании криминализаций. «Именно эти социальные нормы, а не суровость наказаний в конечном счете определяют способность общества сдерживать преступность». Исходя из этого, Патрик Торнудд обосновывает такую цель уголовной политики, как минимизация и справедливое распределение социальных затрат, вызываемых преступностью и контролем над нею. Общий принцип при таком распределении заключается в том, что ни на кого, включая правонарушителей и их семьи, не должно возлагаться неоправданное бремя.

Еще одна статья Инкери Анттилы «*Смертная казнь: криминологическая перспектива*» посвящена проблеме, на первый взгляд, утратившей свою актуальность как для Финляндии, так и для России. Однако Анттила рассматривает вопрос о применении смертной казни с точки зрения соотношения и взаимодействия между собой трех компонентов общей превенции: 1) суровости наказания, 2) его неотвратимости и 3) его значения для формирования и поддержания общественной морали. Аргументация Анттилы имеет прямое отношение к вопросу о том, чем объясняется суровость уголовных наказаний, применяемых в ряде стран: по мнению криминолога, если два последних компонента общей превенции не действуют удовлетворительным образом, то система уголовного правосудия вынуждена делать ставку на суровость.

Завершается сборник социологической статьей Тапио Лаппи-Сеппалы *«Доверие, благосостояние и политическая экономия: объяснение национальных различий в использовании тюремного заключения»*, в которой анализируются различия в степени репрессивности уголовной политики в индустриализованных странах. Результаты исследований позволяют утверждать, что различия в доле заключенных в составе населения не могут объясняться различиями в уровне преступности. Суровость уголовной политики тесно связана с общественными настроениями (страхами, уровнями институционального и межличностного доверия), степенью обеспечения всеобщего благосостояния, различиями в распределении доходов и политической культуре. Например, скандинавская модель уголовной политики, известная своей мягкостью, основывается на консенсуальной и корпоратистской политической культуре, высоких уровнях общественного доверия и политической легитимности и сильном государстве всеобщего благосостояния.

В *приложении* находится серия фотографий, сделанных мною в финских тюрьмах Кюльмякоски, Кяюра и Сатакунта. Следует отметить открытость тюрем Финляндии для исследователей. У меня не возникло никаких трудностей с получением разрешения на посещение тюрем от Агентства уголовных санкций Финляндии (при этом я сам выбирал тюрьмы, которые хотел бы посетить). Во время визитов я мог – в сопровождении сотрудников тюрьмы – посещать все тюремные помещения без каких-либо ограничений, за исключением камер или комнат для заключенных, если они в это время отдыхали и двери были закрыты. В большинстве тюрем мне разрешали пользоваться фотокамерой при условии, что в кадре не будет заключенных. Характерно, что никаких существенных различий во внешнем и внутреннем виде финских тюрем и, например, учебных корпусов Университета Турку или резиденции Саари для получателей грантов Фонда Конне нет. Это же касается условий проживания и труда, качества пищи и т.п. Мой опыт посещений закрытых и открытых тюрем показывает, что в Финляндии

действительно реализованы следующие принципы: «Исполнение наказания в виде тюремного заключения должно быть организовано таким образом, чтобы наказанием было только лишение свободы... Условия жизни в тюрьме должны быть такими, чтобы они – в той степени, в какой это возможно, – соответствовали жизненным условиям, преобладающим в обществе... Заключенному должны быть предоставлены возможности поддерживать свое здоровье и функциональные способности. Вред, наносимый лишением свободы, должен быть, если это возможно, предотвращен. Цель заключается в том, чтобы не допустить какого-либо ущерба вследствие лишения свободы» (Закон о тюрьмах).

Я хотел бы поблагодарить Тапио Лаппи-Сеппалу, Инкери Анттилу, Патрика Торнудда, а также издательство Taylor & Francis Books и Стокгольмский институт скандинавского права – за разрешение на издание работ на русском языке, Агентство уголовных санкций и Kimmo Hupen, Marja Vakkala, Jari Myllylä, Tapio Vanha-Jaakkola, Petri Niemelä, Jussi Leino за разрешение посетить тюрьмы Турку, Кяюра, Кюльмякоски и Сатакунта и помощь при их посещении, Фонд Коне (Kone Foundation) за финансовую поддержку проекта и предоставление резиденции Саари для меня и моей семьи в сентябре 2011 г., а также Центр Европейского союза – VOICES Казанского университета за финансирование издания книги.

Я очень надеюсь, что эта книга внесет вклад в обсуждение крайне высокой доли заключенных в составе населения в России как *социальной проблемы* и будет способствовать выработке адекватной уголовной политики в нашей стране.

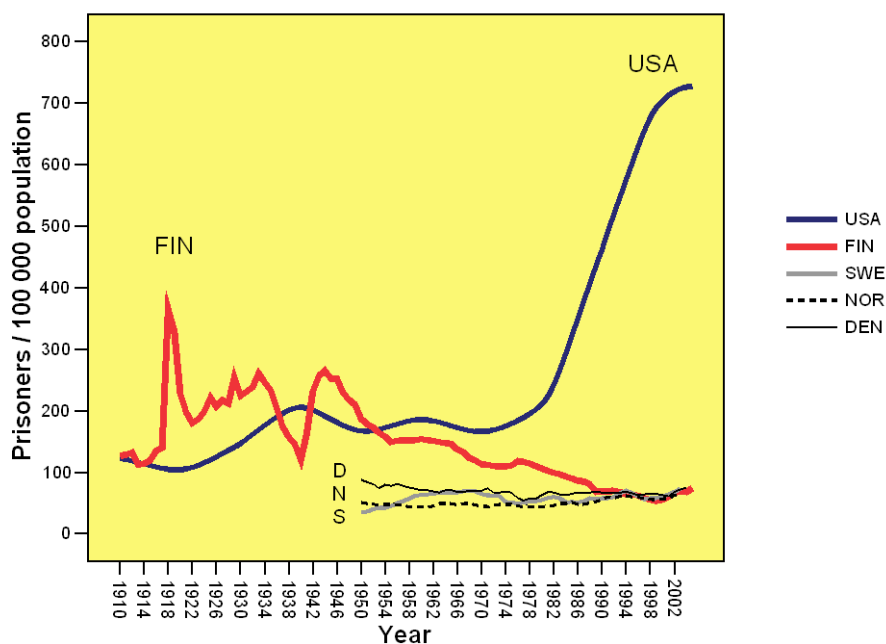
Май 2012 г.

Искэндэр Ясавеев

КОНТРОЛЬ ЗА ЧИСЛЕННОСТЬЮ ЗАКЛЮЧЕННЫХ: ОПЫТ ФИНЛЯНДИИ*

I. Тенденции и изменения

В последние десятилетия в различных частях мира имело место беспрецедентное расширение сферы уголовного контроля. С 1975 по 2009 г. доля заключенных в составе населения в США выросла на 350 процентов со 170 заключенных на 100 тысяч жителей до 740. Этот драматический рост может быть противопоставлен сокращению числа заключенных в Финляндии после Второй мировой войны.

Диаг. 1. Число заключенных на 100 тысяч жителей в США, Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании.

* Lappi-Seppälä, Tapio. Controlling Prisoner Rates: Experiences from Finland // UNAFEI Resource Material Series. No. 74. 2008. P. 3-19. Статистические данные обновлены в 2012 г. Перевод и публикация с разрешения автора. Перевод впервые был опубликован в Журнале зарубежного законодательства и сравнительного правоведения (2011. №3. С.88-107).

Сравнивая эти диаметрально противоположные тенденции, мы получаем убедительную иллюстрацию того, насколько различную форму может принимать уголовная политика в одно и то же время в разных юрисдикциях. То, что имело место в США, не произошло в Финляндии, напротив. Ситуации развивались совершенно по-разному. Однако процессы в США, как представляется, имели сильный моделирующий эффект прежде всего в англоговорящем мире. Сходные изменения, хотя и в меньших масштабах, произошли в Австралии, Новой Зеландии и Великобритании. Эти тенденции не ограничиваются англоязычными странами. В последние два десятилетия относительное число заключенных в Нидерландах выросло в шесть раз – с 20 до 130 на 100 000 жителей¹. В Испании этот показатель вырос более чем в три раза – с 40 до 140 заключенных на 100 000 жителей².

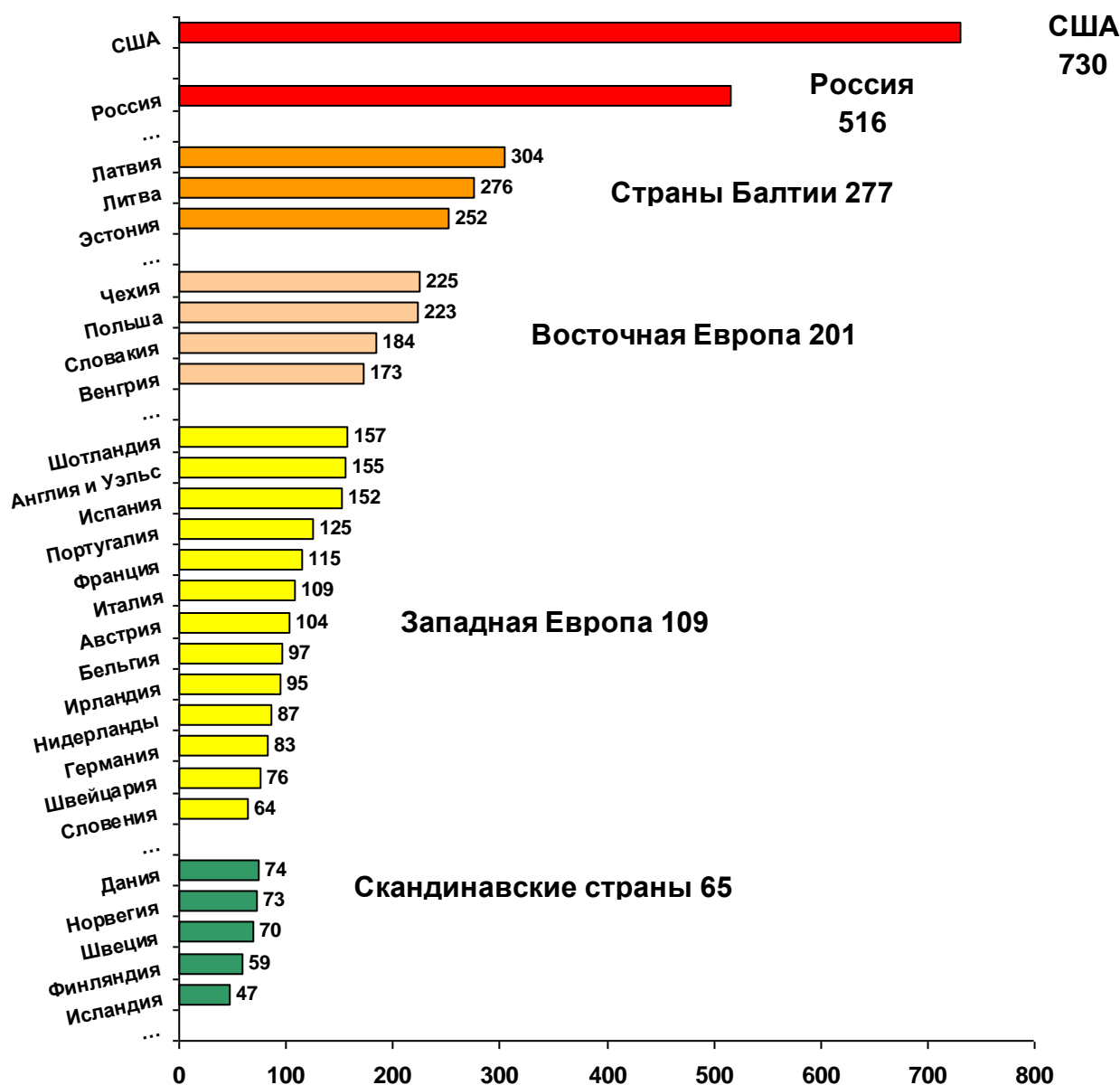
Существуют серьезные основания испытывать беспокойство по поводу подобного развития. Такие тенденции имеют место по всему миру, включая азиатские и африканские страны. Например, на Японию часто указывают как на пример страны с низким уровнем преступности и небольшой долей заключенных в составе населения. В течение длительного периода показатели численности заключенных в Японии были самыми низкими в индустриализованных странах, даже ниже, чем в Скандинавии. Однако в настоящее время и эта страна переживает рост числа заключенных, составивший уже около 70 процентов с начала 1990-х гг.

К сожалению, на рубеже тысячелетий глобальное увеличение размеров тюремного населения затронуло и сканди-

¹ К октябрю 2011 года в Нидерландах было 87 заключенных на 100 тысяч жителей (данные Международного центра тюремных исследований). URL: http://www.prisonstudies.org/info/worldbrief/wpb_country.php?country=157 (дата обращения: 12 апреля 2012 г.) – Прим. переводчика.

² К апрелю 2012 года в Испании было 152 заключенных на 100 тысяч жителей (данные Международного центра тюремных исследований). URL: http://www.prisonstudies.org/info/worldbrief/wpb_country.php?country=165 (дата обращения: 12 апреля 2012 г.) – Прим. переводчика.

навские страны. С конца 1990-х гг. число заключенных на 100 тысяч населения в них стало расти. Даже несмотря на скромный характер этого роста по международным меркам (в среднем с 60 до 70-75 заключенных на 100 000 жителей), он, тем не менее, значителен со скандинавской точки зрения.

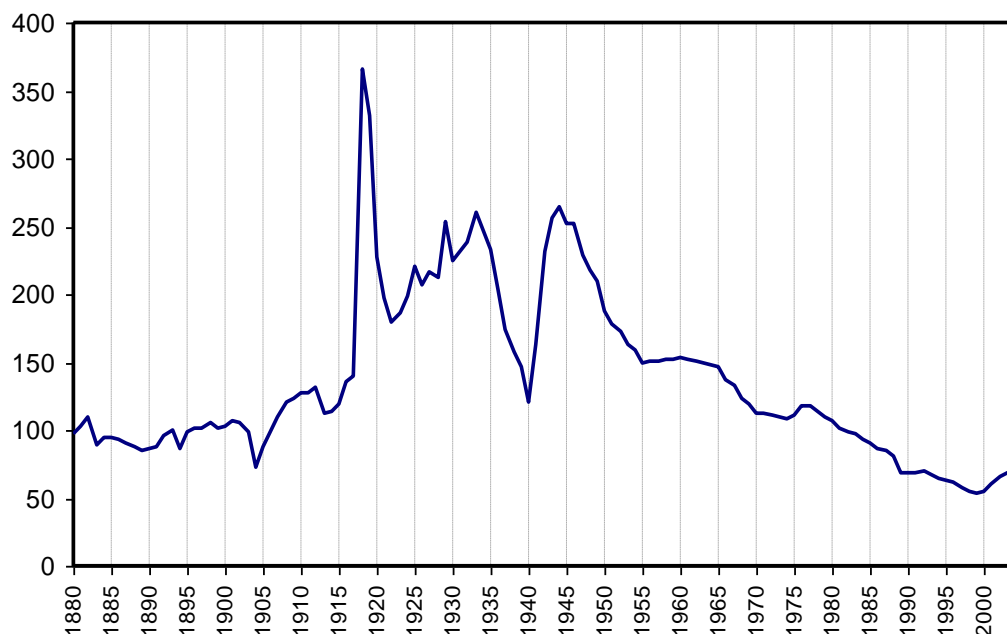
Диаг. 2. Число заключенных на сто тысяч жителей к 1 мая 2012 г. (по данным Международного центра тюремных исследований: URL: <http://www.prisonstudies.org/info/worldbrief/>).

Итак, в глобальном масштабе преобладает тенденция к росту числа заключенных. Однако существуют исключения, кроме того, все еще наблюдаются огромные различия в

уровнях использования лишения свободы. Это следует из опубликованных данных о числе заключенных в разных странах. В глобальном контексте скандинавские страны сходны с Японией – они отличаются самыми низкими показателями доли заключенных в составе населения (60-75 на 100 тысяч жителей в настоящее время). В других западно-европейских странах в среднем около 110 заключенных на сто тысяч жителей, в Восточной Европе около 200, в странах Балтии около 280, в России – около 520, в США – 730.

Являются ли эти данные естественным и неизбежным отражением уровней преступности? Мой ответ, подкрепленный результатами исследований, – решительное “нет”. Число заключенных, их доля в составе населения не может объясняться состоянием дел с преступностью. Это результат политических процессов, но на них тоже можно влиять.

Я постараюсь объяснить это, используя данные о Финляндии. В общемировом контексте тенденции изменения ситуации в этой стране уникальны. В начале 1950-х гг. в Финляндии было около 200 заключенных на 100 тысяч жителей, тогда как в Швеции, Дании, Норвегии – и Японии – около 50. Даже в 1970-е гг. доля заключенных в составе населения в Финляндии продолжала оставаться самой высокой в Западной Европе. Однако в то время, когда в большинстве европейских стран тюремное население росло, в Финляндии число заключенных уменьшалось. К началу 1990-х гг. Финляндия достигла скандинавского уровня – 60 заключенных на 100 тысяч жителей. Первое, что следует отметить, – такое радикальное изменение нельзя объяснить, как это часто предполагается, снижением уровня преступности. Когда число заключенных в Финляндии уменьшалось, уровень преступности повышался. Ошибочным является также еще чаще встречающееся мнение, что сокращение числа заключенных привело к росту преступности.

Диаг. 3. Число заключенных на 100 тысяч жителей в Финляндии с 1880 по 2005 г. (среднегодовой показатель). Источник: Национальная статистика.

Я останавлиюсь вначале на причинах и факторах, способствовавших уменьшению числа заключенных, а затем попытаюсь ответить на вопрос, отражаются ли и, если да, то в какой степени, эти изменения на уровне преступности?

II. Изменения в идеологии наказаний

Долгосрочная тенденция изменений в Финляндии, охватившая почти полстолетия, испытала воздействие как структурных факторов на макроуровне и идеологических сдвигов в теории наказаний, так и правовых реформ и меняющихся практик вынесения и исполнения наказаний. Следует отметить также, что значение этих различных основополагающих факторов изменялось с течением времени.

Так же, как и во многих других странах, мышление в области уголовной политики в Финляндии претерпело глубокие изменения в конце 1960-х и 1970-е гг. В 1960-е гг. в скандинавских странах развернулась оживленная обще-

ственная полемика об обоснованности и результатах недобровольного лечения в различных организациях, как пенитенциарного характера, так и не связанных с наказаниями (например, в сфере здравоохранения и лечения алкоголиков). То, что впоследствии стало известно под названием доктрины «ничто не работает» (“nothing works” doctrine), обсуждалось в скандинавских странах в конце 1960-х гг. Характер и результаты этого идеологического поворота были весьма различны в Финляндии и США. В США упадок идеала реабилитации (исправления) привел впоследствии к ренессансу наказания. В Финляндии акцент был сделан на неэффективности институционального “лечения” (treatment), и развернулось реформаторское движение против чрезмерного использования тюремного заключения. Сформировавшаяся в результате идеология уголовной политики получила название “гуманистический неоклассицизм”. Особое значение в ее рамках придавалось как правовым гарантиям против принудительного лечения, так и общей цели использования менее репрессивных мер.

Эти изменения отражали не только беспокойство по поводу отсутствия таких правовых гарантий, но и более глубокие сдвиги в восприятии проблемы преступности как таковой. Драматические изменения произошли в теоретических основаниях уголовной политики, в понимании ее целей и средств. Цели уголовной политики стали определяться в соответствии с направленностью общей социальной политики. Традиционные цели, такие, как простая превенция, «искоренение преступности» или «защита общества», уступили место более тонким формулировкам: 1) минимизация вредного воздействия преступности и контроля над преступностью и затрат, связанных с ними (цель минимизации); 2) справедливое распределение бремени этих издер-

жек между правонарушителем, обществом и жертвой (цель справедливого распределения)¹.

Цель минимизации подчеркивает необходимость сокращения *издержек* и вредного воздействия преступного поведения, а не просто числа преступлений. Особое значение при этом придается использованию средств, которые, возможно, не влияют на уровень преступности, но нейтрализуют вредное воздействие преступности на различные стороны (особенно на жертв). Подчеркивая, что внимание следует обращать не только на издержки, связанные с преступностью, но и на издержки и страдания, вызываемые контролем над ней, данная формула высвечивает материальные и нематериальные потери, возникающие в ходе функционирования системы санкций. *Цель справедливого распределения* способствует привлечению внимания к вопросам размещения издержек, связанных с преступностью и контролем над ней, между обществом, потенциальным или реальным правонарушителем, потенциальной или реальной жертвой в соответствии с требованиями социальной справедливости.

Кроме того, в области уголовной политики стал использоваться анализ *соотношения выгод и затрат* (cost-benefit analysis), предполагающий оценку вероятных эффектов и издержек (в широком смысле – включая нематериальные издержки для правонарушителя) при выборе различных стратегий и средств.

¹ Впервые эти цели были внесены в “повестку дня” международных дискуссий финским криминологом Патриком Торнуддом на Шестом криминологическом конгрессе (1970 г.). Эти определения целей были приняты Пятым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, включившим их в резолюцию секции, на которой рассматривались экономические и социальные последствия преступности. Та же резолюция рекомендовала поощрять подход с позиций соотношения выгод и затрат. Подробнее пишет об этом П.Торнудд: Törnudd, P. Facts, values and visions: essays in criminology and crime policy. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1996.

Одним из результатов всех этих сдвигов стало *расширение арсенала средств уголовной политики* по сравнению с традиционной системой наказаний. В ходе дискуссий в сфере уголовной политики были выработаны *новые стратегии предупреждения преступности*, позднее получившие название социальных или ситуационных стратегий. Сущность этой новой идеологии выражена в лозунге: «Лучшей уголовной политикой является хорошая социальная политика».

Переоценке были подвергнуты также цели и основания наказания. Вновь произошел сдвиг к общей превенции, однако последняя стала пониматься по-другому. Предполагалось, что эффект общей превенции может быть достигнут не посредством страха (устрашения), а посредством влияния наказания на формирование морали и ценностей. В соответствии с этой идеей, неодобрение, выражаемое наказанием, воздействует на ценности и моральные взгляды индивидов. В результате этого процесса нормы уголовного права и ценности, которые они выражают, интернализуются; люди воздерживаются от незаконного поведения не потому, что за ним последует неприятное наказание, а потому, что само поведение считается предосудительным¹.

¹ Это “переопределение” цели наказания в скандинавских странах основывается на долгой теоретической традиции, восходящей к раннему скандинавскому реализму Уппсальской школы 1920-1930-х гг. При более пристальном рассмотрении обнаруживается, что данная концепция включает в себя несколько различных гипотез, основывающихся на различных идеях относительно того, почему, каким образом и посредством каких механизмов те или иные черты правовой системы влияют на общественные ценности и подчинение законам. См.: Andenaes, J. Punishment and Deterrence. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1974; Lappi-Seppälä, T. General Prevention: hypotheses and empirical evidence // Ideologi og Empiri i Kriminologien. Reykjavik: Scandinavian Research Council for Criminology, 1995. Сходные тенденции обнаруживаются в немецкой теории уголовного права с 1970-х гг. (“positive General-Prävention”, см.: Schünemann, B., von Hirsch, A., Jareborg, N. Positive Generalprävention: kritische Analysen im deutsch-englischen Dialog. Heidelberg: C.F. Müller Verlag, 1998) и англосаксонской социологии 1990-х гг. (о теории “нормативного подчинения” см.: Tyler, T.R. Procedural justice, legitimacy, and the effective rule of law // Tonry,

Этот взгляд на функции системы наказаний подразумевает ряд важных моментов в уголовной политике. Достижению цели общей превенции в наибольшей степени способствует система санкций, поддерживающая нормы морали и демонстрирующая предосудительный характер действия. Такого рода механизмам нужна система, функционирующая в соответствии с принципом “честной эффективности”, следующая процедурам, которые воспринимаются как справедливые, и уважающая права и достоинства всех сторон.

Итак, с начала 1970-х гг. в Финляндии возникает общая убежденность в том, что в сфере предупреждения преступности уголовное право – это только одно из целого ряда средств и что другие средства часто являются гораздо более важными. Кроме того, подчеркивалось, что механизмы общей превенции являются более тонкими и сложными, нежели обычно предполагается, и что эффективное функционирование системы уголовного права обуславливается не столько суровыми наказаниями, сколько ее легитимностью и воспринимаемой справедливостью. В целом нам следует быть реалистами относительно возможностей достижения краткосрочных эффектов в деле контроля над преступностью с помощью попыток “починить” каким-либо образом нашу систему наказаний. И самое важное, нам всегда следует взвешивать вред и пользу применяемых или предлагаемых стратегий уголовной политики.

В период с 1970 по 1990 г. все основные части финского уголовного законодательства были реформированы на основе этих принципов. Приведенный ниже список охватывает более двадцати пяти реформ законодательства, объединяемых одной общей целью: сокращение использования тюремного заключения.

M. (ed.) *Crime and justice: a review of research*. Vol. 30. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. P.431–505; Bottoms, A. Compliance and community penalties // Bottoms, A., Gelsthorpe, L. and Rex, S. (eds.), *Community penalties: change and challenges*. Cullompton: Willan Publishing, 2001. P. 87–116).

Табл. 1. Правовые реформы и приблизительная оценка их воздействия на число заключенных в Финляндии с 1966 по 2010 г. (“–” – уменьшение, “+” – увеличение, соответственно “– – –” означает значительное сокращение численности заключенных, а “+ + +” значительный рост).

Год	Реформа	Эффект
1966	Сокращение минимального тюремного срока до условно-досрочного освобождения с 6 до 4 месяцев	–
1967	Амнистия (к празднованию пятидесятилетия независимости Финляндии)	– – –
1969	Декриминализация пьянства в общественном месте	– – –
1969	Реформа системы штрафодней: сокращено число штрафодней	–
1972	Смягчение наказаний за кражу	– – –
1973	Сокращение использования превентивного заключения	– –
1973	Введение правил, предусматривающих скидки (сокращение срока) для возвращаемых под стражу (Discount rules for remand)	–
1976	Реформа тюремного законодательства: сокращение минимального тюремного срока до условно-досрочного освобождения с 4 до 3 месяцев	–
1977	Расширение использования условного заключения	–
1977	Реформа системы вынесения приговоров; воздействие рецидивизма ограничено	– –
1977	Реформа системы штрафодней: большие по размеру штрафы вместо тюремного заключения	–
1977	Реформа системы санкций за вождение автомобиля в состоянии опьянения: штрафы и условное заключение вместо тюрьмы	– – –
1989	Снижен уровень ответственности неплательщиков штрафа (Fine-default rate reduced)	–
1989	Сокращение минимального тюремного срока до условно-досрочного освобождения с 3 месяцев до 14 дней	– –
1989	Ограничено использование тюрьмы для несовершеннолетних	–
1990	Сокращена продолжительность досудебного со-	–

	держания под стражей	
1991	Смягчение наказаний за кражу	--
1991	Расширение сферы отказа от судебного преследования (non-prosecution)	-
1992	Введение системы общественных работ	--
1994	Снижение уровня алкоголя в крови водителей как обстоятельства особо опасной езды в состоянии опьянения с 1.5 до 1.2 ‰	+
1994	Эксперимент с ювенальной системой наказаний	-
1995	Система общественных работ начинает использоваться постоянно и по всей стране	---
1995	Домашнее насилие попадает в сферу уголовного преследования	+
1999	Ужесточение наказаний за нападение (assault)	++
2000	Ужесточение наказаний за изнасилование	+
2001	Увеличение штрафов для потребителей наркотиков	+
2003	Введение нулевого уровня терпимости в отношении вождения транспортных средств в состоянии наркотического опьянения	+
2000/ 2004	Введение комбинированного наказания (условное лишение свободы + общественные работы)	-
2004	Ограничена возможность отказа от судебного преследования в случае с домашним насилием	+
2004	Ювенальная система наказаний становится постоянно действующей	-/+
2005	Ужесточение наказаний за торговлю людьми, сутенерство и детскую порнографию	+
2006	Введение запрета на покупку сексуальных услуг	+
2006	Принятие и вступление в действие нового пакета законов, касающихся тюремного заключения	--
2006	Сокращение числа неплательщиков штрафа за счет введения уровня пересчета внесенных сумм	--
2008	Сокращение числа неплательщиков штрафа за счет исключения мелких штрафов	--
2010	Ужесточение наказаний за домашнее насилие	+
2010	Ужесточение наказаний за жестокое обращение с животными	+
2010	Введение системы электронного мониторинга	--

III. Правовая реформа и практики вынесения наказаний

А. Общие тенденции в определении наказаний

Традиционно финский судья имел в своем распоряжении весьма ограниченный набор вариантов при определении наказания. Двумя основными альтернативами тюремному заключению были условное лишение свободы (отсроченное наказание) и штраф, но эти альтернативы использовались весьма эффективно. Область применения штрафов и условного заключения была расширена в конце 1960-х, а также в середине 1970-х гг. посредством ряда правовых реформ.

В настоящее время в 60% всех случаев, рассматриваемых судами, правонарушители приговариваются к штрафу – типичному наказанию за большинство преступлений средней тяжести, таких, как кража, незаконное проникновение в помещение, нападение (assault) и т.д. Ведущая роль штрафов в значительной степени связана с системой штрафодней, которая начала применяться в Финляндии около 80 лет назад¹.

Условное лишение свободы, другая важная альтернатива, широко использовалось вместо приговоров к тюремному заключению. С 1950 по 1990 г. число приговоров к условному лишению свободы возросло с 3 до 18 тысяч в год, тогда как число судебных решений о тюремном заключении осталось на прежнем уровне. В 1950 году 30% всех

¹ В соответствии с этой системой число штрафодней определяется исходя из тяжести совершенного деяния, тогда как размер каждого отдельного штрафодня определяется исходя из дохода правонарушителя. Так, если за совершение магазинной кражи будет привлечен к ответственности безработный, то судья может назначить ему наказание в виде 20 штрафодней по 5 евро каждый, то есть в общей сложности 100 евро, а если в магазинной краже уличат человека с ежемесячным доходом в несколько тысяч евро, то число штрафодней будет тем же – 20, но размер каждого штрафодня будет уже 50 евро (всего 1000 евро).

приговоров к лишению свободы были условными. В 2008 году их доля составила 70%.

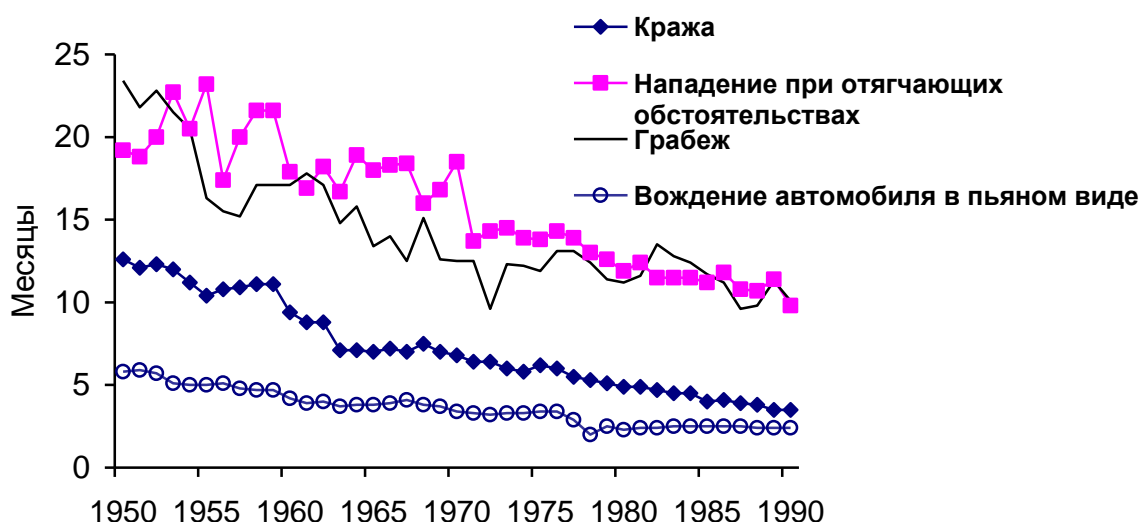
Табл. 2. Применение условного и реального лишения свободы с 1950 по 2008 г.

Год	Реальное лишение свободы, число приговоров	Условное лишение свободы, число приговоров	Условное лишение свободы, % приговоров к лишению свободы
1950	6741	2812	30
2008	6872	15998	70

Б. Изменения в определении наказаний за отдельные преступления

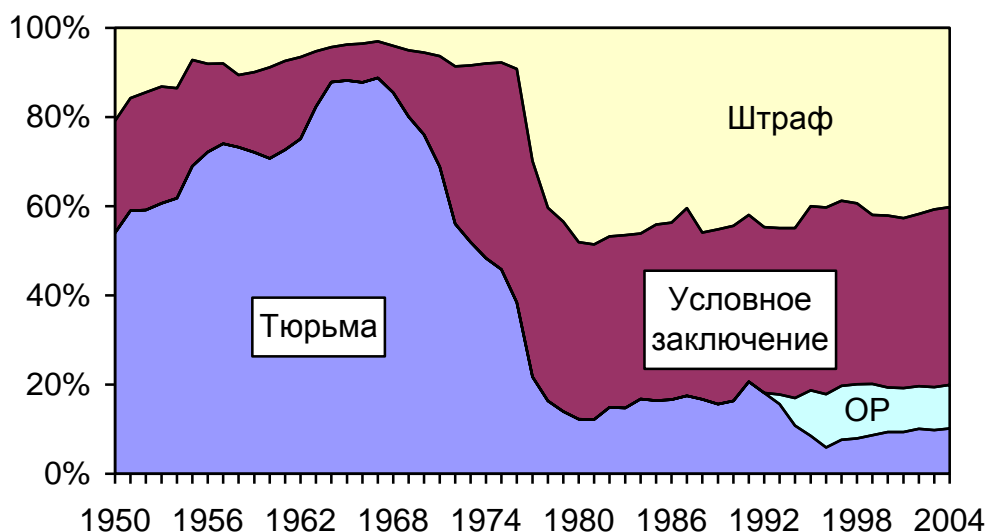
Длительные тюремные сроки, к которым приговаривали за традиционные преступления против собственности, удерживали численность заключенных на крайне высоком уровне в начале 1950-х гг. В 1972 году были установлены новые определения и пределы наказания за кражу. В 1991 году пределы наказания за основной вид кражи вновь были сокращены. Результатом стало заметное изменение практик определения наказаний. В 1971 году 38% всех правонарушителей, осужденных за кражу, получили реальные сроки тюремного заключения. Двадцать лет спустя, в 1991 году эта доля сократилась до 11%¹. Подобные изменения произошли и в случае с некоторыми другими преступлениями.

¹ См.: Lappi-Seppälä, T. Regulating the prison population: experiences from a long-term policy in Finland. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1998; Törnudd, P. Fifteen years of decreasing prisoner rates in Finland. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1993.

Диаг. 4. Средняя продолжительность сроков тюремного заключения за кражу, нападение при отягчающих обстоятельствах, грабёж и вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения с 1950 по 1990 г.

Особое место в скандинавской уголовной политике и ведущихся по ее поводу дебатах занимает вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения. Этому способствовало сочетание традиций значительного потребления алкоголя и очень жесткое и нетерпимое отношение к вождению автомобиля в пьяном виде. Острота финской проблемы тюрем в 1960-е гг. в значительной степени была связана с весьма длительными сроками тюремного заключения, к которым приговаривали правонарушителей такого рода. В 1970-е гг. эта практика была изменена в пользу альтернатив, не связанных с лишением свободы. Определение вождения автомобиля в состоянии алкогольного опьянения было изменено в 1977 году внесенной в законодательство поправкой, которая отдавала приоритет в качестве наказаний условному лишению свободы и штрафу.

Диаг. 5. Санкции за вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения с 1950 по 2004 г. (ОР – общественные работы)

В 1971 году 70% водителей, привлеченных к уголовной ответственности за езду в пьяном виде, были приговорены к реальному лишению свободы. Десять лет спустя, в 1981 году эта доля сократилась до 12%.

В. Реформа системы наказаний 1970-х гг.

В 1970-е гг. были приняты еще три закона, расширявшие применение условного заключения и штрафов в целом (и в случае с вождением автомобиля в состоянии алкогольного опьянения в частности).

1) Реформа *Акта об условном осуждении* обеспечила возможность комбинации штрафа с условным лишением свободы.

2) Реформа системы штрафодней увеличила размер штрафов, что способствовало назначению их судами и в более серьезных случаях.

3) Наиболее важной реформой этого периода было принятие в 1977 году общих правил вынесения наказаний. Эти положения заметно смягчали прежние механические пра-

вила в отношении рецидивизма. Уменьшение значения рецидивизма при определении наказания немедленно повлияло на практику судов.

Г. Новые альтернативы в области наказаний: общественные работы

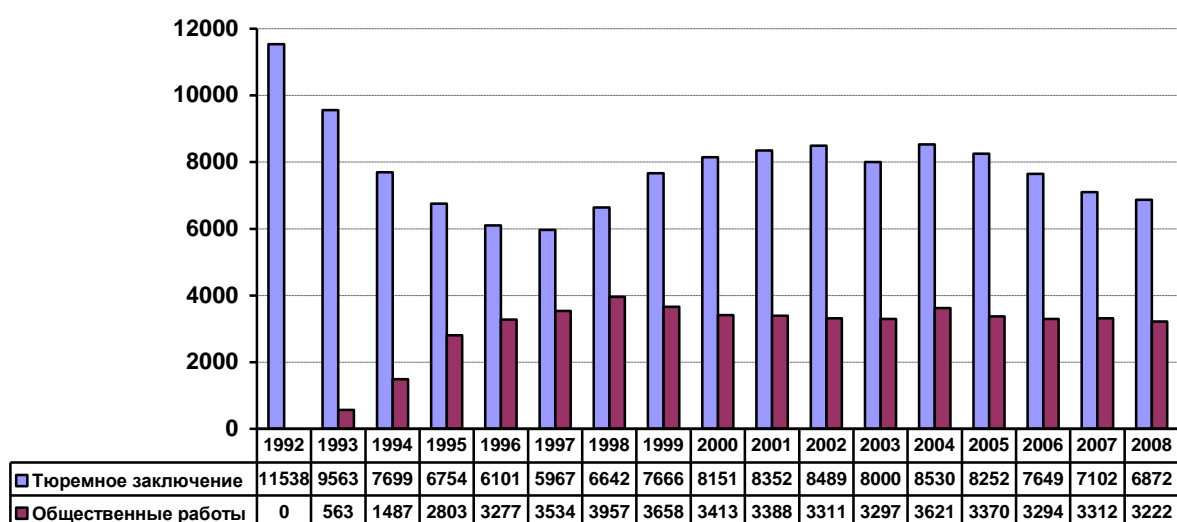
Следующим крупным сдвигом стало введение системы общественных работ. Впервые общественные работы начали применяться на экспериментальной основе в 1991 году. С 1994 года они используются в общенациональном масштабе и являются неотъемлемой частью финской системы санкций.

К общественным работам приговариваются вместо тюремного заключения сроком до 8 месяцев. Для того, чтобы гарантировать, что общественные работы будут действительно использоваться вместо реальных сроков тюремного заключения, была разработана и принята *двухступенчатая процедура*. Сначала суд выносит свое решение в соответствии с обычными принципами и критериями наказания, даже не рассматривая возможность общественных работ. *Если* результатом судебного разбирательства становится приговор о реальном лишении свободы на срок до 8 месяцев, *тогда* суд может заменить наказание на общественные работы при соблюдении следующих условий:

- во-первых, осужденное лицо должно быть согласно с применением такой санкции;
- во-вторых, правонарушитель должен быть способен выполнять предписанный порядок общественных работ;
- в-третьих, рецидивизм и предыдущие осуждения могут быть препятствием для использования данной санкции.

Продолжительность общественных работ может составлять от 20 до 200 часов. При замене тюремного заключения на общественные работы один день в тюрьме приравнивается к одному часу работ. Так, два месяца тюремного заключения должны быть заменены на примерно 60 часов

общественных работ. Если условия предписанного порядка общественных работ нарушаются, суд обычно выносит решение о новом реальном сроке тюремного заключения. Общественные работы не предполагают какого-либо дополнительного надзора, например, с целью контроля за поведением правонарушителя в целом. Надзор осуществляется только за выполнением его или ее рабочих обязанностей. Идея законодателя, таким образом, заключалась в том, что общественные работы следует использовать только тогда, когда в противном случае правонарушитель отбыл бы реальный срок тюремного заключения. Эта цель была достигнута.

Диаг. 6. Тюремное заключение и общественные работы в Финляндии с 1950 по 2008 г.

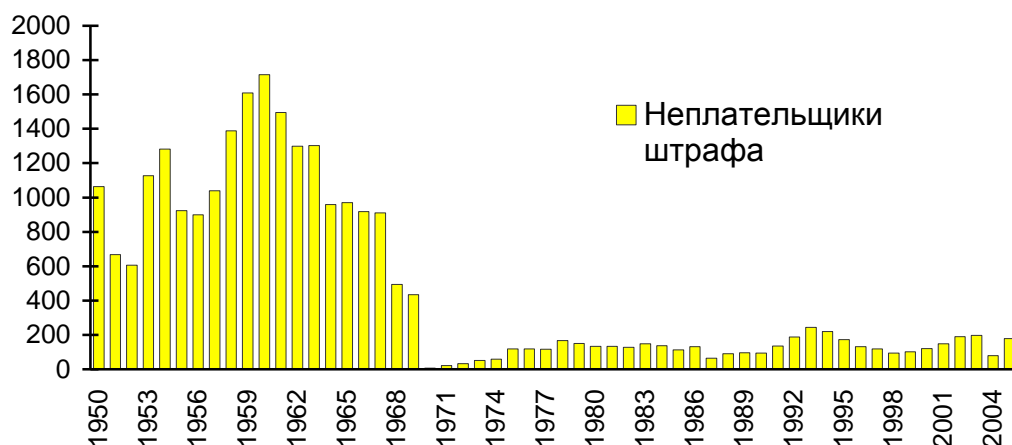
Наряду с ростом числа ордеров на общественные работы сократилось число приговоров к реальным срокам тюремного заключения. В 1998 году среднее ежедневное число правонарушителей, занимающихся общественными работами, составляло около 1200, тогда как число заключенных равнялось 2800. Следовательно, можно утверждать, что в течение короткого периода времени общественные работы стали важной альтернативой тюремному заключению. Как показывают данные, пик использования общественных работ пришелся на 1998 год.

Д. Особые группы заключенных

Различным группам заключенных уделялось больше или меньше внимания в тот или иной период времени. В 1960-е и 1970-е гг. в центре внимания находились неплательщики штрафов и рецидивисты, находящиеся в заключении с превентивной целью. В 1970-е и 1980-е было ограничено использование тюрьмы для несовершеннолетних правонарушителей.

1. Неплательщики штрафов

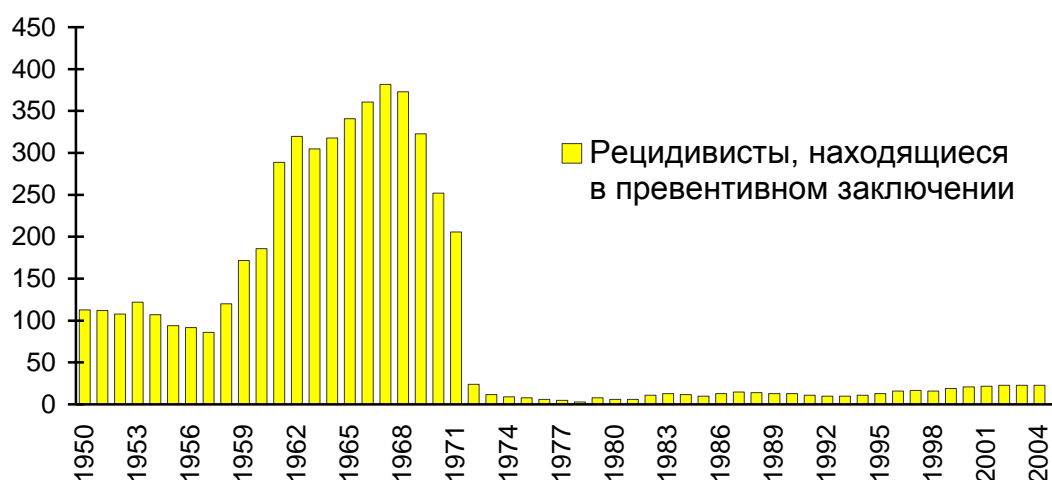
В 1950-е и 1960-е гг. значительную часть тюремного населения в Финляндии (иногда превышающую 25%) составляли неплательщики штрафов. В конце 1960-х число таких заключенных сократилось в результате двух последовательных реформ: во-первых, посредством декриминализации пьянства в общественном месте (что привело к меньшему числу приговоров к тюремному заключению за неуплату штрафов, поскольку пьянство в общественном месте было одним из основных правонарушений, ведущих к этому), во-вторых, посредством повышения размера штрафодней и сокращения их числа.

Диаг. 7. Число неплательщиков штрафа с 1950 по 2005 г. Источник: Агентство уголовных санкций.

2. Превентивное заключение

Система уголовной юстиции Финляндии включает в себя механизм удержания хронических рецидивистов в превентивном заключении после отбытия срока, если таково решение как обычного, так и специального суда. В 1960-е гг. значительное большинство удерживаемых с такой целью были признаны виновными в совершении повторных преступлений против собственности. На основе поправки, принятой в 1971 году, возможность превентивного заключения была ограничена только опасными правонарушителями, осужденными за действия, которые были совершены с применением насилия. В течение одного года число лиц, удерживаемых в превентивном заключении, сократилось на 90%, с 206 до 24. С тех пор среднегодовое число таких заключенных составляет от 10 до 20.

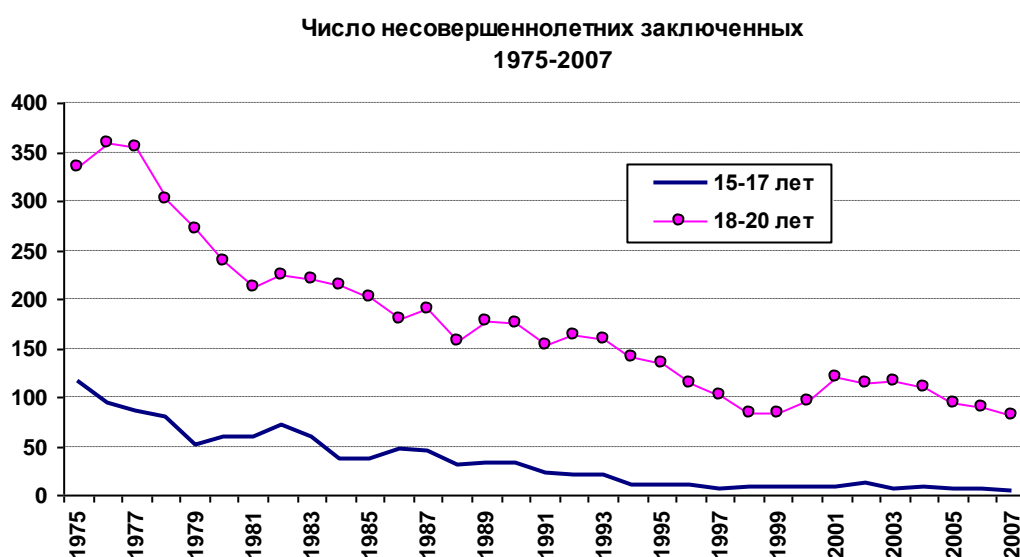

Диаг. 8. Число рецидивистов, находящихся в превентивном заключении, с 1950 по 2005 г. Источник: Агентство уголовных санкций.

3. Несовершеннолетние правонарушители

В Финляндии нет специальной системы ювенальной юстиции в том смысле, в каком это понятие используется в континентальных правовых системах. Здесь нет ювенальных судов, и число специальных наказаний, применимых только к несовершеннолетним, является весьма ограни-

ченным. Однако преступники в возрасте от 15 до 17 лет получают более мягкие наказания. Кроме того, условия отказа от санкций (отказа от уголовного преследования) в случае с юными правонарушителями являются гораздо менее жесткими. Преступники в возрасте до 21 года, приговоренные к тюремному заключению, обычно освобождаются условно-досрочно после отбытия трети срока вместо обычной половины. Несмотря на отсутствие специальных мер для подростков, в Финляндии проводилась осознанная политика против использования тюремного заключения для самых младших возрастных групп. При этом в основном использовались традиционные альтернативы. Склонность судов выносить приговоры к тюремному заключению в случае с несовершеннолетними правонарушителями снизилась в 1970-е и 1980-е гг. Кроме того, в 1989 году в *Акт об условном осуждении* была внесена поправка, которая позволяла применять реальные тюремные сроки в отношении несовершеннолетних правонарушителей только в том случае, если для этого есть экстраординарные основания. Все это очевидным образом повлияло на практику. В настоящее время в Финляндии около 80 заключенных в возрасте от 18 до 20 лет и 5 в возрасте от 15 до 17, тогда как еще в 1960-е гг. эти числа были в десять раз выше.

Диаг. 9. Число несовершеннолетних заключенных с 1975 по 2007 г.
Источник: Агентство уголовных санкций

Е. Условно-досрочное освобождение

Система условно-досрочного освобождения также оказалась очень мощным средством в деле контроля за долей заключенных в составе населения. Любые изменения в структуре этой системы очевидным образом сказывались на численности заключенных.

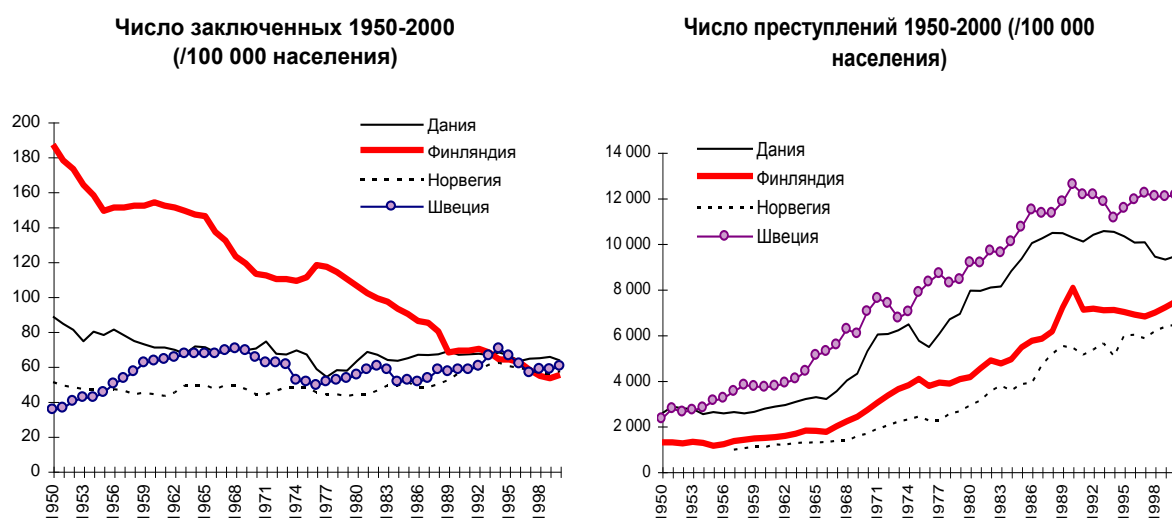
В настоящее время минимальный тюремный срок, который необходимо отбыть для того, чтобы заключенный мог быть освобожден условно-досрочно, составляет 14 дней. Такая ситуация сложилась в результате ряда реформ. В середине 1960-х гг. этот срок был сокращен с 6 до 4 месяцев, в середине 1970-х – с 4 до 3 месяцев и, наконец, в 1989 году – с 3 месяцев до 14 дней.

В начале 1960-х гг. менее 40% ежегодно освобождаемых заключенных оказывались на свободе досрочно. В конце 1960-х эта доля возросла до 50%, а в 1970-е до 75%. После реформы 1989 года практически все заключенные в Финляндии освобождаются условно-досрочно.

IV. Численность заключенных и уровень преступности

Фундаментальные изменения в масштабах использования тюремного заключения естественным образом влекут за собой вопрос об их воздействии на уровень преступности. Снова и снова исследования подтверждают тот факт, что между степенью использования тюрьмы и числом совершаемых или регистрируемых преступлений нет связи. Существует, конечно, ряд хорошо известных методологических трудностей в соотнесении уровней преступности с долей заключенных в составе населения (и другими изменениями в суровости наказаний). Однако редкую возможность разрешения этого вопроса дает сравнение стран, обладающих значительным сходством в социальном и структурном отношении, но имеющих совершенно различную

историю наказаний. Именно такую интересную возможность исследовать, каким образом радикальные изменения в практиках наказания, происходящие в одной стране, отражаются на уровне преступности в сравнении со странами с более или менее стабильной системой наказания, предоставляют скандинавские страны. Диаг. 10 показывает, что происходило с долей заключенных в составе населения и уровнем зарегистрированной преступности в Финляндии, Швеции, Дании и Норвегии с 1950 по 2000 г.

Диаг. 10. Относительное число заключенных и уровни преступности с 1950 по 2000 г.¹

Простое сравнение скандинавских стран обнаруживает поразительные различия в использовании тюремного заключения и поразительное сходство в тенденциях зарегистрированной преступности. Тот факт, что Финляндия значительно сократила число заключенных, не нарушил симметрию в уровнях преступности в скандинавских странах².

¹ Диаграмма построена на основе данных, представленных в работе: Falck, S., von Hofer, H., Storgaard, A. Nordic Criminal Statistics 1950-2000. Stockholm: Department of Criminology, Stockholm University, 2003.

² Показатели начали различаться лишь в 1990-е гг., когда уровень зарегистрированной преступности в Норвегии продолжал расти, тогда как в Дании он стал снижаться. Однако доля заключенных в составе населения в обеих странах оставалась на прежнем уровне (в Норвегии между 56 и 60 заключенными на сто тысяч жителей, в Дании между 63 и 68).

Эти данные еще раз подтверждают общий криминологический вывод, согласно которому уровни преступности растут и снижаются, подчиняясь собственным закономерностям, в свою очередь, политика и ситуация в области наказаний развиваются и изменяются в соответствии с собственными движущими силами; эти две системы достаточно независимы друг от друга.

V. Факторы изменений

Уменьшение численности заключенных в Финляндии было результатом сознательной, долгосрочной и систематической уголовной политики. Но что сделало возможным осуществление этих правовых реформ? Описать использованные способы легко, труднее объяснить, почему они были выбраны и приняты. Подробное изучение факторов этих изменений является важным по ряду причин в дополнение к простому научному любопытству¹.

А. Политическая культура

Часть ответа может быть найдена в структуре нашей политической культуры. Финский криминолог Патрик Торнудд подчеркивал значение *политической воли и консенсуса* в сокращении числа заключенных: «Возможность осуществить целый ряд реформ, нацеленных на снижение уровня репрессивности, стала реальностью только благодаря тому обстоятельству, что небольшие группы экспертов, ответственных за планирование реформ или занимавшихся темой контроля над преступностью в исследовательских ин-

¹ В более широкой перспективе следует подчеркнуть, что вместо массового движения к декарцерации можно описать произошедшие изменения просто как “нормализацию” числа заключенных: движение от уровня, абсолютно абсурдного, к уровню, который можно считать приемлемым для скандинавских стран, – почти в десять раз ниже, чем в США в настоящее время.

ститутах и университетах, были почти единодушны в убеждении: высокая по сравнению с другими странами доля заключенных в составе населения Финляндии является позором; можно значительно сократить число приговоров к лишению свободы и сократить его сроки без ухудшения положения дел с преступностью»¹. Это убеждение разделяли гражданские служащие, судейский корпус, тюремные власти и, что не менее важно, политики².

Еще одной чертой финской уголовной политики, тесно связанной с описанной ранее, является ее *исключительная ориентированность на экспертов*. Реформы разрабатывались и осуществлялись относительно небольшой группой экспертов, идеи которых, касающиеся уголовной политики, были сходными (по крайней мере, по основным вопросам). Влияние этих профессионалов в дальнейшем усилилось благодаря *тесным личным и профессиональным контактам* с высокопоставленными политиками и исследователями³. Вследствие этого, в Финляндии, в отличие от многих других стран, контроль над преступностью никогда не был центральным политическим вопросом в ходе избирательных кампаний. По крайней мере, финские политические «тяжеловесы» не полагались на популистскую политику, такую, как «три промаха» (“three strikes”) или «настоящее наказание» (“truth in sentencing”, введение норм, исключающих возможность досрочного освобождения).

¹ Törnudd, P. Fifteen years of decreasing prisoner rates in Finland. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1993. P. 5 (Перевод данной работы Патрика Торнудда включен в настоящее издание. – Прим. переводчика).

² По крайней мере, в той степени, в какой они не препятствовали проектам реформы, разработанным Министерством юстиции.

³ Несколько министров юстиции Финляндии в 1970-1980-е гг. имели прямое отношение к исследовательской работе; кроме того, одна из них, Инкери Анттила к моменту ее назначения министром была профессором уголовного права и директором Национального исследовательского института правовой политики.

Б. Средства массовой информации

Последнее отмеченное обстоятельство подводит нас к другому элементу композиции уголовной политики в Финляндии – *роли средств массовой информации*. Финские СМИ придерживались весьма взвешенной и трезвой позиции по вопросам уголовной политики. Финнам удавалось избегать низкопробного популизма. Например, существуют значительные различия в сообщениях о преступности в финских и британских СМИ. Финским репортажам свойственен менее эмоциональный тон, и они, даже если касаются отдельных событий, обычно сопровождаются исследовательскими данными о развитии ситуации с преступностью в целом и соответствующими комментариями.

Вообще вся структура рынка средств массовой информации в Финляндии выглядит особой. Во-первых, согласно данным Всемирной газетной ассоциации¹, в Европе странами с самой высокой долей читающей газеты публики являются Финляндия и Швеция (90% населения читает газеты каждый день, тогда как во Франции, Италии и Великобритании эта доля составляет 44, 41 и 33% соответственно). Во-вторых, очевидный лидер финского газетного рынка относится к категории “качественная пресса”; бульварные издания гораздо менее популярны в Финляндии, чем во многих других странах (включая Великобританию). В-третьих, лишь небольшая часть тиража финских газет (12%) реализуется в виде продажи экземпляров в розницу. Почти 90% газет продаются на основе подписки, а это означает, что газетам нет необходимости полагаться на драматические события с целью ежедневного привлечения внимания читателей. Итак, в Финляндии газеты читает значительная часть населения, лидерами газетного рынка являются качественные издания, которым не надо продавать себя каждый день,

¹ World Press Trends. 2004 Edition. URL: <http://www.wan-press.org/ecrire/upload/wpt2004.pdf>

поскольку они реализуются по подписке. Все это оказывает влияние как на то, каким образом газеты сообщают о преступлениях, так и на установки населения по отношению к преступности и правонарушителям.

В. Скандинавское сотрудничество

Начало 1960-х гг. было временем интенсивного сотрудничества скандинавских стран по правовым вопросам. Преступность и уголовное правосудие стали ключевыми темами в этой повестке дня. В 1960 г. при поддержке соответствующих министерств юстиции был создан Скандинавский исследовательский совет, который стал форумом для обмена информацией между Данией, Исландией, Норвегией, Финляндией и Швецией. Интерес к криминологическим исследованиям, а также статус и возможности криминологической науки заметно усилились в скандинавских обществах. Обмен идеями, а также законодательные модели, предлагаемые нашими скандинавскими соседями (особенно шведами), оказали сильное влияние на реформы, осуществлявшиеся в Финляндии в 1960-1970-е гг. Во многих случаях либеральные реформы удавалось отстоять с помощью ссылок на позитивный опыт других скандинавских стран и необходимость внутрискандинавской гармонизации. “Скандинавской идентичности” такого рода в Финляндии способствовал тот факт, что в 1960-е гг. Финляндия в короткие сроки достигла уровня других скандинавских стран в экономическом и социальном отношении.

Особая черта такого сотрудничества заключалась в том, что оно основывалось на соглашениях, которые не имели строгого, обязательного характера для подписавших их стран¹. Оно возглавлялось не политиками и правитель-

¹ Основания такого сотрудничества были заложены Хельсинкским договором 1962 г. Договор обязывал «стремиться к созданию единых подходов к преступности и санкциям в отношении правонарушителей». Общий обзор договора можно найти в работе: Lahti, R. Towards a rational and

ствами, а министерствами юстиции и их экспертами и оказалось очень эффективным и менее бюрократическим. Результаты сотрудничества проявились в законодательных актах, принятых отдельно в каждой скандинавской стране, но сходных по своему содержанию. Это касалось, например, экстрадиции из одной скандинавской страны в другую, а также исполнения наказаний.

Г. Судебная культура и структура определения наказаний

Происшедшим изменениям способствовали также институциональные механизмы на микроуровне и конкретные профессиональные практики. Сотрудничество с судебными властями – судьями и прокурорами – и их “мировоззренческая готовность” к осуществлению либеральной уголовной политики имели очень важное значение для реформ в Финляндии. Во многих случаях инициативы законодателей поддерживались судебским корпусом и особенно судами первой инстанции. Довольно часто суды изменяли свою практику даже до изменений в законодательстве.

Переменам способствовал также тот факт, что судьи и прокуроры являлись профессиональными чиновниками, получившими в школах права образование в области криминологии и уголовной политики. Кроме того, на практики обвинения и определения наказаний влияли различные курсы и семинары для судей (и прокуроров), организуемые на постоянной основе судебными органами вместе с университетами.

Структура определения наказаний в Финляндии, которая трактует вынесение наказаний как область нормального принятия решений судьями, руководствующимися обоснованными источниками в уголовном праве, также может

humane criminal policy: trends in Scandinavian penal thinking // Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention. Vol. 1. 2000. P. 141–155.

функционировать в качестве защиты от политического давления. Финляндия и Швеция обладают высокоструктурированными системами с детально прописанными положениями, касающимися общих принципов и конкретных критериев, которые необходимо учитывать, принимая решение как о виде, так и о размере наказания. Аргументы, влияющие на определение наказания, должны быть представлены в форме, соответствующей принятым правилам и стандартам. Конкретная структура процесса принятия решений, очерченная общими положениями об определении наказаний (“понятие нормальных наказаний”), подчеркивает значение последовательности в вынесении наказаний (во избежание необоснованных расхождений). Вследствие этого решающее значение в качестве отправной точки при определении наказания имеют существующие образцы. Это в свою очередь придает практике определения наказаний сильную инерцию; быстрые изменения маловероятны, если только они не predetermined уголовным законодательством¹.

Д. Социальные факторы

Существуют и более фундаментальные факторы изменений, связанные с социальной структурой и ценностями. Необходимо отметить, что реформа системы наказаний в Финляндии была частью широких преобразований в области социальной политики: Финляндия пересмотрела свою уголовную политику вместе с социальной. И тот факт, что переопределение основных принципов и практик в уголовной и социальной политике произошло вскоре после того, как Финляндия присоединилась к скандинавской семье государств всеобщего благосостояния, не был всего лишь совпадением. С тех пор объяснять финский феномен озна-

¹ Lappi-Seppälä, T. Sentencing and punishment in Finland: the decline of the repressive ideal // Tonry, M., Frase, R. (eds.) Punishment and penal systems in Western countries. New York: Oxford University Press, 2001. P.92–150.

чает объяснять специфические черты скандинавской уголовной политики в целом, включая сравнительную мягкость и прагматичный, менее политизированный и не морализаторский подход в уголовной политике.

VI. Заключение: скандинавская модель уголовной политики сегодня – и завтра?

Итак, скандинавская уголовная политика является примером прагматичного и не морализаторского подхода с отчетливой ориентированностью на социальную политику. Она отражает ценности скандинавского идеала государства всеобщего благосостояния и следует принципу, согласно которому меры против социальной маргинализации и неравенства являются также мерами против преступности. Подчеркивается, что контроль над преступностью и уголовная политика – это вопросы обеспечения социальной справедливости, а не просто вопросы контроля над опасными индивидами. Такая либеральная политика во многом является чертой развитого государства всеобщего благосостояния и политических культур, основанных на консенсусе и корпоративности. Эти структурные условия сделали возможными (и поддерживают) толерантную политику, выработку альтернатив тюремному заключению и способствуют доверию и легитимности. Все это уменьшает напряжение в политической системе, связанное с необходимостью символических действий, и делает возможным соответствие нормам, основанное на легитимности и согласии, а не страхе. В числе других факторов скандинавской мягкости – сильное влияние экспертов, (относительно) взвешенная позиция средств массовой информации и демографическая однородность.

Однако изменения, происшедшие за последние 10-15 лет, ставят перед нами вопросы, которые невозможно игнорировать. Не являемся ли мы свидетелями окончания периода уголовной политики, осуществлявшейся в течение по-

следних десятилетий? Какова природа этих изменений? Являются ли они следствием изменившихся внешних условий или признаками пересмотра приоритетов политики? Что ожидает нас в будущем? Здесь мы можем предложить лишь краткие, самые предварительные варианты ответов на эти вопросы.

Любая общая оценка такого сложного феномена, как уголовная политика сразу в нескольких странах, сопряжена с риском ошибки или тривиальности. Кроме того, использование тюремного заключения в качестве индикатора становится все менее обоснованным по мере сосредоточения на более частных вопросах и особенностях ситуации. К тому же, нам необходимо учитывать не только количественные, но и качественные показатели, а последние оставляют больше пространства для интерпретации. Тем не менее, имеется достаточно данных, подтверждающих следующий основной вывод: если мы говорим о скандинавских странах в целом, то уголовная политика стала более наступательной, более политизированной, более соответствующей настроениям средств массовой информации. Появилось больше отвлекающих внимание голосов, больше действующих лиц, и уже нет прежнего общего согласия по принципиальным вопросам. Одним из следствий всего этого стало ослабление роли экспертного знания, которое отчасти заменяется повседневным знанием, взглядами влиятельных заинтересованных групп и самих политиков. Расширение Евросоюза и политически обусловленные попытки гармонизировать уголовное законодательство в странах-членах ЕС, возможно, являются наиболее значимым фактором этих изменений, ухудшившим качество законотворческой деятельности и повысившим уровень репрессивности системы уголовного правосудия. Это основная причина весьма критической позиции значительной части скандинавских уче-

ных по отношению к попыткам гармонизации уголовного права¹.

Каков масштаб этих изменений и насколько они глубоки? Доля заключенных в составе населения позволяет говорить (по меньшей мере) об *относительно серьезном сдвиге* (росте примерно на 40%). В абсолютном выражении и со сравнительной точки зрения ситуация выглядит гораздо менее тревожной (число заключенных на 100 тысяч жителей возросло с 60-65 до 70-80). Существуют некоторые признаки того, что данный показатель стабилизируется на этом новом уровне. В Финляндии доля заключенных в составе населения в течение последних четырех лет вновь снизилась примерно на 10%.

В каких аспектах в таком случае произошли наиболее значительные изменения? Если мерилom является “степень политизации”, то ответ очевиден: это наркотики, сексуальные преступления и преступления, сопряженные с насилием (именно в таком порядке). В течение последней четверти века в законодательство было внесено более 30 поправок, целью которых являлось усиление уголовного контроля в этих областях. В вопросах, связанных с наркотиками,

¹ См., например: Jareborg, N. “Corpus Juris” // Nordisk Tidskrift for Kriminalvidenskab. 1998. P.255-270; Greve, V. European criminal policy: towards universal laws? // Jareborg, N. (ed.) Towards universal laws: trends in national, European and international lawmaking. Uppsala, Sweden: Iustus, 1995. P. 91-116; Träskman, P.-O. A good criminal policy is more than just new law // Heiskanen, V., Kulovesi, K. (eds.) Function and future of European law. Helsinki: Forum Juris, Faculty of Law, University of Helsinki, 1999. P. 207-219; Nuotio, K. Reason for maintaining the diversity // Delmas-Marty, M., Giucidelli-Delage, G., Lambert-Abdelgavad É. (eds.) L’Harmonisation des sanctions pénales en Europe. Paris: Société de Legislation Compare, 2003. P. 465-471. Такую обеспокоенность испытывают, разумеется, не только представители скандинавских стран: «Я очень встревожена тем, что если при нынешнем политическом климате мы должны согласиться на уровне ЕС с общими принципами наказания, то это приведет к большему числу приговоров к лишению свободы без какого-либо обсуждения эффективности и справедливости таких наказаний». Padfield, N. Harmonising of sentencing: will it encourage a principled approach // Aromaa, K., Nevala S. (eds.) Crime and crime control in an integrated Europe. Heuni publications 44. Helsinki, 2004. P.89.

скандинавские страны заимствовали практики друг у друга, при этом примером служила наиболее суровая система (в данный момент времени). Норвегия возглавила эту гонку в начале 1970-х гг., но вскоре лидерство захватила Швеция. Под давлением этих “осевых держав” в том же направлении последовали другие. Последней в начале 2000-х гг. подчинилась Дания. Эту спираль моралистической и популистской риторики крайне трудно разорвать, несмотря на хор критики со стороны большей части экспертов, как правоведов и медиков, так и обществоведов.

Законы о наркотиках – это наиболее очевидный пример политически мотивированной уголовной политики и в то же время наиболее явная аномалия в сегодняшней скандинавской политике. Что-то похожее имело место и в отношении к сексуальным преступлениям и преступлениям, связанным с насилием. Эти реформы занимают заметное место в перечне “достижений” скандинавских правительств, особенно в Швеции и Дании. Уголовное законодательство и возросшая суровость санкций превратились в вопрос равенства между полами, что сделало сопротивление реформам крайне затруднительным в политическом отношении. Другие аргументы в защиту ужесточения уголовного контроля были связаны с необходимостью борьбы с организованной преступностью, особенно бандами на мотоциклах. Эти отклонения от традиционной, взвешенной, основанной на исследовательских данных, прагматичной уголовной политики имели значительные практические последствия. Экспансивный контроль за потреблением наркотиков обусловил более половины роста доли заключенных в составе населения в скандинавских странах. Вместе наркотики и преступления, связанные с насилием, объясняют примерно 75-80% роста. Роль сексуальных преступлений, вызывающих значительный политический резонанс, остается гораздо более скромной.

Вопросы уголовного правосудия в скандинавских странах приобрели более отчетливые политические очертания. Но

насколько популистской и *насколько* карательной является в действительности нынешняя уголовная политика? Опять-таки многое зависит от точки зрения. То, что представляется карательной реакцией скандинавскому наблюдателю, может не выглядеть таковой для читателя из США или Великобритании. Увеличение на шесть месяцев срока тюремного заключения за изнасилование – с двух до двух с половиной лет – может быть очень большим для Финляндии, но не для других стран. Ключевая фраза «гуманная и рациональная уголовная политика», возможно, исчезла из политической риторики и официальных заявлений; тем не менее, в скандинавской политике в области наказаний пока отсутствуют явные примеры экспрессивного правосудия, публичного унижения и отрицания социальных и политических прав индивида. Вопросы контроля над преступностью обсуждаются на правительственном уровне чаще, чем прежде, однако большая часть этих дискуссий протекает в форме разработки программ предупреждения преступности, которые сосредотачиваются на социальной и ситуативной превенции, а не на уголовном законодательстве. В первой Национальной программе предупреждения насилия в Финляндии, принятой в 2006 году, ключевыми факторами были названы меры против социальной маргинализации, а уголовное законодательство не упоминалось вообще.

Между скандинавскими странами существуют также различия в степени политизации. Вопросы уголовных наказаний сыграли значительную роль в национальных выборах как в Швеции, так и в Дании, но полностью отсутствовали в «повестке дня» президентских выборов 2006 года в Финляндии. Представляется, что сами политические системы по-разному реагируют на эти вопросы. Так, шведское политическое поле во все большей степени разделяется на два блока, становясь все более похожей на англосаксонскую биполярную структуру. В Швеции министр юстиции пообещал создать полторы тысячи новых тюремных мест. На своих Интернет-страницах шведская тюремная админи-

страция с гордостью сообщает, что новые места в тюрьмах Швеции создаются «активнее, чем в какой бы то ни было европейской стране». В Финляндии министр финансов отказался финансировать строительство новых тюрем; вследствие этого министр юстиции сообщил, что “контроль за числом заключенных” является одной из ключевых целей министерства на период 2007-2011 г. Существуют некоторые признаки того, что переполненность тюрем вновь входит в политическую и публичную “повестку дня” в качестве проблемы, которая требует серьезного внимания, по крайней мере, в Финляндии.

Тем не менее, изменения в составе действующих лиц в поле уголовной политики сделали ситуацию нестабильной. Последовательность в политике, которая в течение длительного времени обеспечивалась тесным участием представителей гражданского общества и экспертов, стала ослабевать, и на смену планам по сокращению числа заключенных в этом году может прийти что-то другое в следующем. Однако объявить об окончании эпохи экспертного знания в области уголовной политики означало бы быть слишком пессимистичным. Одним из основных культурных изменений в политике (помимо сферы уголовной политики) является растущая значимость знаний, основанных на исследовательских данных, в области социального и политического планирования. Все крупные политические программы – начиная с правительственных – определяют знание в качестве ключевого фактора, на основании которого должно выстраиваться “конкурентоспособное государство всеобщего благосостояния”. Выстраивание инфраструктур, «поддерживающих производство социальных и технологических инноваций», – это мантра современных скандинавских правительств. Нет сомнений в том, что авторы этих программ имеют в виду не рациональную и гуманную уголовную политику, а нечто другое. Тем не менее, свойственное им общее стремление способствовать политике, базирующейся на научных данных и экспертном знании, может

служить основанием для утверждений о том, что та же самая логика должна применяться и к политике в области наказаний.

Итак, стакан наполовину полон или наполовину пуст? Несмотря на недавние изменения, на мой взгляд, остается место для некоторого оптимизма. В конце концов, относительное число заключенных остается небольшим даже после этих изменений. Кроме того, путь, выбранный многими другими системами наказаний, не является неизбежным. Очень немногие из тех социальных, политических, экономических и культурных условий, объясняющих рост масштабов тюремного заключения в США и Великобритании, имеют место в какой-либо из скандинавских стран. Социальная и экономическая безопасность, обеспечиваемая скандинавским государством всеобщего благосостояния, по-прежнему может выступать социальной системой, гарантирующей толерантную уголовную политику. Судьи и прокуроры по-прежнему являются и будут оставаться профессиональными чиновниками с компетентным отношением к этим вопросам. Политическая культура по-прежнему способствует обсуждениям и переговорам и высоко ценит экспертные мнения. На все это, по крайней мере, можно надеяться.

К счастью, это не только вопрос надежды. В политической культуре, которая в целом придает важное значение рациональной, прагматической и ответственной аргументации, многое может быть сделано. Мы должны улучшить условия для рациональной выработки политики и ее доминирования над популистским позированием, обеспечивая политиков, практиков и общественность более подробной и качественной информацией. Нам следует применять обычные правила политической ответственности и подотчетности в дискурсе уголовных наказаний. Ни в одной сфере политической жизни планы и предложения не могут быть представлены без рассмотрения и оценки затрат, выгод и возможных альтернатив. Почему это следует допускать в уголов-

ной политике, решения в которой посягают на защищаемые законом основные права и крайне дорогостоящи? Кроме того, нам необходимо использовать то обстоятельство, что в политике в целом преобладает отвращение к популизму и циничной погоне за очками в политической борьбе, если они становятся очевидными.

Выявление популизма, чрезмерных упрощений, ложных посылок и сомнительных ценностных ориентаций, лежащих в основе популистских предложений, является важным интеллектуальным оружием в руках тех, кто противостоит популистам в сфере уголовной политики.

Скандинавские политики, которые, с одной стороны, сохраняют приверженность ценностям всеобщего благосостояния, но для которых в то же время привлекательными выглядят сильные риторические жесты англосаксонских политиков по поводу системы уголовных наказаний, оказываются перед непростым вопросом. Если мы во всех других отношениях отстаиваем политику, основанную на социальном равенстве, полной интеграции граждан, солидарности, уважении к разуму и гуманности, то почему мы уделяем так мало внимания тем же самым ценностям и принципам, осуществляя уголовную политику?

СИСТЕМА САНКЦИЙ В ФИНЛЯНДИИ*

Общие замечания

Определение наказаний. Конституция Финляндии запрещает использование смертной казни, а также любых унижительных и бесчеловечных наказаний. Основными видами наказаний являются мелкие штрафы, штрафы, условное лишение свободы, общественные работы, ювенальные наказания (для правонарушителей в возрасте от 15 до 17 лет) и реальное лишение свободы. Условное лишение свободы может сочетаться с тремя (дополнительными) наказаниями: штрафом, общественными работами и надзором (для несовершеннолетних).

Законодательство признает также существование особого правового института, который называется *отказ от санкций*. Он наделяет полицию, прокуроров и судей полномочиями отказываться от дальнейших мер по отношению к правонарушителю при определенных обстоятельствах, подробно определяемых законом. Законодательство соответственно говорит о незаявлении, необвинении и отказе от наказания.

В конкретных случаях тип и степень уголовного наказания определяются общими правилами и принципами, сформулированными в главе 6 Уголовного кодекса Финляндии. Главным принципом при определении наказания является пропорциональность между серьезностью преступления (вред и виновность) и суровостью санкций. Соответственно,

* Lappi-Seppälä, Tapio. Imprisonment and penal policy in Finland // *Scandinavian Studies in Law*. 2009. Vol. 54. P.335-347. Перевод и публикация двух разделов “An Overview of the Finnish Sanction System” и “The Prison System” с разрешения автора и Стокгольмского института скандинавского права.

основные наказания можно выстроить в порядке возрастающей суровости от официального предупреждения до реального лишения свободы: отказ от наказания, штраф, условное лишение свободы / ювенальное наказание, общественные работы и реальное лишение свободы. Глава 6 Уголовного кодекса Финляндии устанавливает также общие критерии, касающиеся отягчающих и смягчающих обстоятельств, а также осуществления особых видов санкций¹.

Меры охраны детей (child welfare measures). Возраст, с которого возможна уголовная ответственность в Финляндии, составляет 15 лет. Дети, которым к моменту совершения правонарушения не исполнилось 15 лет, могут быть подвергнуты только мерам, предпринимаемым органами опеки и попечительства. Несовершеннолетние в возрасте от 15 до 17 лет подпадают под действие и системы уголовного правосудия, и системы охраны детства и могут быть подвергнуты как мерам, предусмотренным уголовным законодательством, так и разнообразным мерам по социальному обеспечению детей. Главный критерий для всех мер по охране детей – это интересы ребенка. Точно так же любые вмешательства и действия в случае с правонарушением, совершенным ребенком, исходят из того, что под угрозой находится его или ее будущее. Эти меры не используются в качестве наказания. Тем не менее, в некоторых случаях действия, предпринимаемые органами опеки и попечительства, могут служить для суда аргументом в пользу отказа от наказания.

¹ Структура санкций и принципы вынесения наказаний в Финляндии описываются в работе: Lappi-Seppälä, T. Sentencing and punishment in Finland: the decline of the repressive ideal // Tonry, M., Frase, R. (eds.) Punishment and penal systems in Western countries. New York: Oxford University Press, 2001. Общий обзор финской системы уголовного права представлен в работах: Nuotio, K. Reason for maintaining the diversity // Delmas-Marty, M., Giucidelli-Delage, G., Lambert-Abdelgavad É. (eds.), L'Harmonisation des Sanctions Pénales en Europe. Paris: Société de Legislation Compare, 2003; Joutsen, M., Lahti, R., Pölönen, P. Finland. Criminal justice systems in Europe and North America. Helsinki: HEUNI, 2001.

Возмещение ущерба и медиация. Все требования компенсации, связанные с правонарушением, рассматриваются в рамках и в соответствии с принципами уголовного процесса, если только они не выделены в отдельный процесс (что бывает очень редко). Поэтому решения о наказании сопровождаются, как правило, решениями о возмещении ущерба. Предписание о компенсации не считается уголовной санкцией и выдается на основании деликтной ответственности. Тем не менее, возмещение ущерба (особенно произведенное добровольно и сразу после правонарушения) может служить также аргументом для суда в пользу отказа от дальнейшего наказания.

Часть требований возмещения ущерба удовлетворяется посредством процедуры медиации (посредничества). Эксперименты по добровольному и неформальному посредничеству начались в Финляндии в 1980-е гг. Впоследствии это движение распространилось по всей стране. В Финляндии медиация сохраняет свой неформальный характер. Она не является частью системы наказаний, хотя осуществляется в тесном контакте с полицией и прокурором¹.

Система исполнения наказаний: Агентство уголовных санкций. Осуществление уголовных санкций относится к сфере полномочий Министерства юстиции. Вопросами организации управления тюрьмами, досрочного освобождения и т. д. ведает Департамент уголовной политики этого министерства, а практической работой по исполнению наказаний – лишения свободы и так называемых общественных санкций (community sanctions) – занимается специальный орган в рамках министерства – *Агентство уголовных санкций*².

¹ О роли возмещения ущерба и медиации в финской системе права см.: Lappi-Seppälä, T. Reparation in criminal law. Finnish national report // Eser, A., Walther, S. (eds) Wiedergutmachung im Strafrecht., Freiburg im. Br.: Max-Planck-Institut, 1996. P.317-420.

² Criminal Sanctions Agency. URL: <http://www.rikosseuraamus.fi/16019.htm>

Агентство осуществляет наказания в виде лишения свободы, в том числе вследствие неуплаты штрафа, а также задержание и содержание под стражей, связанные с судебными разбирательствами. В составе агентства функционируют 28 тюрем в различных частях Финляндии: 16 закрытых тюрем, 12 открытых и два госпиталя. В 2010 году среднее ежедневное число заключенных составляло 3300, а число сотрудников – около 3000. Общая сумма расходов в области осуществления уголовных санкций составляет около 240 миллионов евро в год (2010 г.). Расходы на содержание одного заключенного в течение года составляют около 60 тысяч евро (примерно 200 евро в день в закрытых тюрьмах и 160 – в открытых).

Агентство занимается также осуществлением общественных санкций, включающих в себя общественные работы, ювенальные наказания, надзор над несовершеннолетними правонарушителями, получившими условный срок лишения свободы, и условно-досрочно освобожденными заключенными. В составе агентства действуют 17 офисов общественных санкций. В 2010 году среднее ежедневное число клиентов этих офисов – лиц, получивших те или иные общественные санкции, – составляло около 4000 человек. Расходы на одного клиента в течение года составляют около 4000 евро.

Формы наказания, не связанные с лишением свободы

Штрафы

Система штрафодней. В Финляндии штрафы налагаются в виде штрафодней. Эта система действует с 1921 года. Ее главная цель – обеспечить “равную суровость” штрафов для правонарушителей с разным уровнем дохода и богатства. В соответствии с этой системой *число* штрафодней определяется на основании серьезности правонарушения, тогда как *размер* каждого штрафодня зависит от финансо-

вого положения правонарушителя. Размер каждого штрафодня равняется примерно половине ежедневного дохода правонарушителя после уплаты налогов. Число штрафодней варьируется от 1 до 120.

Пример. Число штрафодней за вождение автомобиля в состоянии опьянения при уровне алкоголя в крови 1.0 ‰ обычно составляет около 40. Денежная величина одного штрафодня для лица, зарабатывающего 1500 евро в месяц, будет составлять 20 евро. А для лица, чей месячный доход составляет 6000 евро, размер одного штрафодня будет равняться 95 евро. Таким образом, общий размер штрафа за одно и то же правонарушение для первого будет составлять 800 евро, а для второго – 3800.

Если штраф не выплачивается, то он может быть преобразован в тюремное заключение посредством специальных процедур. Два штрафодня соответствуют одному дню тюрьмы. Число неплательщиков штрафа, находящихся в заключении, варьируется с течением времени, отражая в определенной степени изменения в экономической ситуации в стране. В последнее время проблема неуплаты штрафов вновь становится все более существенной.

Основная структура системы штрафодней остается неизменной с момента ее принятия. Однако правила вычисления денежной величины одного штрафодня, максимальный размер штрафодней и правила, касающиеся использования тюремного заключения за неуплату штрафа, несколько раз пересматривались. Кроме того, время от времени повышалась денежная величина одного штрафодня. Основная цель этих реформ заключалась в увеличении “весомости” штрафа в качестве наказания таким образом, чтобы обеспечить значимую альтернативу лишению свободы, особенно в случае с правонарушениями средней тяжести, а также в ограничении использования тюремного заключения за неуплату штрафа.

Процедура наложения штрафа. Штрафы, налагаемые “в упрощенном порядке” (summary fines). Штраф может быть

наложен либо в ходе обычного судебного разбирательства, либо – в случае определенных мелких правонарушений – посредством упрощенной процедуры назначения наказания (штрафы, налагаемые прокурором, – об этом см. ниже). Подавляющее большинство штрафов назначается именно упрощенным порядком. Кроме того, упрощенным порядком налагается фиксированный штраф (мелкий штраф, *petty fine*) за незначительные нарушения правил дорожного движения. Такого рода штрафы назначаются полицией. В случае неуплаты штрафы, наложенные “в упрощенном порядке”, не могут быть преобразованы в тюремное заключение.

Практика. Примерно 60% всех дел, рассматриваемых судами, заканчиваются наложением штрафа. Если же говорить обо всех криминальных происшествиях, рассматриваемых судами и/или прокуратурой, то более чем в 80% случаев правонарушители наказываются штрафом¹. В числовом выражении это означает, что суды ежегодно назначают 35-40 тысяч штрафов, прокуроры выдают примерно 200 тысяч предписаний о штрафах, а полиция выписывает в упрощенном порядке примерно 100 тысяч мелких штрафов.

Условное лишение свободы

Лишение свободы может назначаться либо на определенный срок (минимум четырнадцать дней, максимум 12 лет за одно преступление и 15 лет за несколько преступлений), либо пожизненно². Лишение свободы на срок не более 2 лет может быть назначено условно при условии, что «се-

¹ В определенной степени это обусловлено тем фактом, что в Финляндии нет общего кодекса об административных правонарушениях. Практически все правонарушения классифицируются как преступления и рассматриваются в рамках системы уголовного правосудия.

² Пожизненное лишение свободы может быть назначено только за очень ограниченный ряд преступлений – на практике только за убийство. Отбывающие пожизненный срок в действительности проводят в тюрьме примерно 12-14 лет. Об освобождении из тюрьмы в случае пожизненного лишения свободы см. последний раздел.

речь идет о тяжести преступления, виновность правонарушителя, проявляющаяся в преступлении, или предыдущие судимости правонарушителя не требуют назначения реального срока». Несовершеннолетние правонарушители, которым в момент совершения преступления не исполнилось 18 лет, могут быть приговорены к реальному лишению свободы, только если для этого есть особые основания. Если считается, что условное заключение само по себе не является достаточной санкцией в случае какого-либо преступления, на правонарушителя может быть наложен штраф (*«дополнительный штраф»*). Этот вариант довольно часто использовался при наказании за вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения. В 2001 году применение дополнительных санкций было расширено. Если продолжительность условного лишения свободы составляет от одного до двух лет, то наряду с условным заключением правонарушитель может получить предписание о *краткосрочных общественных работах* (от 20 до 90 часов). Кроме того, правонарушители в возрасте до 21 года (к моменту совершения преступления) могут быть помещены под *надзор* (supervision), если это считается «оправданным с точки зрения необходимости способствовать социальной адаптации правонарушителя и предотвращению новых преступлений».

Назначение лишения свободы условно означает, что исполнение наказания будет отложено на испытательный период от одного до трех лет. Лицо, приговоренное к условному заключению, может быть отправлено в тюрьму для отбывания вынесенного срока, если он или она совершит в этот испытательный период новое преступление, за которое суд назначит лишение свободы. Таким образом, самого по себе факта правонарушения в этот период недостаточно для исполнения наказания в виде реального лишения свободы. Возможность условного заключения может быть утрачена в том случае, если обвинение за новое преступление было предъявлено в течение года с конца испыта-

тельного периода. Возможно также отбывание в тюрьме лишь части более раннего условного срока. Суды ежегодно выносят около 15 тысяч приговоров к условному лишению свободы. Каждый год около 700-800 приговоров отменяются (исполняются в виде реального срока).

Общественные работы

Общие замечания. Общественные работы стали использоваться в системе уголовных наказаний Финляндии с 1991 года – на экспериментальной основе в четырех судебных округах. С 1995 года они применяются по всей стране в качестве стандартной части финской системы санкций.

В Финляндии общественные работы назначаются только вместо реальных сроков лишения свободы. Продолжительность общественных работ может варьироваться от 20 до 200 часов. Условия, необходимые для назначения этого вида наказания, заключаются в следующем: 1) осужденный согласен с этим, 2) срок лишения свободы, к которому приговорен осужденный, не превышает 8 месяцев, 3) представляется, что правонарушитель способен выполнять общественные работы. Кроме того, – и это четвертое обстоятельство – предшествующие судимости могут в некоторых случаях стать препятствием для назначения данного варианта наказания. Способность правонарушителя выполнять общественные работы оценивается на основании специального *отчета о пригодности*, который может быть запрошен одной из сторон, прокурором или судьей. Составляется такой отчет Агентством уголовных санкций. Если условия предписания об общественных работах нарушаются, суд обычно назначает новый срок реального лишения свободы.

Вынесение предписания об общественных работах. С целью гарантировать, что общественные работы действительно будут использоваться вместо реального лишения свободы, была разработана *двухступенчатая процедура*.

Во-первых, суд принимает решение, применяя обычные принципы и критерии определения наказания и не рассматривая возможность назначения общественных работ. Во-вторых, *если* результатом судебного разбирательства стало решение о реальном лишении свободы, то (при выполнении всех перечисленных выше необходимых условий) суд может заменить тюремное заключение общественными работами. Таким образом, в принципе общественные работы могут использоваться только тогда, когда в противном случае осужденный получил бы реальный срок лишения свободы.

Суд во всех случаях должен определить количество часов общественных работ. Их продолжительность должна составлять минимум 20 часов, максимум 200. На практике длительность работ зависит от первоначального срока лишения свободы. Один день в тюрьме соответствует одному часу общественных работ. Таким образом, два месяца лишения свободы должны быть заменены примерно 60 часами общественных работ.

Содержание и исполнение предписания об общественных работах. Общественные работы состоят из регулярной, неоплачиваемой работы, выполняемой под надзором. Наказание обычно исполняется по частям, состоящим из трех или четырех часов, как правило, два дня в неделю. Идея в данном случае заключается в том, чтобы общественные работы выполнялись в течение периода, который примерно соответствует полученному первоначально сроку лишения свободы без условного освобождения.

Агентство уголовных санкций утверждает план выполнения предписания об общественных работах. Он разрабатывается совместно с организацией, в которой будет работать правонарушитель. Последнему должна быть предоставлена возможность высказать свое мнение при составлении такого плана.

Выполнение предписания об общественных работах тщательно контролируется. Контроль (надзор), в частности,

сосредоточивается на обеспечении надлежащего качества работы. В Финляндии, в отличие от других скандинавских стран, общественные работы не сопровождаются каким-либо дополнительным надзором, нацеленным на контроль над поведением правонарушителя в целом. За незначительные нарушения предписания делаются замечания, о более серьезных сообщается прокурору, который может передать дело в суд. Если суд находит, что условия предписания об общественных работах были серьезно нарушены, он должен преобразовать оставшуюся часть общественных работ в реальное лишение свободы. Часы, которые правонарушитель уже отработал, должны быть ему полностью засчитаны. В этой ситуации продолжительность тюремного срока должна быть подсчитана на основании обычной шкалы пересчета.

Практика. Ежегодно суды выдают примерно 3500 предписаний об общественных работах. Это составляет примерно 35-40% приговоров к лишению свободы, которые могли бы быть преобразованы в общественные работы (когда срок тюремного заключения не превышает восьми месяцев). Примерно половина предписаний об общественных работах выдается в случаях осуждения за вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения. Ежегодно выполняется примерно 250-300 тысяч часов общественных работ. Это соответствует примерно 400 заключенным (10-15% общей численности заключенных) в день. Типичное предписание об общественных работах – это предписание о 70-90 часах работ. Доля неисполненных предписаний составляет от 15 до 18% ежегодно.

Медиация (посредничество)

Первые эксперименты по медиации начались в Финляндии в 1983 году. Исходная идея заключалась в том, чтобы создать альтернативу официальной системе уголовного правосудия. В 2006 году институт медиации стал использо-

ваться по всей стране. Провинциальные (областные) органы власти обязаны организовывать посреднические услуги в своих регионах либо вместе с муниципальными властями, либо с другими общественными или частными партнерами.

В Финляндии медиация не является частью системы уголовного правосудия, но между ними существует множество взаимосвязей, обусловленных передачей дел и их дальнейшим рассмотрением. В уголовном кодексе упоминается соглашение между правонарушителем и жертвой как возможное основание для отказа от обвинения со стороны прокурора или отказа от наказания со стороны суда или как основание для смягчения наказания. Процесс медиации может начаться на любой стадии между совершением преступления и исполнением наказания по инициативе любой из возможных сторон. Три четверти случаев передачи дел для осуществления посредничества инициируются либо прокурором, либо полицией.

В основе практики медиации находится работа волонтеров. Участие в ней является добровольным для всех сторон. Муниципальные органы социального обеспечения, как правило, координируют оказание посреднических услуг, но посредники не считаются государственными служащими. Медиация обычно ведет к *письменному договору*, в котором определяются предмет (какое преступление совершено), сущность соглашения (каким образом правонарушитель согласен возместить ущерб), время и дата возмещения, а также последствия нарушения договора.

К чему ведет успешное осуществление медиации? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, к какой категории относится преступление и насколько серьезным оно является. В случае с преступлением, с заявлением о котором обращается жертва (*complainant offenses*), успешная медиация автоматически означает также, что прокурор отказывается от обвинения. В случае с «незаявляемыми преступлениями» (*non-complainant offenses*) вопрос об отказе от обвинения на основании медиации остается на усмотрение

прокурора. Это возможно, если уголовное преследование представляется «необоснованным или бессмысленным» в связи с примирением сторон или если отказ от уголовного преследования не идет вразрез с «важными общественными или частными интересами». Если же прокурор передает дело на рассмотрение суда, медиация может, тем не менее, повлиять на содержание приговора в качестве смягчающего обстоятельства (Уголовный кодекс Финляндии, глава 6, часть 7).

Практика. В 2007 году общее число преступлений, в отношении которых имела место практика медиации, равнялось 9 тысячам. В 80% случаев это были незначительные преступления против собственности, либо незначительные формы насилия и нанесения побоев. Соглашение было достигнуто в 60% случаев, переданных институту медиации. В среднем 90% соглашений выполняются. Большая часть соглашений (3300 в 2007 г.) включала в себя положения о денежной компенсации. С другой стороны, деньги – это не единственный вопрос при осуществлении медиации, поскольку в пятой части случаев жертвы не выдвигали финансовых требований. Вторая крупная группа соглашений (2000 в 2007 г.) касалась символического возмещения ущерба в форме извинения. Кроме того, в 350 случаях имело место соглашение о поведении правонарушителя (обещание не повторять совершенный поступок), а в 50 – возвращение украденного. В значительном числе случаев (850) не было выдвинуто никаких требований, или требования были отозваны¹.

Очевидно, что медиация представляет собой реальный механизм возмещения ущерба. В дополнение к материальной компенсации медиация может служить также средством возмещения эмоционального и психологического вреда, нанесенного преступлением.

¹ См. современную статистику медиации: www.thl.fi/fi/tilastot/rikossovittelu

Реформа тюремного законодательства

Либерализация 1960-1970-х гг. В последние десятилетия в несколько этапов была осуществлена кардинальная реформа финского тюремного законодательства. Первый блок реформ был запущен на рубеже 1960-х и 1970-х гг. под давлением такого обстоятельства, как значительная перенаселенность тюрем. Основная цель заключалась в том, чтобы сократить как число преступников, отправляемых в тюрьму, так и продолжительность тюремных сроков. Тюремные реформы конца 1960-х – середины 1970-х гг. привели также к улучшению положения с правами заключенных и введению системы отпусков и открытых тюрем. Большая часть этих реформ осуществлялась в эпоху пессимизма по поводу возможности “лечения правонарушителей”. В Финляндии это разочарование привело не к “складированию заключенных в тюрьмах” или возросшей суровости уголовного законодательства (как в США или Великобритании), а к подчеркиванию значимости установленных процедур и правовой защиты, гуманистическому неоклассицизму в определении наказаний и принципам нормализации и минимизации вреда при осуществлении наказаний.

К всесторонней реформе тюремного законодательства. Хотя такой фактор реформ, как переполненность тюрем, исчез к началу 1990-х гг., примерно в это же время появились новые основания для беспокойства. Отдельные реформы, инициированные в 1990-е гг., были связаны с необходимостью более строгого контроля, исключаящего потребление наркотиков в тюрьмах. Кроме того, стало нарастать давление в направлении полного реформирования тюремного законодательства. Отчасти это было связано с тем, что после нескольких частичных реформ старое законодательство стало фрагментарным, что затрудняло его прочтение. Многие изменилось и в философии испол-

нения наказаний. Множились призывы реорганизовать весь процесс исполнения наказаний, превратив его в более планируемый и структурированный. Однако решающим импульсом к полной реформе законодательства стали конституционные изменения. Конституция Финляндии была реформирована в два этапа – в 1995 и 2000 г., в результате чего в отношении всего законодательства были установлены более высокие стандарты, связанные с фундаментальными правами.

Фундаментальные права и тюремная реформа 2006 г. Новая Конституция Финляндии подтверждает *принцип защиты со стороны права*: «Права индивидов, лишенных свободы, гарантируются настоящим конституционным актом» (параграф 7.3). Этот параграф отвергает существовавшие ранее положение об “институциональной власти” и взгляд, согласно которому фундаментальные права определенной группы людей могут быть ограничены просто на основании того, что они обладают определенным статусом подчиненности власти или находятся под властью определенного института. Поскольку права лиц, лишенных свободы, гарантируются Конституцией, все ограничения этих прав также должны основываться на конституционном акте.

Конституция содержит также основные требования к тому, *каким образом эти права могут быть ограничены*. Согласно параграфу 7.2 (вторящему третьей статье Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), «никто не должен подвергаться смертной казни, пыткам или какому-либо другому обращению, унижающему человеческое достоинство». Параграф 22 Конституции, в свою очередь, гласит: «Органы государственной власти должны гарантировать соблюдение основных прав и свобод человека». В дополнение к этому параграф 74 (о конституционном контроле) устанавливает, что Комитет по конституционному праву должен давать заключения о конституционности законодательных предложений и других вопросов, направляемых на рассмотрение, а также их от-

ношении к международным договорам в области прав человека. Принятие новой конституции и доктрины, разработанной Комитетом по конституционному праву, означает, в сущности, *гармонизацию фундаментальных прав в Финляндии и международной системы прав человека*. Права человека в том виде, в каком их определяют международные договоры, были преобразованы в фундаментальные права, как их определяет Конституция Финляндии¹.

Таким образом, к 2000 году Финляндия имела конституцию, четко определяющую, что (1) заключенные сохраняют все свои фундаментальные права, (2) если эти права должны быть ограничены, то такое ограничение должно быть введено только властью законодательного парламентского акта и в соответствии с международными конвенциями о правах человека. Для реализации всех этих положений в практике тюремного заключения необходимо было новое национальное тюремное законодательство. Всесторонняя реформа финского тюремного законодательства началась в 1998 году с назначения экспертного комитета. Новое законодательство вступило в силу в октябре 2006 года. Оно включает в себя новый Закон о тюрьмах (состоящий из 22 глав и 400 параграфов). Кроме того, были пересмотрены положения, касающиеся заключения под стражу, и принципы задержания полицией. В обоих случаях были приняты отдельные законодательные акты².

Общие принципы исполнения наказаний. Общие принципы исполнения наказаний в виде тюремного заключения представлены в вводной главе Закона о тюрьмах. Глава

¹ Viljanen, J. The European convention on human rights and the transformation of the Finnish fundamental rights system // *Scandinavian studies in law*. 2007. Vol. 52. P. 299-320.

² На тюремную реформу 2006 года в Финляндии повлияли выводы и рекомендации членов Европейского комитета по предотвращению пыток, сделанные во время их визитов в 1992, 1998 и 2003 г. Закон о тюрьмах был разработан также в соответствии с требованиями Европейских правил тюремного заключения 2006 года, поскольку авторы финского тюремного законодательства внимательно следили за подготовкой этих правил в рамках Совета Европы.

определяет *цели и задачи* исполнения наказаний, а также те *фундаментальные права*, которые должны уважаться при реализации этих целей. Речь в данном случае идет о требованиях, согласно которым вмешательство должно быть минимальным, содержание наказания в виде тюремного заключения должно состоять только в потере или ограничении свободы¹, обращение с заключенными – гуманным и справедливым², а дискриминация запрещена³. Кроме того, устанавливаются общие принципы, которым необходимо следовать при осуществлении власти⁴, а также различные гарантии в отношении тех или иных процедур⁵. Цели и другие принципы исполнения наказаний включают в себя прежде всего общую цель реабилитации: «Цель ис-

¹ «Исполнение наказания не может ограничивать права или положение заключенного каким-либо иным образом кроме предусмотренного законодательством или необходимого вследствие самого наказания» (Закон о тюрьмах, §1:3.1). Для обеспечения этого «органы власти, ответственные за исполнение наказания в виде тюремного заключения, должны гарантировать, что в период лишения свободы никто не нарушит неправомерным образом личную неприкосновенность заключенного» (Закон о тюрьмах, §1:3.2).

² «Обращение с заключенными должно быть справедливым и уважающим их человеческое достоинство» (Закон о тюрьмах, §1:5.1).

³ «В отсутствие законных для этого оснований заключенные не могут быть поставлены в неравное положение вследствие их расового, национального или этнического происхождения, цвета кожи, языка, пола, возраста, семейного положения, сексуальной ориентации, состояния здоровья, инвалидности, религии, общественной позиции, политической или профессиональной активности или по какой-либо другой причине, связанной с их личностью» (Закон о тюрьмах, §1:5.1).

⁴ «Сотрудник Агентства уголовных санкций должен: действовать надлежащим и беспристрастным образом, а также в духе компромисса; поддерживать – главным образом посредством совета, предложений и предписаний – порядок и безопасность в тюрьме; исполнять свои профессиональные обязанности без ненадлежащего воспрепятствования правам любой личности и без нанесения большего вреда, чем это необходимо и допустимо для выполнения его задач» (Закон о тюрьмах, §1:6).

⁵ Включая положения об апелляции и общие принципы отношения к мнению заключенного: «Заключенный должен быть заслушан при принятии решения о размещении в тюрьме, деятельности в ней (работа, учеба и пр.), дисциплинарных взысканиях, а также по другим вопросам, касающимся заключенного, в соответствии с положениями параграфа 34 Закона об административной процедуре» (Закон о тюрьмах, §1:7).

полнения наказания в виде тюремного заключения состоит в том, чтобы повысить подготовленность заключенных к жизни без преступлений, развивая их жизненные навыки и приспособленность к жизни в обществе, а также предотвратить совершение преступлений в период пребывания в тюрьме» (Закон о тюрьмах, §1:2). Основными являются принцип нормализации¹ и цель минимизации вреда². Законодательство подчеркивает также значение безопасности для всех сторон³ и особых потребностей несовершеннолетних правонарушителей⁴.

Эти принципы наполняются конкретным содержанием в отдельных положениях Закона о тюрьмах, касающихся прибытия в тюрьму и размещения там, условий проживания и ухода, участия в различных видах деятельности, контактов с внешним миром, порядка и дисциплины в тюрьме и инспекций. В зависимости от конкретного вопроса цель законодательства состоит в том, чтобы определить либо *права заключенных* в соответствии с требованиями конституционной реформы, либо *обязанности властей* по обеспечению заключенных адекватными условиями, видами деятельности и услугами (либо в некоторых случаях и то, и другое).

Тюремная реформа 2006 года и тюремные практики. Новый закон о тюрьмах был принят для того, чтобы привести тюремное законодательство в соответствие с требованиями новой конституции, более точно определить обязан-

¹ «Условия жизни в тюрьме должны быть такими, чтобы они – в той степени, в какой это возможно, – соответствовали жизненным условиям, преобладающим в обществе» (Закон о тюрьмах, §1:3).

² «Заключенному должны быть предоставлены возможности поддерживать свое здоровье и функциональные способности. Вред, наносимый лишением свободы, должен быть, если это возможно, предотвращен. Цель заключается в том, чтобы не допустить какого-либо ущерба вследствие лишения свободы» (Закон о тюрьмах, §1:3).

³ «Наказание в виде тюремного заключения должно осуществляться таким образом, чтобы это было безопасным для общества, тюремного персонала и заключенных» (Закон о тюрьмах, §1:3).

⁴ См.: Закон о тюрьмах, §1:5.2 и 4:8.

ности тюремных властей, усилить правовые гарантии для заключенных и обеспечить большую прозрачность тюремной администрации, реорганизовать процесс тюремного заключения, сделав его более структурированным и планируемым, и увеличить инвестиции в реабилитационные программы (чтобы способствовать таким образом сокращению рецидивизма).

Предполагалось, что лишь немногие положения нового пакета тюремного законодательства будут оказывать непосредственное влияние на масштабы лишения свободы и число заключенных. Система превентивного заключения была ликвидирована и заменена системой, позволяющей судам предписывать, чтобы лица, совершившие серьезные насильственные преступления, отбывали свой срок “полностью”. Подразумевалось, что этот вариант будет использоваться таким же ограничительным образом, как и существовавшая прежде система превентивного заключения (и, таким образом, это изменение не окажет ощутимого воздействия на долю заключенных в составе населения). Новая форма раннего освобождения (испытательный период под надзором) была предназначена для заключенных с длительными сроками, которым необходимы большая поддержка и более интенсивная работа в рамках различного рода программ. Освобождение с испытательным периодом может иметь место не ранее, чем за шесть месяцев до обычного условно-досрочного освобождения. Предполагалось, что это сократит число заключенных на 50 человек¹.

¹ В отношении условно-досрочного освобождения в первоначальном варианте законопроекта, в отличие от действовавшего прежде закона, не проводилось различие между возрастными группами. Отсутствие такой дифференциации должно было привести к увеличению числа заключенных в младших возрастных группах на 20-30 человек. Однако в ходе парламентских слушаний было принято решение о принятии более мягких правил условно-досрочного освобождения для несовершеннолетних (после 1/3 или 1/2 срока в зависимости от предыдущих правонарушений, ожидалось при этом, что число заключенных должно сократиться примерно на 30 человек).

В целом, новое тюремное законодательство хорошо соответствует требованиям принципа верховенства закона¹. Недостатки, однако, могут быть обнаружены на уровне осуществления законодательства и обеспеченности ресурсами. Значительная часть заключенных все еще ничем не занимается, не будучи мотивированной работать или участвовать в какой-либо другой деятельности. Тревожит то, что число заключенных, страдающих из-за потребления наркотиков или алкоголя и психических расстройств, очень велико, а психосоциальное лечение доступно лишь небольшой доле тех, кто в нем нуждается. Лечение очень часто прекращается сразу после освобождения из-за недостатка координации между тюремными службами и муниципальными органами здравоохранения. Возникают также вопросы о том, может ли быть расширена практика помещения заключенных в открытые тюрьмы и отделения (в настоящее время в учреждениях открытого типа находится около 20% заключенных) и достаточно ли широко используется новая форма раннего освобождения с испытательным периодом, в течение которого осуществляется надзор? Часть этих проблем – это, главным образом, вопросы политики, их можно решить посредством всего лишь модификации нынешних практик. В других случаях может помочь улучшение координации и развитие сотрудничества между различными органами власти. Наконец, для решения некоторых проблем просто нужны деньги (например, для оснащения всех камер надлежащими санузлами).

Тюрьмы и жизнь в заключении

Типы тюрем. В Финляндии существует два типа тюрем: закрытые (16 тюрем в настоящее время) и открытые (12

¹ Сравнения с другими скандинавскими странами представлены в работе: Greve, V. Trends in prison law // Festschrift in honour of Raimo Lahti (ed. by Kimmo Nuotio). Publications of the Faculty of Law. Helsinki: University of Helsinki, 2007.

тюрем и 2 отделения в закрытых тюрьмах). Все тюрьмы финансируются государством и управляются государственными служащими. В Финляндии нет частных тюрем, а также каких-либо планов развития в этом направлении. Существование частных тюрем противоречит параграфу 124 Конституции Финляндии, согласно которому любая «задача, включающая в себя осуществление государственной власти, может быть возложена только на государственные органы».

Заключенные, занимающиеся трудом или участвующие в программах реабилитации, в том случае, если их оценивают как пригодных к нахождению в условиях большей свободы, помещаются в открытые тюрьмы. Все тюрьмы открытого типа являются учреждениями, исключающими потребление наркотиков и алкоголя (drug-free institutions). Это означает, что все заключенные, находящиеся в них, подписывают обязательство не употреблять наркотики и алкоголь. Режим в открытых тюрьмах является менее строгим. На практике открытые тюрьмы – это тюрьмы без стен. В учреждениях такого типа находится в настоящее время пятая часть всего тюремного населения Финляндии.

Что касается закрытых тюрем, то в Финляндии нет официальной классификации тюрем по степени обеспечения безопасности. Однако интенсивность надзора различна в различных закрытых тюрьмах, в одних содержатся только заключенные, приговоренные к длительным срокам лишения свободы (более 2 лет), в других находятся также те, кто совершил правонарушение впервые. В наиболее крупных закрытых тюрьмах содержатся свыше 300 заключенных, тогда как в наименьших по размеру – 40-50 заключенных.

Общие условия жизни в тюрьме. Для каждого заключенного на основании структурированной оценки рисков и потребностей составляется индивидуальный план осуществления наказания («план наказания»). Такой план является основой для исполнения наказания в течение всего срока

лишения свободы. План обновляется и осуществляется тюрьмой, в которой отбывается срок.

Заклученные должны работать или принимать участие в программах профессионального обучения (или в других видах деятельности), если только они не освобождаются от этой обязанности по состоянию здоровья, в связи с получением образования или по какой-либо другой причине. Заклученные могут получить также разрешение заниматься образованием как в тюрьме, так и за ее пределами. Часть срока лишения свободы может быть отбита и вне тюрьмы – в лечебном учреждении для наркозависимых.

Тюрьмы обязаны обеспечить возможность реабилитации и занятия поддерживающими видами деятельности (*supportive activities*). «Заклученному там, где это возможно, должна быть обеспечена возможность получения руководства, поддержки и лечения, предоставляемых психологом, или какого-либо другого руководства, лечения и поддержки». Кроме групповых видов деятельности психосоциальная реабилитация включает в себя социальную работу, а также индивидуальную работу, осуществляемую психологами или тюремными священниками.

Работа. Работа в тюрьме – это либо работа, поддерживающая профессиональные навыки и способствующая дальнейшему трудоустройству (профессиональный труд), либо работа, улучшающая трудовые способности и умения (профориентационный труд). При определенных условиях заклученному могут разрешить работать за пределами тюрьмы или работать в тюрьме индивидуально. В открытых тюрьмах заклученные получают за свой профессиональный труд надлежащую облагаемую налогами зарплату. Как в открытых, так и в закрытых тюрьмах заклученным, принимающим участие в других видах деятельности, выплачивается не облагаемое налогами пособие. Примерно 40% всех заклученных в Финляндии работают ежедневно. Традиционными видами работы в тюрьме являются работы по дереву, металлу и сельскохозяйственный труд.

Образование и обучение. Тюремные организуют многостороннее профессиональное, профориентационное и общее образование в сотрудничестве с расположенными поблизости образовательными учреждениями. При определенных условиях заключенные могут также учиться, находясь в дневное время за пределами тюрьмы. Большинство образовательных программ связано с приобретением или улучшением профессиональных навыков. Более половины заключенных посещают занятия в рамках профессионального образования, пятая часть получает начальное или общее образование, а примерно десятая часть – профориентационное. Небольшая часть заключенных получает профессиональную квалификацию посредством обучения в форме ученичества.

Лечение зависимости от наркотиков и алкоголя в тюрьмах. Реабилитационная деятельность в тюрьмах – это в основном лечение от нарко- и алкоголезависимости, поскольку такие проблемы имеются у большинства заключенных. В последние годы тюремные власти Финляндии предпринимают все больше усилий по развитию своих антиалкогольных и антинаркотических программ. В настоящее время Агентство уголовных санкций предоставляет большую часть всех осуществляемых в Финляндии услуг по лечению и реабилитации нарко- и алкоголезависимых. Такого рода программы основываются либо на познавательноповеденческой терапии (cognitive behaviour therapy), либо на лечении в сообществе (community treatment). Заключенный, имеющий зависимость от наркотиков или алкоголя или какие-либо особые проблемы с поведением на свободе, может быть на ограниченный период времени помещен в специальное учреждение за пределами тюрьмы или соответствующее отделение в тюрьме для реабилитации от зависимости или участия в другой целенаправленной деятельности, улучшающей его способность к адаптации.

Психосоциальная реабилитация. В ряде тюрем организованы специальные познавательные курсы, развивающие

социальные навыки и умение решать различные проблемы. Существует также курс для осужденных за правонарушения сексуального характера, а также курс по управлению гневом и программа самоизменения для осужденных за насильственные преступления. В настоящее время разрабатываются групповые программы для заключенных с историей домашнего насилия. Тюремны обеспечивают также всестороннюю социальную реабилитацию: организуют группы развития навыков, необходимых в повседневной жизни, семейные программы и программы подготовки к выходу на свободу.

Контакты с внешним миром. Заключенные имеют право связываться с внешним миром посредством переписки, телефонных звонков, свиданий и отпусков из тюрьмы.

Все заключенные имеют право на переписку и телефонные звонки. Однако законодательство содержит также ряд ограничений этого права, связанных с практической необходимостью обеспечения безопасности в тюрьмах. В зависимости от интенсивности контроля существует четыре уровня полномочий должностных лиц по проверке содержания писем и телефонных разговоров.

Все заключенные с определенного момента отбывания срока могут запрашивать разрешение на отпуск из тюрьмы. Разрешение на *отпуск на основании продолжительности срока, проведенного в тюрьме*, является нормальной частью процесса исполнения наказания. Самым ранним возможным временем такого отпуска является половина или две трети срока тюремного заключения до условно-досрочного освобождения, но не ранее двух месяцев после начала пребывания в тюрьме. *Отпуск по исключительным причинам* не связан с продолжительностью времени, проведенного в тюрьме. Разрешение на такой отпуск может быть предоставлено «в случае существования важной причины или для участия в каком-либо событии за пределами тюрьмы, если такое разрешение имеет важное значение для семьи, поддержания здоровья, получения средств к

существованию, работы, обучения, обеспечения жильем или решения других социальных вопросов заключенного».

Освобождение из тюрьмы

Условно-досрочное освобождение. В Финляндии все заключенные за исключением нескольких опасных рецидивистов, совершивших насильственные преступления (число таких заключенных обычно составляет около 20 в тот или иной период времени), освобождаются условно-досрочно. На практике это означает, что 99% всех заключенных, выходящих на свободу каждый год, освобождаются условно-досрочно. Решение о таком освобождении принимается директором тюрьмы. В то же время практика освобождения подчиняется предписанному порядку. Как правило, рецидивисты освобождаются после двух третей своего срока, а заключенные, оказавшиеся в тюрьме в первый раз, – после половины срока. Правонарушители в возрасте от 15 до 20 лет освобождаются либо после трети срока (в случае с теми, кто первый раз оказался в тюрьме), либо после половины срока (рецидивисты). Во всех случаях обязательное условие состоит в том, что заключенный должен провести в тюрьме не менее 14 дней.

Отмена превентивного заключения. Вплоть до 2006 года финское законодательство признавало возможность использования превентивного тюремного заключения в отношении серьезных рецидивистов, совершивших преступления с применением насилия. На практике превентивное заключение означало, что правонарушители не освобождались до тех пор, пока они не отбудут свой срок полностью. Использование этой системы было относительно ограниченным (ежегодно в тюремном заключении с превентивными целями находились около 20-25 человек). Однако даже при ограниченном применении превентивное заключение противоречит господствующей в Финляндии идеологии наказаний, которая очень неохотно принимает оценку опас-

ности правонарушителя в качестве основания для уголовных санкций. В связи с радикальной реформой тюремного законодательства в 2006 году превентивное заключение было отменено и заменено системой, дающей судам право предписывать правонарушителям, совершившим серьезные преступления с применением насилия, отбывать их срок “полностью”. Предполагалось, что этот вариант будет использоваться так же ограниченно, как и более ранняя система превентивного заключения.

При определенных условиях заключенные, приговоренные к отбыванию полного срока лишения свободы, могут быть освобождены условно-досрочно после пяти шестых срока, но не ранее, чем по прошествии трех лет, проведенных в тюрьме. Решение о таком освобождении принимает Хельсинкский апелляционный суд. Заключенные, получившие пожизненный срок лишения свободы, также могут быть освобождены условно-досрочно по решению апелляционного суда. Для заключенных, получивших пожизненный срок, условно-досрочное освобождение возможно после пребывания в тюрьме не менее 12 лет. Если правонарушение было совершено в возрасте до 21 года, то это время составляет 10 лет. Заключенные, отбывающие пожизненный срок, могут быть освобождены также вследствие помилования Президентом Финляндии.

Надзор. Продолжительность надзора при условно-досрочном освобождении отражает количество времени, оставшееся до окончания вынесенного срока, но не может составлять менее трех месяцев и более трех лет. Примерно пятая часть освобождаемых условно-досрочно помещается под надзор. Надзор применяется в тех случаях, если испытательный период составляет более одного года или если правонарушение было совершено в возрасте до 21 года. Заключенные могут также сами попросить о надзоре. Осуществлять эти функции может сотрудник Агентства уголовных санкций или частное лицо, назначенное этим

агентством. В принципе надзор включает в себя как контроль, так и поддержку.

Если освобожденные условно-досрочно признаются виновными в новых правонарушениях, совершенных в течение испытательного периода, суд рассматривает вопрос о том, следует ли отменить их условно-досрочное освобождение. На практике все решения об отмене условно-досрочного освобождения исходят из факта совершения нового преступления, но основанием для такой отмены могут служить только те преступления, которые наказываются тюремным заключением.

Освобождение с надзором в течение испытательного периода. Новое тюремное законодательство 2006 года ввело также новую форму раннего освобождения, которая называется «Испытательный период свободы под надзором». Эта программа освобождения предназначена специально для заключенных с длительными сроками, которые нуждаются в большей поддержке. Испытательный период свободы может начаться не ранее, чем за шесть месяцев до обычного условно-досрочного освобождения (см. выше). Условия, необходимые для освобождения с испытательным периодом, четко определяются законодательством и заключаются в следующем: во-первых, такое освобождение соответствует предварительно составленному индивидуальному плану осуществления наказания, во-вторых, вся информация о заключенном свидетельствует о том, что все требования к нему или к ней при таком освобождении будут выполнены, в-третьих, заключенный воздерживается от потребления алкоголя и наркотиков и соглашается на регулярное тестирование.

Испытательный период свободы требует наличия плана освобождения, включающего информацию, например, об обеспеченности освобождаемого жильем и средствами к существованию, его или ее обязательствах участвовать в той или иной деятельности, распорядке дня и надзоре в течение этого периода. Как правило, надзор осуществляет-

ся посредством систем установления местонахождения GSM. Заключенные должны иметь с собой мобильный телефон стандарта GSM, позволяющий сотрудникам тюрьмы определять их местонахождение в любой данный момент времени (посредством отображения на экране компьютера). Проверить, действительно ли заключенный находится в указываемом устройством месте, можно с помощью телефонного звонка. Сотрудники тюремной администрации делают выборочные телефонные звонки с этой целью. От заключенного также требуется совершение регулярных звонков. Заключенные могут использовать этот мобильный телефон только для связи с тюрьмой и экстренными службами. Данный метод имеет менее стигматизирующий характер и значительно дешевле по сравнению с традиционными технологиями электронного мониторинга. Заключенные позитивно относятся к этому эксперименту, и никаких случаев ненадлежащего использования мобильных устройств выявлено не было.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ФИНЛЯНДИИ □

1. Введение

1.1 Восприятие значительного числа заключенных как проблемы

Переполненность тюрем была привычным явлением в Финляндии, но ранее почти всеми рассматривалась как внутренняя национальная проблема, не имеющая отношения к международному образу нашей страны. Еще в начале 1960-х гг. очень немногие в Финляндии осознавали тот факт, что доля заключенных в составе населения необычайно высока с международной точки зрения. Разумеется, во время встреч с представителями тюремных ведомств скандинавских стран финские должностные лица время от времени обращали внимание на эти различия, но в таких случаях они обычно пожимали плечами, ссылаясь на «высокую долю преступлений с применением насилия» в Финляндии или предполагаемую эффективность механизмов реабилитации, используемых тюремными службами более удачливых стран¹.

Первыми, кто начал определять высокую долю заключенных в Финляндии как проблему, связанную с международным имиджем страны, были профессиональные криминологи. В 1960-е гг. во всех скандинавских странах процветали

* Törnudd, Patrik. *Fifteen Years of Decreasing Prisoner Rates in Finland*. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1993. Перевод и публикация с разрешения автора.

¹ См.: Anttila, I. Kansainväliset vaikutteet Suomen vankeinhoidon kehityksessä (International stimuli in the development of the Finnish prison service). Suomen vankeinhoidon historiaa I (toim. E.Suominen). Helsinki, 1981. P. 325-354.

социальные науки, накапливались эмпирические данные, и это позволило продемонстрировать ненормальность численности заключенных в Финляндии¹ и отвергнуть упомянутые выше объяснения со ссылками на преступления с применением насилия.

Систематические статистические сравнения показывали, что за исключением убийств и других серьезных видов насилия уровень преступности в Финляндии был ниже среднескандинавского уровня. Однако уровень раскрываемости был очень высок, и значительная доля привлекаемых к уголовной ответственности приговаривалась к тюремному заключению. Сроки заключения в Финляндии систематически были гораздо более продолжительными². Эти различия становились особенно заметными при сравнении скандинавских судебных практик в случае с кражами и другими преступлениями против собственности.

На вопрос о том, почему в Финляндии возникло такое уникальное положение дел, эксперты отвечают по-разному. Нильс Кристи утверждает, что жестокая история Финляндии – гражданская война 1918 года, ожесточенность двух войн с Советским Союзом с 1939 по 1944 г. – способствовала возникновению культурного климата, в котором суровость оценивается по иной шкале, отличающейся от критериев других скандинавских стран³. Это утверждение Кристи подкрепляет своим наблюдением, согласно которому тенденции изменения числа заключенных в Финляндии в начале века имеют сходство с общескандинавскими тенденциями. Другие эксперты указывают на жесткость системы уголовного правосудия в Финляндии. Так, высокий минимальный предел наказания за кражу при отягчающих обстоятель-

¹ Christie, N. Changes in penal values // Scandinavian Studies in Criminology (ed. by N.Christie et al.). Halden: Universitetsforlaget, 1968. P. 161-172.

² Anttila, I., Törnudd, P. Kriminologi i kriminalpolitiskt perspektiv (A textbook of criminology and crime control). Stockholm: Norstedt, 1973. P. 83.

³ Christie, N. Changes in penal values // Scandinavian Studies in Criminology (ed. by N.Christie et al.). Halden: Universitetsforlaget, 1968. P. 171.

ствах, введенный в 1889 году (отмененный в 1972 году), существенно затруднял приспособление судебных практик к изменившимся представлениям о тяжести преступлений против собственности в процветающем обществе¹.

Однако самого по себе обращения внимания на то, что доля заключенных в составе населения в Финляндии гораздо выше, чем в других скандинавских странах, недостаточно для определения проблемы.

Процесс возникновения социальной проблемы в общественном сознании включает в себя отказ от “оправдания” наблюдаемого отклонения. В принципе высокая доля заключенных в составе населения может быть предметом гордости: например, длительные сроки лишения свободы могут восприниматься как свидетельство решительности и жесткости системы уголовного правосудия или ее готовности тратить свои ресурсы на продолжительные реабилитационные усилия или “защиту общества”.

Такие попытки определить высокую долю заключенных в составе населения как что-то позитивное при публичном обсуждении соответствующих вопросов были все же редким явлением. Периодическое полное отрицание официальной политики реформы уголовного правосудия в пользу старых жестких практик имело форму единичных выступлений отдельных индивидов. Даже представители полиции, которая во всех странах по очевидным причинам склонна занимать критическую позицию по отношению к так называемой либерализации, редко отрицали абстрактную желательность нормализации доли заключенных в составе населения в Финляндии и обычно довольствовались утверждениями, что значение этой цели переоценивается.

¹ Lång, K.J. Upplever fängelsestraffet en renässans (A renaissance of the prison?) // Nordisk tidskrift för kriminalvetenskap. Maj 1989. 76 årgång. Nr. 2. P. 83-94.

1.2 Идеологии контроля над преступностью в Финляндии

Достижение консенсуса по поводу желательности сокращения числа заключенных в Финляндии потребовало настолько мало усилий, что это следует объяснить. Если бы меня спросили о том, каким образом Финляндии удалось уменьшить долю заключенных в составе населения, я бы ответил, что важнее понять идеологические факторы этого процесса, нежели вдаваться в его технические детали.

Прежде всего, нам следует рассмотреть идеологию уголовного правосудия и системы наказаний Финляндии. В первой половине двадцатого столетия во многих европейских странах произошел сдвиг от классической идеологии, основанной на возмездии и устрашении, к философиям наказаний, в основе которых находились идеи лечения и реабилитации.

Эта переориентация достигла Финляндии в 1930-1940-е годы, но военное время и противостояние со стороны влиятельных экспертов – представителей старой школы – замедлили этот процесс. Соседняя Швеция всем сердцем приняла идеологию реабилитации в 1940-е и 1950-е гг., тогда как финны не приступали всерьез к реформе системы уголовного правосудия до 1960-х гг. Когда же этот процесс начался, реабилитационная идеология уже не могла стать доминирующей. К этому времени до Финляндии дошла волна критики по поводу идеологии принудительного лечения правонарушителей. Мы узнали, что лечебные учреждения не обязательно являются более гуманными, чем тюрьмы, и что сложные экспериментальные исследования обычно не подтверждают существование какого-либо значительного эффекта принудительного лечения в виде снижения уровня преступности. Поскольку первыми в этой критической позиции по отношению к идее принудительного лечения оказались криминологи и юристы нового поколе-

ния, ориентированные на осуществление реформ, медленное движение к исправительной философии в шведском стиле остановилось окончательно. Как официальная идеология, так и идеология реформы, отраженные в учебниках и отчетах различных комитетов, стали основываться на идее, согласно которой система уголовного правосудия должна действовать главным образом через механизмы общей превенции (не устрашения!). Цель наказания – продемонстрировать неодобрение обществом какого-либо действия и показать людям пределы допустимого поведения. Поскольку новое поколение криминологов состояло большей частью из социологов, этот тезис обычно дополнялся следующим наблюдением: хотя каждому обществу нужна система уголовного правосудия, непосредственное воздействие наказаний является очень слабым, так как эффект общей превенции достигается главным образом через не прямые механизмы. С точки зрения общей превенции важно, чтобы вор был задержан и чтобы общество продемонстрировало свое неодобрение воровства посредством некоторого карательного действия, тогда как продолжительность тюремного срока по сравнению с этим менее значима. Лишение свободы на несколько недель может быть почти столь же эффективным в демонстрации осуждения обществом таких поступков, как и тюремный срок в несколько месяцев.

Конечно, признавалось, что очень большие сроки лишения свободы обладают эффектом “выведения из строя” по отношению к правонарушителям (*incapacitative effect*). Но поскольку Финляндия никогда не отказывалась от классической убежденности в необходимости справедливого соотношения между преступлением и наказанием, мы не хотели использовать сверхдлинные тюремные сроки или какие-либо другие нейтрализующие механизмы, которые нельзя обосновать аргументами справедливости. Таким образом, вопрос заключался в следующем: если реабили-

тационный эффект лишения свободы незначителен и если мы отвергаем идею определения продолжительности тюремных сроков исходя из выгод “выведения из строя”, могут ли наши длительные сроки тюремного заключения считаться обоснованными с точки зрения их общего превентивного эффекта (оцениваемого путем соотношения затрат и выгод)? Ответ криминологов: нет.

Описываемая здесь идеология нашла отражение в курсах, преподаваемых новым поколением профессоров права, а также в университетских учебниках по криминологии и уголовной политике. Ее поддерживали высшие должностные лица тюремного ведомства и Департамента разработки законопроектов, а также участники публичных дебатов, выступавшие в качестве экспертов по вопросам преступности и наказаний. В 1970-е гг. эта идеология стала трансформироваться в действия, отчасти посредством запуска большого проекта, целью которого было переписывание всего уголовного законодательства, а также – что имеет более прямое отношение к доле заключенных в составе населения – посредством инициирования большого числа отдельных реформ, которые если и не были прямо нацелены на сокращение численности заключенных, то, по крайней мере, имели такой мотив.

Прежде чем перейти к подробностям, я хотел бы сделать одно замечание, касающееся структурных параметров реформ в области контроля над преступностью в Финляндии. В одних странах направление реформ в значительной степени определяется публичными дебатами, относительной силой различных политических партий и их “повестками дня”, а также личными убеждениями и предпочтениями министра, ответственного за вопросы контроля над преступностью. Другие страны обладают более бюрократической структурой власти. В этих странах форма и направление реформ определяются государственными служащими, занимающими высокие позиции, и экспертами, консультиру-

ющими последних. Если выстроить страны в этом измерении, – которое в зависимости от вашей точки зрения может быть названо измерением элитизма или популизма, – скандинавские страны могут быть охарактеризованы как в значительной степени “ориентированные на экспертов”, тогда как Финляндию в этой группе стран можно назвать наиболее “ориентированной на экспертов”. Это действительно так – контроль над преступностью никогда не был центральным политическим вопросом избирательных кампаний в Финляндии, а министры юстиции никогда не считали такой контроль главной сферой своих интересов. Единственным исключением был короткий период в середине 1970-х гг., когда пост министра юстиции занимала профессор Инкери Анттила. В этот период был завершён ряд реформ, имевших решающее значение в отношении численности заключённых. Важным также является ещё более короткий период в 1972 году, когда министром юстиции был Генеральный директор тюремной службы Карл Йохан Лонг, поскольку именно в это время был приведён в окончательный вид и отправлен в парламент законопроект о реформе наказаний за кражи.

Возможность осуществить целый ряд реформ, нацеленных на снижение уровня репрессивности, стала реальностью только благодаря тому обстоятельству, что небольшие группы экспертов, ответственных за планирование реформ или занимавшихся темой контроля над преступностью в исследовательских институтах и университетах, были почти единодушны в убеждении: высокая по сравнению с другими странами доля заключённых в составе населения Финляндии является позором; можно значительно уменьшить число приговоров к лишению свободы и сократить его сроки без ухудшения положения дел с преступностью.

Теперь я хотел бы рассмотреть средства, которые были использованы для достижения этой цели.

2. Реформы, способствовавшие сокращению численности заключенных в период с 1971 по 1991 г.

Усилия с целью сокращения численности заключенных могут быть связаны с осуществлением наказания в виде лишения свободы, а также с судебным разбирательством – посредством сокращения использования тюремного заключения и сокращения продолжительности тюремных сроков – и, конечно, с уменьшением числа правонарушителей, предстающих перед судом. Все эти стратегии были использованы в Финляндии.

2.1 До суда

При рассмотрении досудебной стадии я хотел бы прежде всего указать на два важных эпизода декриминализации в течение последних 30 лет. В 1968 году из Уголовного кодекса было выведено пьянство в общественных местах. Конечно, правонарушителей такого рода только штрафовали, но значительная доля людей не выплачивала штраф, что приводило к преобразованию наказания в тюремное заключение. Такая декриминализация в сочетании с либерализацией правил преобразования наказаний в тюремное заключение привела к сокращению числа заключенных, оказавшихся в тюрьме за неуплату штрафа, с 491 к 1 января 1968 года до 7 два года спустя.

Другая реформа касалась людей, отказывающихся идти на военную службу по причине принадлежности к Свидетелям Иеговы. Уклонисты от призыва, отказывающиеся также от какой-либо формы альтернативной службы, приговариваются в Финляндии к фиксированному сроку лишения свободы, который составляет 11 месяцев тюремного заключения. Законодатель признал тот факт, что если принять во внимание глубоко укоренившиеся религиозные убеждения членов Свидетелей Иеговы, то наказание является бес-

смысленным. Оно было отменено для членов этой секты законом, принятым в 1985 году и вступившим в действие двумя годами позже. До этой реформы ежегодное число Свидетелей Иеговы в тюрьмах превышало сотню человек.

Прекращение уголовного преследования самостоятельным решением прокурора является во многих странах основным средством исключения судебного разбирательства. Эту альтернативу стоит отметить потому, что ранее она почти никогда не использовалась в Финляндии. В отличие от практик в других скандинавских странах эта возможность была использована всего лишь в нескольких случаях. Ожидается, однако, что новое законодательство, вступившее в силу в начале 1991 года, облегчит как прекращение преследования, так и полное снятие обвинения.

2.2 Альтернативы тюремному заключению

По сравнению с другими европейскими странами система уголовного правосудия Финляндии предлагает немного альтернатив тюремному заключению. Если оставить в стороне наказания, предназначенные для особых категорий правонарушителей, то судья в Финляндии – в соответствии с законодательством – обычно имеет в своем распоряжении очень ограниченный набор вариантов: приговорить правонарушителя к реальному сроку лишения свободы, к условному сроку или штрафу. Такая альтернатива, как полное снятие обвинения (*absolute discharge*), использовалась очень редко – по крайней мере, так было до упомянутой выше правовой реформы 1991 года.

До реформы закона об условном лишении свободы в 1976 году использование такого вида наказания было ограничено рядом условий и правил, связанных, например, с предыдущими судимостями. Новое законодательство, вступившее в силу 1 апреля 1976 года, позволило срок до двух лет лишения свободы назначать условно и смягчило дей-

ствовавшие ранее строгие условия использования этой санкции. Для того, чтобы облегчить использование условного лишения свободы, новое законодательство позволило также сочетать этот вид наказания с безусловным штрафом. В 1972 году 42% всех сроков лишения свободы, назначенных финскими судами, были условными. В 1977 году этот показатель равнялся 51%, а в 1987 году – 58%.

Тенденция к более широкому использованию условного лишения свободы является настолько важной, что ее, возможно, следует исследовать с еще одной точки зрения. В таблицах в приложении представлено число приговоров к реальному и условному срокам лишения свободы с 1971 по 1991 г. с пятилетними интервалами. Как вы видите, имел место значительный рост числа приговоров к условному лишению свободы, отражающий резкое повышение уровня преступности в Финляндии, тогда как число приговоров к реальному лишению свободы с 1976 года сократилось. Тенденция к более частому использованию условного тюремного заключения стала заметной еще до реформы 1976 года, однако последняя обеспечила условия для радикального расширения масштабов его применения, несмотря на растущие уровни преступности и тот факт, что к 1980-м гг. увеличился средний возраст правонарушителей, что означало наличие у них большего числа предыдущих судимостей по сравнению с правонарушителями 1970-х.

В Финляндии условное лишение свободы не является дорогостоящей санкцией, если оценивать прямые административные расходы. Только молодые правонарушители могут быть помещены под надзор, тогда как для взрослых эта санкция не предусматривает ничего кроме угрозы преобразования условного срока в реальный в том случае, если правонарушитель совершит новое преступление в течение испытательного периода, который может продолжаться до трех лет.

Возможность все более широкого использования условного лишения свободы основывалась на растущей убежденности в том, что помещение в тюрьму уменьшает шансы правонарушителя на адаптацию в обществе и поэтому реальные сроки лишения свободы следует использовать гораздо умереннее. Однако в стране, приверженной строгому соблюдению законов (*legalistic country*), каковой является Финляндия, где высоко оцениваются предсказуемость и равенство при вынесении приговоров, трудно быстро изменить практики определения наказаний за исключением случаев, когда меняются сами правила.

Так, институционализация новых практик определения наказаний за кражу и вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения – два основных вида преступности, имеющих прямое отношение к численности заключенных в Финляндии, – стала возможной благодаря изменению законодательства.

Новые определения кражи и новые пределы наказания за этот вид преступности были введены в ходе реформы 1972 года. Новый закон сохранил существовавшее прежде деление краж на мелкие кражи, кражи и кражи приотягчающих обстоятельствах, но предоставил судам значительную свободу действий в применении этих категорий, а также понизил нижние пределы наказания.

В таблице 2 в приложении представлено распределение наказаний за кражи в период с 1971 по 1991 г. Эти данные указывают на радикальное изменение структуры наказаний. В 1991 году уже не менее 82% всех зарегистрированных краж наказывались штрафом, тогда как в 1971 году эта доля составляла всего 37%. Карл Йохан Лонг отмечает, впрочем, что растущее использование штрафа в качестве наказания за преступления против собственности отражается

также в увеличении числа людей, оказавшихся в заключении за неуплату штрафа¹.

Следует отметить, что эти изменения произошли в период значительного роста числа краж. Однако криминологи указывают, что рост благосостояния повсеместно ведет к повышению уровня преступлений против собственности независимо от того, являются практики определения наказаний жесткими или мягкими. Очевидно, что радикальные изменения в практиках наказания за кражи были связаны не с соображениями превенции, а с изменившимся восприятием тяжести этого вида преступности.

Еще одна реформа касалась другого распространенного вида преступности – вождения автомобиля в состоянии алкогольного опьянения. В ходе этой реформы, закон о которой был принят в декабре 1976 года и вступил в силу 1 апреля 1977 года, было изменено определение данного вида преступлений. В соответствии с новым законодательством, вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения определялось на основании количества алкоголя в крови правонарушителя и других аспектов, связанных с опасностью правонарушения. Особое значение имеет то обстоятельство, что данная реформа сделала возможным пересмотр пределов наказания за этот вид правонарушений. Судьи, рассматривающие такие массовые правонарушения, как вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, оперируют стандартными наказаниями. До реформы стандартным наказанием за вождение автомобиля в состоянии опьянения были три или четыре месяца реального срока лишения свободы, даже если при этом не был нанесен какой-либо ущерб. Признавалось, что это довольно жесткое наказание, но, как я уже отмечал, в такой стране, как Финляндия, отличающейся в целом строгим

¹ Lång, K.J. Vankiluku – kriminaalipolitiikan tulostittari (The number of prisoners as an indicator of the performance of the crime control system) // Rikosoikeudellisia kirjoitelmia VI-juhlakirja. Suomalainen laki-miesyhdistys. A-sarja 185. Vammala 1989. P. 271-297.

следованием законам, нелегко быстро изменить укоренившиеся практики определения наказаний. Реформа законодательства предоставила судьям большую свободу действий и, таким образом, возможность вводить – на неформальной основе – новые практики. Прекрасным средством достижения таких неформальных соглашений по поводу новых практик определения наказаний оказались курсы и семинары для судей. В результате удалось выработать новые стандартные наказания за вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения. Так, вождение при уровне алкоголя в крови, составляющем 1,5 промилле или несколько выше, должно было наказываться условным заключением на срок от одного до двух месяцев. Реальное тюремное заключение сохранялось для случаев вождения автомобиля при более высоком уровне алкоголя в крови или нанесения вреда правонарушителем.

Как иллюстрирует таблица 3, размещенная в приложении, новый закон о вождении автомобиля в состоянии алкогольного опьянения позволил сдержать давление на систему, порождаемое быстро растущим числом таких правонарушителей. Этот рост был неизбежным следствием расширения автомобильного парка и использования более эффективных техник выявления алкогольного опьянения. Массовое увеличение числа правонарушителей такого рода было встречено в основном штрафами и условным заключением при очень небольшом приросте числа приговоров к реальному лишению свободы.

Интересно отметить, что изменение структуры наказаний в пользу неинституциональных средств стало возможным в Финляндии, даже несмотря на то, что в нашем распоряжении имелись лишь две альтернативы реальному лишению свободы: штрафы и условное заключение. Возможно ли было еще более радикальное реструктурирование наказаний, если бы мы имели более широкий набор неинституциональных альтернатив, как в некоторых других европейских

странах? Возможно, хотя лично я не думаю, что в этом случае ситуация развивалась бы заметно иначе.

В связи с этим позвольте мне добавить, что с начала 1991 года на экспериментальной основе в некоторых округах мы стали использовать общественные работы. Этот вид наказания может применяться в качестве альтернативы только реальному тюремному заключению.

Финское уголовное законодательство включает в себя положение, предусматривающее превентивное тюремное заключение хронических рецидивистов по окончании срока лишения свободы. Превентивное заключение возможно в том случае, если решение об этом будет принято и обычным судом, и специальным. При реформе законодательства, осуществленной в 1971 году, превентивное заключение было сохранено только для опасных правонарушителей, совершивших преступления с применением насилия, тогда как ранее оно использовалось, главным образом, по отношению к хроническим правонарушителям, совершавшим преступления против собственности. В результате в течение года число людей, удерживаемых в заключении в качестве рецидивистов, сократилось с 206 до 24.

2.3 Сокращение сроков тюремного заключения

Периодически в бесконечных финских дискуссиях о желательности введения новых альтернатив тюремному заключению и сокращения числа заключенных можно было услышать следующее: «Превосходной альтернативой нынешним наказаниям в виде тюремного заключения были бы более короткие сроки лишения свободы».

Ранее, когда идеология реабилитации была сильна, коротких тюремных сроков избегали. В настоящее время отношение к продолжительности лишения свободы является иным. Сокращение числа заключенных в Финляндии в значительной мере объясняется устойчивой тенденцией к все

более коротким срокам реального тюремного заключения. Данные, представленные в таблице 1 (см. приложение), иллюстрируют это развитие. В 1971 году медиана продолжительности всех реальных сроков лишения свободы равнялась 5,1 месяца, а в 1991 году значение этого показателя составляло 3,6. Следует заметить, что эти данные относятся к срокам тюремного заключения, назначаемым судами. Поскольку одно и то же лицо может получить ряд таких наказаний, средняя продолжительность сроков лишения свободы, которые правонарушители должны отбыть по прибытии в тюрьму, значительно длиннее.

Две упомянутые крупные реформы, касающиеся наказаний за кражу и вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, также способствовали этой тенденции. Таблица 2 в приложении демонстрирует, насколько драматичный характер приняла эта тенденция в случае с кражами, несмотря на тот факт, что изменения в структуре наказаний не затронули наиболее серьезных правонарушителей, которые остались в категории тех, кто должен быть приговорен к реальному лишению свободы.

Изменением, затронувшим все категории правонарушителей, было введение в ходе реформы 1976 года новых правил определения наказаний, которые стали действовать с 1 января 1977 года. Прежние правила, устанавливавшие более высокий верхний предел наказания в виде лишения свободы для правонарушителей, которые ранее уже приговаривались к тюремному заключению, были заменены более общим набором правил, предусматривавших определение наказаний таким людям в обычных пределах.

В некоторой степени сокращению сроков тюремного заключения способствовала правовая реформа 1973 года, в результате которой время, проведенное в тюрьме на досудебной стадии, стало всегда вычитаться из назначенного судом срока лишения свободы.

2.4 На стадии осуществления наказаний в виде лишения свободы

На стадии исполнения наказания в виде тюремного заключения власти могут контролировать продолжительность времени, действительно проведенного в тюрьме, посредством амнистий и условно-досрочного освобождения. Амнистия не использовалась в качестве средства сокращения численности заключенных с 1977 года, когда по случаю 50-летия независимости Финляндии продолжительность сроков заключенных была сокращена на одну шестую.

Законодательство предусматривает условно-досрочное освобождение заключенных после отбытия половины либо двух третей срока. Возможность освобождения после половины срока (которая была введена в 1944 году для того, чтобы облегчить ситуацию с переполненностью тюрем, вызванной послевоенной преступностью) была расширена в последнее время.

Кроме того, в соответствии с положениями законодательства, вступившими в силу в начале 1970-х гг., необходимым условием для условно-досрочного освобождения было пребывание в тюрьме в течение, как минимум, 6 месяцев. Очевидно, что стратегическое значение продолжительности этого минимального времени возрастало по мере того, как тюремные сроки становились короче. Правовая реформа в феврале 1976 года либерализовала правила условно-досрочного освобождения, сократив минимальное время в тюрьме до 4 месяцев. Это немедленно сказалось на численности заключенных, но проблемы, связанные с обеспечением справедливости по отношению к заключенным, находящимся в пограничной зоне, остались – я имею в виду заключенных с несколько более короткими и несколько более длительными сроками, чем минимальное время пребывания в тюрьме, необходимое для условно-досрочного освобождения. В этом смысле вполне логичным был сле-

дующий шаг – сокращение этого минимального периода до абсолютного минимума тюремного заключения, составляющего 14 дней. Такая реформа была осуществлена в 1988 году. Условия для освобождения заключенного условно-досрочно после половины первоначального срока были переформулированы таким образом, что они стали представлять собой общие указания на особые обстоятельства.

Среди других недавних изменений законодательства в области исполнения наказаний следует отметить реформы 1987 и 1989 г., касавшиеся продолжительности срока, который нарушитель условий досрочного освобождения должен отбыть по возвращении в тюрьму. Нарушитель условий досрочного освобождения, не совершивший новых преступлений, может, согласно ныне действующим правилам, быть вновь освобожден условно-досрочно после месяца в тюрьме.

Заключение

Хотя некоторому сокращению численности заключенных способствовали структурные факторы, такие, как взросление крупных популяционных когорт, родившихся после войны¹, решающее значение имели упомянутые выше реформы законодательства, очевидной целью которых было решение проблемы высокой доли заключенных в составе населения. Наиболее важными из них были реформы положений законодательства, касающихся краж и вождения автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, с одной стороны, и более общие реформы, касающиеся условного лишения свободы и освобождения заключенных условно-досрочно, с другой.

¹ См.: Aho, T. Vankiluvun kehitys: Vankiluvun koostumukseen vaikuttaneista tekijöistä 1980-luvulla (Prisoner trends: factors which have affected the structure of the prisoner population in the 1980s). Oikeusministeriön vankeinhoito-osaston selvitteitä 2/1988. Helsinki, 1988.

Однако я хотел бы еще раз подчеркнуть то, что уже отметил в самом начале: решающим фактором было не содержание этих реформ в техническом смысле. Если бы подобные реформы были осуществлены в какой-либо другой стране с другим историческим прошлым или с другой идеологией контроля над преступностью, то конечным результатом вполне мог быть дальнейший рост числа заключенных. Решающим фактором в Финляндии была готовность гражданских служащих, судей и тюремных властей использовать все доступные средства для сокращения численности заключенных. Благодаря усилиям группы людей, занимавших ключевые позиции, стало возможным определение высокой доли заключенных в составе населения как проблемы, и это определение, в свою очередь, привело к целому ряду действий от реформ законодательства до конкретных повседневных решений на микроуровне, которые в совокупности обеспечили конечный результат.

Поскольку усилия по сокращению численности заключенных в Финляндии были обусловлены уникальным историческим прошлым, нет гарантий, что современные тенденции будут иметь место и в дальнейшем. В течение последнего года наблюдались колебания численности заключенных с восходящей направленностью. Все криминологи знают, что силы саморегуляции всегда пытаются восстановить состояние равновесия. Идея «мы должны что-то сделать с проблемой численности заключенных», возможно, оказалась настолько глубоко усвоенной нынешним поколением экспертов и практиков, что она будет доминировать и в последующие годы, несмотря на тот факт, что доля заключенных в составе населения уже находится в каком-то смысле на «нормальном» уровне. Но я бы не решился предсказывать, что произойдет к концу этого десятилетия. Неизбежный рост преступности несомненно приведет к новому давлению в направлении роста числа заключенных.

По сходным причинам я затрудняюсь оценить применимость финского опыта к какой-либо другой стране или другому региону. Но если бы мне нужно было определить какой-нибудь один наиболее важный момент, я бы сказал, что установочная и идеологическая готовность сокращать число заключенных важнее, чем выбор тех или иных средств достижения этой цели.

Приложение

Табл. 1. Заключенные и наказания в Финляндии с 1971 по 1991 г.

	1971	1976	1981	1986	1991
Число заключенных к 1 января					
– отбывающие наказание	4149	4722	4338	3648	2967
– за неуплату штрафа	22	135	124	122	93
– в превентивном заключении	206	6	6	13	11
– под следствием	475	834	546	528	356
– другие	14	9	18	-	-
Всего	4866	5706	5032	4311	3427
Число людей, оказавшихся в тюрьме, в течение года	11298	13457	9840	9216	8874
Число приговоров к реальному сроку лишения свободы, в тыс.	13	16	10	11	12
Число приговоров к условному тюремному заключению, в тыс.	7	13	14	16	17
Медиана продолжительности всех сроков реального лишения свободы, в месяцах	5,1	5,1	4,6	3,9	3,6

Источники: Aho, T., Karsikas, V. Vankien taustaan ja vankilukuun liittyviä tilastoja 1881–1978 (Statistics related to prisoner characteristics and the number of prisoners). Vankeinhoidon historiaprojektin julkaisu 3/1980. Oikeusministeriön vankeinhoito-osasto. Helsinki, 1980; тюремная и судебная статистика, публикуемая Центральным статистическим офисом. Медианные значения были вычислены на основе таблиц судебной статистики, содержащих данные о решениях судов общей юрисдикции, которые были

упорядочены в соответствии с продолжительностью вынесенных сроков. Более дифференцированная классификация судебной статистики, используемая в последнее время, дает более низкие медианные значения. Сроки лишения свободы сокращаются, но изменения в технической стороне дела способствуют несколько преувеличенному представлению о темпах этого сокращения.

Табл. 2. Наказания за кражу с 1971 по 1991 г.

	1971, %	1976, %	1981, %	1986, %	1991, %
Реальные сроки лишения свободы	38	28	17	13	11
Условное тюремное заключение	25	12	10	10	7
Штрафы	37	60	73	77	82
Число приговоров, в тыс.	10	18	22	26	32
Число приговоров к реальному сроку лишения свободы	3986	5198	3650	3900	3360
Медиана продолжительности сроков реального лишения свободы, в месяцах	7,4	5,8	4,6	3,9	2,6

К категории краж в данном случае отнесены кражи, кражи при отягчающих обстоятельствах и мелкие кражи (наиболее распространенный вид преступности). “Кражи со взломом” уже не являются отдельной категорией преступности, поэтому данные о них в 1971 году объединены с данными о других видах краж. Число краж, с заявлениями о которых граждане обратились в полицию, в течение последних десятилетий резко возросло. Хотя отчасти это можно объяснить растущими возможностями воровства в магазинах и соответствующим ростом числа таких правонарушений, серьезные кражи также стали более распространенными. Как свидетельствуют приведенные данные, система уголовного правосудия оказалась в состоянии адаптироваться к этим условиям, переоценив тяжесть краж как вида преступности. В результате она отреагировала на возросшую долю краж ростом числа штрафов. Абсолютное число приговоров к реальному тюремному заключению почти не изменилось, однако сроки лишения свободы стали значительно более короткими.

Табл. 3. Наказания за вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения с 1971 по 1991 г.

	1971, %	1976, %	1981, %	1986, %	1991, %
Реальные сроки лишения свободы	69	39	12	16	17
Условное тюремное заключение	25	52	39	40	39
Штрафы	6	9	49	44	44
Число приговоров, в тыс.	8	14	16	18	24
Число приговоров к реальному сроку лишения свободы	5417	5484	1949	2931	4156

Число обвинений в вождении автомобиля в состоянии алкогольного опьянения в Финляндии постоянно увеличивается, вследствие роста объема дорожного движения и гораздо более частого тестирования водителей на наличие алкоголя в выдыхаемом воздухе. Новое законодательство о вождении автомобиля в состоянии опьянения, вступившее в силу в 1977 г., также привело к расширению масштабов криминализации, установив нижний предел содержания алкоголя в крови, равный 0,5 промилле (1,5 промилле для определения такой категории, как «вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения при отягчающих обстоятельствах»). Однако новые законы и связанные с ними практики определения наказаний позволили системе уголовного правосудия справиться с этим ростом посредством радикального увеличения использования штрафов и условного заключения (обычно в сочетании со штрафом). Медиана продолжительности всех сроков лишения свободы, назначенных за вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, составила в 1987 г. 2,7 месяца. Медиана продолжительности только реальных сроков лишения свободы равнялась 3,3 месяцам. Эти данные касаются лишь правонарушений, соответствующих частям 23:1 и 23:2 Уголовного кодекса, оставляя за рамками определенные категории незначительных правонарушений, связанных с потреблением алкоголя и дорожным движением.

КОНТРОЛЬ БЕЗ РЕПРЕССИВНОСТИ?*

Может показаться, что название моей статьи – «Контроль без репрессивности» – содержит указание на будущее системы уголовного правосудия. Однако на этой стадии я бы предпочла добавить вопросительный знак. Таким образом, я задаюсь вопросом, можем ли мы иметь “контроль без репрессивности”?

Этот вопрос очень широк и может быть рассмотрен на нескольких различных уровнях. Точно так же понятие “будущее” может относиться к самым разным отрезкам времени от нескольких лет до столетий. Таким образом, предмет нашего анализа может быть целый ряд различных средств и способов действия:

– Если мы рассматриваем “контроль без репрессивности” только с точки зрения организации тюрем, то это означает развитие новых типов тюремных институтов.

– Если мы изучаем систему уголовного правосудия в целом, то мы можем рассмотреть возможность применения санкций, которые были бы менее репрессивными, чем сегодняшнее тюремное заключение.

– Конечно, мы можем пойти еще дальше. Можно представить себе общество, в котором преступность контролируется полностью или почти полностью новыми способами. Например, общество, в котором вместо формального контроля используется неформальный или применяется система позитивных санкций, вознаграждающая законопо-

* Anttila, Inkeri. Control without repression? // *Prisons Past and Future*. Edited by John C. Freeman. Cambridge Studies in Criminology. London: Heinemann, 1978. P. 189-197. Перевод и перепечатка с разрешения автора. Перевод впервые был опубликован в Журнале зарубежного законодательства и сравнительного правоведения (2009. №2. С.78-83).

слушных граждан, вследствие чего нет необходимости угрожать правонарушителям наказанием.

Я начну рассмотрение этих альтернатив с более узкого аспекта, а затем перейду к более широкому.

1. Возможны ли тюрьмы, лишённые репрессивности?

Возможно ли иметь тюрьмы, в работе которых отсутствовала бы репрессивность? Можем ли мы представить себе общество, в котором правонарушители отправлялись бы на лечение (treatment) от криминальности или в котором все правонарушители добровольно стремились бы к такому “лечению”?

Идея замены тюрем организациями, где правонарушители подвергались бы не наказанию, а лечению, интересовала экспертов на протяжении десятилетий, и временами предпринимались попытки осуществить ее на практике. Мне не хотелось бы навязывать читателю долгое и подробное описание принципов “философии лечения”. В конце концов мы все осведомлены о том, какого рода “рост и упадок философии терапевтической тюрьмы” имел место в двадцатом столетии. Было время, когда небольшая группа экспертов-пенологов полагала, что обычный заключенный может быть исправлен (rehabilitated) посредством научно спланированных мер и может занять свое место в обществе в качестве законопослушного гражданина. Несмотря на мощную критику, приверженцам этой философии постепенно удалось значительно увеличить число своих сторонников. Например, в скандинавских странах пик популярности этой философии пришелся на 1940-е и 1950-е гг. Однако, основываясь на результатах тщательно проведенных эмпирических исследований, ученые снова и снова сообщали о том, что не удается получить данные, подтверждающие эту фундаментальную гипотезу, вследствие чего в настоящее время она считается ошибочной. Теперь мы знаем, что обычный заключенный не станет лучше в ре-

зультате такого рода лечения в тюрьме независимо от характера или масштаба предпринимаемых мер. Существуют убедительные доказательства, что тюрьмы не имеют – и не могут иметь – никакого значительного исправительного эффекта за исключением отдельных очень редких случаев. При этом неважно, как мы называем эти организации – и “институт для психопатов” (“institution for psychopaths”), и “исправительное заведение” (“reform school”) так же неэффективны, как и обычная тюрьма.

Сказанное только что относится к тюрьмам или недобровольному лечению. Конечно, можно предположить, что некоторые правонарушители будут *добровольно* стремиться к лечению в такого рода институтах, например, к психотерапии или к терапии отвращения или даже, почему бы и нет, к электротерапии.

Можно ли использовать этот подход для того, чтобы создать новую систему контроля, контроля без репрессивности? На мой взгляд, в некоторых исключительных случаях это возможно. Обязательным условием при этом должно быть следующее: а) лечение действительно является добровольным; б) результаты достаточно хороши и оправдывают, таким образом, использование необходимых ресурсов. Этим условиям отвечает наша нынешняя система действий по отношению к правонарушителям, которые не могут быть признаны ответственными за свое преступное поведение и хотели бы попасть в психиатрическую лечебницу для получения лечения. Общий уровень толерантности в обществе определяет тот предел, до которого мы можем заменять наказание лечением. Если правонарушение и правонарушитель представляются достаточно исключительным случаем, то мы готовы согласиться с таким переходом от роли правонарушителя к роли пациента. И даже в

этом случае лечение должно быть по-настоящему добровольным.¹

Я уже отметила, что замена в исключительных случаях наказания на добровольное лечение в институтах, подобных клиникам, может рассматриваться в качестве альтернативы только тогда, когда очевидно, что лечение является эффективным. Существуют, конечно, случаи, когда лечение должно обеспечиваться по другим причинам, независимо от правонарушения. Правонарушитель может быть душевнобольным или настолько умственно неполноценным, что является очевидным, что ему или ей необходимо лечение, и это лицо, таким образом, единодушно признается пациентом, который, так случилось, совершил правонарушение. С другой стороны, наказание правонарушителей лишь с незначительными психическими отклонениями вполне может быть оправданным. Тип правонарушения никоим образом не указывает автоматически на то, находится правонарушитель в здравом уме или нет, здоров он или нет. Не каждый виновный в убийстве является маньяком-убийцей, не все насильники страдают сексуальной психопатией, не все воры – kleптоманией, и не все пьяные водители – алкоголики. Подавляющее большинство тех, кто виновен в таких правонарушениях, не должны находиться в лечебнице.

Какую же позицию нам следует занять по отношению к этому большинству? Мы знаем, что тюремное заключение применяется во всем мире, включая все те страны, в которых идеология лечения потерпела провал. В результате эти страны вынуждены были признать, что необходима переоценка ситуации. По-прежнему предполагается, что

¹ Противоположная ситуация существует тогда, когда, например, алкоголику говорят, что он должен стремиться к получению лечения в рамках соответствующего института добровольно, «поскольку его или ее в любом случае заставят пойти на это», или когда согласие на лечение получается в обмен на обещание компенсации от системы национального страхования здоровья. Конечно, такая полудобровольная система может быть названа «контролем с *меньшей* репрессивностью», чем некоторые другие альтернативы, но это не настоящий «контроль без репрессивности».

тюрьмы выполняют важные социальные функции в нашем обществе. Какими могут быть в таком случае тенденции дальнейшего развития?

Следует начать с переопределения проблемы. Мы должны признать тот факт, что для поддержания фундаментальных социальных норм нам нужны наказания или, по крайней мере, публичное осуждение морально неприемлемого поведения. Публично осуждая определенное поведение как неправильное в моральном отношении, мы поддерживаем стандарты морали независимо от того, относятся эти стандарты к “традиционным” преступлениям, таким, как хищение, или к “новым” преступлениям, таким, как загрязнение окружающей среды. Еще раз повторю: *нам нужны наказания, определяемые как публичное и авторитетное осуждение государственными органами конкретных случаев преднамеренного поведения, наносящего вред (wilful harmful behaviour)*. Даже нестрогого выговора может быть достаточно для выражения этого осуждения. Большинство наказаний является и должно быть более мягким, нежели тюремное заключение.

Помещая правонарушителя в тюрьму, общество драматизирует суровость осуждения. Нет сомнений в том, что тюремная система оказывает, главным образом, общее превентивное воздействие, за исключением случаев с некоторыми действительно опасными преступниками, которые должны находиться в постоянной изоляции. Будущее обязательно принесет с собой новые альтернативы тюрьмам, но если ограничить себя временным отрезком в десять или двадцать ближайших лет, то мы должны признать, что нам действительно нужны тюрьмы. *Главная функция тюрьмы заключается в общей превенции.*

С этой точки зрения, обществу необходимы тюремное заключение и заключенные потому, что это подкрепляет и усиливает определенные нормы поведения. Наличие тюрем гарантирует, что наказания будут осуществляться в

соответствии с общими ожиданиями тех, кто поддерживает систему социального контроля.

Таким образом, я считаю, что в обозримом будущем тюрьмы будут оставаться частью нашей системы. Однако только что сказанное может быть неправильно истолковано.

Прежде всего, когда я говорю об общей превенции, я не имею в виду *суровые* наказания. Механизмы общей превенции включают в себя множество компонентов; суровость наказания – только один из них. Другим важным компонентом является субъективно оцениваемая неотвратимость наказания. Если потенциальный правонарушитель считает, что существует высокий риск быть пойманным, в этом случае даже легкого наказания может быть достаточно. Нам следует стремиться к тому, чтобы достигать общей превенции посредством других санкций, отличных от тюрьмы. А когда тюремное заключение необходимо, нам следует использовать, главным образом, короткие сроки лишения свободы. Такая система наказания уже является правилом, например, в скандинавских странах, где подавляющее большинство тюремных сроков исчисляется лишь несколькими месяцами.

Непонимание может возникнуть и в отношении тюремного режима. Мнение о том, что тюрьмы являются, главным образом, институтами, поддерживающими общую превенцию, часто необоснованно связывается с идеей, согласно которой *строгая дисциплина, жестокое обращение и плохие условия* медицинского и другого обслуживания должны быть неотъемлемыми атрибутами тюремного заключения. Поэтому следует еще раз подчеркнуть: даже несмотря на то, что роль тюрем в системе уголовного правосудия может быть оправдана исходя из соображений общей превенции, тюрьмы не должны быть институтами, в которых отсутствуют надлежащие уход и обращение. Нам следует помнить, что заключенные – это козлы отпущения существующей системы. Во-первых, они страдают за всех тех правонарушителей, которые никогда не будут задержаны и преданы

суду. Во-вторых, они отправлены в тюрьму за всех тех членов общества, которые не стали правонарушителями благодаря тому, что получили более хорошее образование или находятся в более благоприятных социальных условиях.

Поскольку заключенные служат примером, предупреждающим всех остальных, бремя, возложенное на их плечи, должно быть ослаблено. Средняя продолжительность сроков тюремного заключения должна быть сокращена. Заключенным должны быть обеспечены хорошие условия в тюрьмах, они должны иметь возможность получать психологическую и психиатрическую помощь, если они хотят этого. Им следует помогать, когда они освобождаются, а некоторые из них могут даже обеспечиваться пенсией после очень долгих сроков заключения, которые привели к социальной недееспособности. Нам следует также направлять усилия на минимизацию негативных последствий пребывания в тюрьме, «отюремнивания» (“prisonization”, ресоциализация в тюремных условиях – *прим. переводчика*). Чем длиннее тюремные сроки, тем важнее обеспечить нормальные условия тюремного заключения.

Улучшение условий содержания в тюрьме должно иметь место только с целью облегчения положения заключенных. Не следует полагать, что мы отправляем кого-то в тюрьму “ради его или ее же блага”, например, для того, чтобы обеспечить его или ее жильем и питанием на зиму. Должные уход и лечение должны быть обеспечены только потому, что *заключенный в любом случае оказался бы в тюрьме*.

Точно так же предполагаемая потребность в лечении не может давать властям права удлинять срок тюремного заключения или помещать правонарушителя в специальный институт, в котором срок наказания будет определяться соображениями о том, “излечился” он или она от своей криминальности или нет. Подобным образом даже рецидивизм не должен сам по себе вести к замене тюремного заключения на интернирование на неопределенный период

или к наклеиванию на правонарушителя ярлыка “психопата”, которого нужно поместить в специальное заведение.

2. Следует ли пытаться найти наказания, менее репрессивные, чем тюрьма?

Итак, я считаю, что тюрьмы не могут быть изменены таким образом, чтобы стать институтами, излечивающими от криминальности. Следующим шагом является вопрос о том, каким образом следует изменять систему наказаний в целом. Следует ли нам пытаться найти наказания, менее репрессивные по сравнению с сегодняшним тюремным заключением?

Это очень серьезный вопрос, и он совершенно не противоречит тому, что было сказано ранее. Стоит повторить, что тюрьмы нужны только до тех пор, пока (и постольку, поскольку) нет других соответствующих альтернатив. Даже хотя тюрьмы не могут быть исключены из системы наказаний, нам следует думать о том, можно ли сократить их применение.

Общество обязано постоянно искать новые альтернативы тюремному заключению, а использование тюрьмы должно быть сведено к минимуму. Те, кто настаивают, что все санкции, не связанные с лишением свободы, являются слишком мягкими с точки зрения общей превенции, вряд ли принимают во внимание тот факт, что реальная суровость санкций постоянно изменяется. Пенологические ценности подвергаются волнам “инфляции” и “дефляции”, поэтому санкции, которые вчера считались мягкими, завтра могут переживаться как гораздо более суровые.

Какого рода наказания в таком случае нам следует обдумывать? Комитет уголовного законодательства Финляндии в своем докладе перечислил несколько принципов, которые будут применяться ко всем наказаниям. Некоторые из них заключаются в следующем:

- наказания не должны быть жестокими (cruel);

- они должны отражать принципы пропорциональности (между правонарушением и наказанием) и равенства;
- наказание должно касаться только самого правонарушителя;
- наказание не должно причинять ненужные страдания;
- санкции не должны влечь за собой их неконтролируемое накопление;
- система наказаний должна быть экономичной с точки зрения общества.

Данные принципы, разумеется, могут служить лишь целями и не могут быть реализованы в одночасье. Если проанализировать тюремное заключение в его нынешнем виде, то мы увидим, что оно далеко не во всем отвечает этим требованиям. Долгие сроки заключения с полным правом могут быть названы “жестокими”, а многие наказания в виде лишения свободы ощутимым образом влияют не только на правонарушителя, но и на других людей. Существует много негативных черт, связанных с организацией тюремной системы. Нам определенно необходимо попытаться разработать систему наказаний, при которой тюремное заключение использовалось бы реже, чем в настоящее время.

В последние годы состоялся целый ряд встреч, посвященных теме альтернатив тюремному заключению, в ходе которых было сделано множество предложений. Согласно многим из них, следует в гораздо большей степени использовать “старые” типы наказаний, не связанные с лишением свободы, например, условные сроки и probation. Несомненно, они менее репрессивны, чем тюремное заключение, и, таким образом, являются шагом в правильном направлении.

Несколько лет назад в скандинавских странах велась оживленная дискуссия об устройстве системы probation и условно-досрочного освобождения (parole). Вывод, который был сделан в ходе обсуждения, заключается в том, что в данном случае принуждение и обслуживание должны быть отделены друг от друга. Принуждение, другими словами

репрессивный контроль, очевидно, присутствует в случае условно-досрочного освобождения, поскольку освобожденный обязан находиться в контакте с соответствующим инспектором; невыполнение этого требования может привести к возвращению в тюрьму. Тот факт, что инспектор обычно пытается помочь освобожденному условно-досрочно и оказывает ему психологическую и материальную поддержку, не устраняет репрессивного характера данной санкции. Следовательно, обязательный надзор необходимо рассматривать в правильном свете: это после-наказание (after-punishment) независимо от того, какого рода забота и помощь оказываются. Нам следует обдумать даже возможность размещения элементов принуждения и обслуживания таким образом, чтобы этим занимались разные должностные лица, и, возможно, выдвинуть требование о том, что любой запрос о помощи должен всегда исходить от самого бывшего заключенного.

Попытки разделить элементы принуждения и обслуживания привели некоторых аналитиков к рассмотрению новых типов наказаний, не связанных с лишением свободы. Одна из возможностей – это возврат к символическим и предостерегающим наказаниям. Авторитетного и официального *предупреждения*, вынесенного прокурором или судьей, может быть достаточно в случае незначительного правонарушения, особенно для тех, кто совершил его в первый раз. Другой санкцией, которая могла бы применяться в качестве альтернативы тюремному заключению в случае самых разных правонарушений, является так называемый *штрафной надзор*, предполагающий периодический отчет перед полицией в течение нескольких месяцев. Очевидно, что обе эти санкции имеют репрессивный характер и не связаны с каким-либо лечением. Однако они, разумеется, *менее репрессивны*, чем тюремное заключение.

Санкцией, которая по характеру своему репрессивна, но вместе с тем значительно менее сурова, чем лишение свободы, являются, конечно, *штрафы*. Применение штрафов

переживает в настоящее время определенный ренессанс в скандинавских странах. В Швеции и Финляндии штрафы применяются в соответствии с так называемой системой штрафодней, лучше отвечающей требованиям обеспечения равенства, нежели штрафы, установленные в определенных суммах и, таким образом, ставящие более состоятельных людей в более выигрышное положение. Несмотря на очевидно репрессивный характер штрафов, они, несомненно, не вызывают отторжения с точки зрения общего чувства справедливости, особенно если выплата штрафа может быть отсрочена, когда это необходимо, или осуществляться по частям (и то, и другое возможно, по крайней мере, в скандинавских странах).

Некоторые предложения, касающиеся альтернатив тюремному заключению, направлены в другую сторону. Одно из таких предложений заключается в замене лишения свободы на *административные меры*, например, повышение налога или отзыв (аннулирование) водительской лицензии. Применение такого рода мер можно поддержать в качестве способа рационализации процесса уголовного правосудия; в конце концов эта система используется во многих странах в форме, например, парковочных штрафов (билетов). Однако рассматривая систему в целом, нам следует остерегаться страусового закапывания головы в песок – представления о том, что использование нового названия позволит нам избавиться от репрессивных черт системы. Стоит отметить, например, что, согласно некоторым исследованиям, водители, лишённые прав за езду в пьяном виде, считают это более суровой санкцией по сравнению с краткосрочным тюремным заключением. Присвоение санкции приятного имени не делает ее приятнее. Напротив, это может скрыть ее истинный характер, и ситуация может стать более сложной с точки зрения как правонарушителя, так и общественности. Изменение системы таким путем не позволит нам продвинуться в том направлении, в каком мы хотели бы идти.

3. Возможна ли замена формального контроля другими видами контроля?

Выше я рассматривала возможность замены тюремного заключения менее репрессивными санкциями, либо новыми, либо по-новому адаптированными. Однако в наших планах на будущее должны ли мы ограничивать себя столь узкими рамками? Почему бы не подумать о возможности замены формального контроля другими видами контроля?

Идея, согласно которой следует обратиться к неформальному контролю вместо формального или в дополнение к нему, довольно часто присутствовала в рамках недавних дискуссий, неважно, что было при этом их предметом – первобытные племена, воспитание детей, дисциплина на работе или контроль по отношению к членам религиозного движения. Отчасти ситуация рассматривалась только как пережиток прошлого, и отмечалось, что не может быть возврата к старому деревенскому обществу.

Некоторые авторы, тем не менее, формулировали конкретные предложения, касающиеся перехода от уровня формального контроля к уровню неформального. В частности, утверждалось, что правонарушитель и жертва должны иметь возможность непосредственного контакта друг с другом и властям не следует вмешиваться в рассматриваемый случай. Идея заключалась в том, чтобы ослабить бюрократию и вернуть конфликт на индивидуальный уровень, где он и возник. Можно было бы также изменить существующую систему контроля, увеличив число правонарушений, за которые может быть предъявлено обвинение только в том случае, если таково желание жертвы, и усилив роль компенсации за нанесенный вред и желания выплачивать такую компенсацию. Функцией суда в таком случае было бы в большей степени не наказание, а посредничество. Однако это возможно только в отношении определенных категорий правонарушений. Например, непосредственный контакт между правонарушителем и жертвой возможен только то-

гда, когда у преступления есть определяемая конкретная жертва; в конечном счете нет никого, кто мог бы встретиться с правонарушителем в качестве жертвы в случае, скажем, неосторожной езды, преступлений, связанных с обращением валюты или наркотиками! В любом случае большинство криминализаций, входящих в состав современных уголовных кодексов, осталось бы за пределами данной системы.

Некоторые планы по реформированию существующей системы наказаний основываются на взглядах, согласно которым контроль должен быть *децентрализован*. В этих планах правонарушение, очевидно, не рассматривается как дело исключительно самого правонарушителя и жертвы. Некоторые центрально- и восточноевропейские страны экспериментировали с большим числом “товарищеских судов” (“peer courts”), например, на предприятиях. Незначительные правонарушения, совершенные в этих кругах, рассматриваются за рамками общей системы уголовного правосудия, хотя и “официальным” образом. Страны, применяющие эту практику, сообщают о позитивных результатах. Случаи правонарушений рассматриваются в контексте повседневного окружения, в котором они и произошли, и скорость процедуры, а также суровость санкций наглядны для окружающих. Эффективность данного процесса повышается наделением соседей или товарищей по работе обязанностью наблюдения за правонарушителем в будущем. Однако очевидно, что “товарищеские суды” требуют, как минимум, существования сильной идеологической системы, а также общих ценностей. Форму контроля, вполне успешную в одной стране, нельзя как таковую перенести в другую; для введения новой системы необходимы соответствующие изменения в культуре. Эти меры более уместны, например, в Китае, где – по крайней мере, по мнению представителей других стран – система уголовного контроля в очень большой степени основывается на неформальном и полужформальном контроле со стороны непосредственного окружения.

Говоря о контроле без репрессивности, не следует забывать о значении общего уровня толерантности. Репрессивность не нужна, если действие уже не считается заслуживающим наказания. Оживленная дискуссия последних нескольких лет, посвященная возможности декриминализации, основывалась, в частности, на представлении о том, что уголовные кодексы содержат излишнее число наказуемых деяний. К сожалению, даже осуществляя декриминализацию, мы вскоре “упираемся в стену”. Главной темой дискуссий о декриминализации были так называемые моральные правонарушения, которые, согласно статистике многих стран, уже достаточно редки. Стоит отметить также, что иногда декриминализация приводила к ситуациям, когда репрессивный характер системы не устранялся. Вместо этого возможность применения репрессивных мер передавалась от системы уголовного правосудия в руки органов социального обеспечения, что в свою очередь вело к меньшей правовой защищенности.

Представляется также, что будущее сулит больше новых случаев криминализации, а не декриминализации наряду с усилением формального контроля во многих странах и ростом сложности различных видов деятельности и связанных с ними норм. Таким образом, очевидно, что необходимо продолжать предпринимать попытки декриминализации для того, чтобы обеспечивать соответствующий баланс. Однако этого недостаточно для решения тех проблем, которые мы сейчас обсуждаем.

Возможно, наиболее захватывающей является идея замены репрессивных санкций *позитивными*. Другими словами, люди могли бы жить, ожидая вознаграждения за то, что являются законопослушными гражданами, вместо того, чтобы испытывать страх наказания, ожидающего правонарушителей, как это имеет место сейчас. Можно ли представить себе ситуацию, когда наказания уже не нужны? В такой радикальной формулировке это, на мой взгляд, по-прежнему утопия. Однако это не означает, что нам не сле-

дует думать об изменении нынешнего баланса между позитивными и негативными санкциями. Необходимо признать, что мы с пеленок привыкаем мыслить почти исключительно в терминах негативных, а не позитивных санкций. Вознаграждение законопослушных граждан никоим образом не является чем-то распространенным, за исключением случаев поощрения честного человека за возвращение потерянной собственности и уменьшения страхового взноса осторожного водителя за безаварийную езду. Система вознаграждений будет, несомненно, “контролем без репрессивности” – до тех пор, пока эти выгоды не станут столь ощутимыми, что те, кто останутся без них, сочтут, что они подвергаются репрессиям!

4. Заключение

Я постаралась исследовать заявленную тему с широкой точки зрения, но даже в этом случае я была вынуждена ограничиться рассмотрением *системы контроля и ее возможных эффектов*. По этой причине я хотела бы закончить свою статью замечанием о том, что данная система является лишь частью реальности, и эти ограничения в известном смысле искусственны. Наша цель, естественно, состоит в уменьшении или в регулировании преступности. Рассматривая цели и средства, мы должны осознавать пределы наших возможностей. Не следует ожидать, что наша уголовная система породит чудо в сфере контроля над преступностью. Необходимо понимать, что никакая система уголовного контроля, которая сосредоточивается на индивидуальном правонарушителе, не оказывает заметного воздействия на общую ситуацию с преступностью в данной стране. Другие социальные силы определяют размеры и структуру преступности. Система уголовного контроля играет лишь скромную роль.

К РЕАЛИСТИЧНЫМ ЦЕЛЯМ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ*

Успешны ли правительства скандинавских стран в их попытках контролировать преступность? Ответ на этот вопрос зависит от нашего определения успеха.

В сущности можно утверждать, что сама природа механизмов контроля над преступностью никогда не позволит говорить о достижении подлинного успеха. Профессионалы в области здравоохранения способны остановить эпидемию. Влияние демографической политики можно оценить, обратившись к статистике. Удел министра, ответственного за вопросы преступности и юстиции, гораздо более неблагоприятен.

Давайте предположим, что главным элементом любой оценки политики по контролю над преступностью будет соотношение между ущербом и другими социальными затратами, вызванными преступностью, с одной стороны, и социальными затратами на меры социального контроля, с другой. Однако любой подсчет социальных затрат предполагает субъективные суждения, неизбежно непостоянные, подверженные изменениям с течением времени. Если поразмыслить над тем, что может означать соотнесение таких неопределенных понятий, станет очевидно, что мы никогда не придем к согласию о том, что составляет настоящий успех. По крайней мере, такой консенсус недостижим в современных плюралистических обществах.

* Törnudd, Patrik. *Setting Realistic Policy Goals* // Törnudd, Patrik. *Facts, Values and Visions: Essays in Criminology and Crime Policy*. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1996. P. 163-180. Перевод и публикация с разрешения автора. Перевод впервые был опубликован в Журнале зарубежного законодательства и сравнительного правоведения (2011. №5. С.85-92).

Итак, мы никогда не дождемся того дня, когда граждане довольно скажут, что мы по-настоящему успешны в нашей политике по контролю над преступностью; преступность сдерживается посредством разумных и справедливых мер контроля, поэтому вряд ли вообще можно говорить о существовании какой-либо проблемы преступности. Никогда.

С другой стороны, провалы политики установить гораздо легче. Даже криминологи, относящиеся к различным школам, легко могут прийти к согласию о том, что является провалами и каковы их типичные причины. Приведем несколько примеров. Любая политика по контролю над преступностью, приоритеты которой могут изменяться вследствие отдельных сенсационных преступлений или сообщений СМИ о преступности, быстро утратит свою направленность. Другой способ получить сбивчивую и зависящую от случайностей политику заключается в том, чтобы политизировать все вопросы. Третий сценарий провала основан на эффектной выразительности, когда принятие надлежащей общей позиции по отношению к вопросам преступности и контроля над нею считается неким универсальным лекарством.

Не далее как несколько десятилетий назад так называемые “объяснения на основании одного фактора” были весьма популярны в европейских дискуссиях о проблемах преступности. Дефекты наследственности, дезинтеграция семьи или дурное влияние фильмов провозглашались Причиной преступности вообще или некой насущной проблемы преступности в частности. В настоящее время такого рода объяснения менее распространены в криминологии, но при обсуждении политики часто можно услышать рекомендации всегда придерживаться какого-либо определенного подхода независимо от типа преступности или правонарушителей.

Показатели успеха

При том условии, что общая оценка национальной политики по контролю над преступностью вряд ли может быть наделена каким-либо смыслом, всегда можно обсудить ее достижения с точки зрения определенного набора конкретных целей.

Каковы цели нашей политики по контролю над преступностью? С аналитической точки зрения полезно рассмотреть в качестве такой цели (в любом обществе) минимизацию и справедливое распределение а) общей суммы социальных затрат, вызываемых преступностью, б) общей суммы социальных затрат по контролю над преступностью.

Эта формула напоминает нам о фундаментальной истине, согласно которой ни одно правительство не будет пытаться минимизировать преступность “любой ценой”. Для определения этой цены необходимы надежные индикаторы социальных затрат, вызываемых как преступностью, так и контролем над нею.

Традиционным показателем положения дел с преступностью является число преступлений, о которых сообщается в органы внутренних дел. Поскольку о большей части преступлений никогда не заявляется, это не очень хороший индикатор. Преступления определяются и подсчитываются по-разному в разное время и в различных правовых системах. Официальная статистика преступности должна, поэтому, дополняться данными из других источников. В начале 1980-х гг. небольшая группа экспертов, изучив вопрос о международном мониторинге ситуации с преступностью, рекомендовала опрашивать жителей различных стран – на основе репрезентативных выборочных совокупностей и посредством стандартизированного вопросника – об их опыте виктимизации. Такие обследования были проведены в 15 европейских странах, а также в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Японии.

В таблице 1 представлены некоторые результаты этого проекта, касающиеся риска стать жертвой преступления для граждан и домохозяйств в Норвегии, Финляндии и Швеции¹.

Табл. 1. Уровень виктимизации (процент населения в возрасте 16 и более лет, ставший жертвой данного вида преступности один или более раз в течение года).

	Норвегия	Финляндия	Швеция	Европа	Всего
Кража автомобиля	1.1	0.6	1.7	1.2	1.4
Кража имущества из автомобиля	2.8	2.8	3.9	5.0	5.3
Вандализм по отношению к автомобилям	4.6	4.8	4.5	6.0	6.4
Кража мотоцикла или мопеда	0.3	0.1	0.6	0.6	0.6
Кража велосипеда	2.8	4.0	7.0	3.3	3.5
Кража со взломом	0.8	0.6	1.4	1.9	2.2
Покушение на кражу со взломом	0.4	0.5	0.8	1.6	2.0
Грабеж	0.5	0.9	0.3	1.0	1.0
Другие виды кражи	3.2	3.8	4.2	4.2	4.3
Карманная кража	0.5	1.5	1.1	2.1	1.8
Инциденты сексуального характера (только по отношению к женщинам)	2.3	2.1	1.0	2.0	2.4
Насильственные действия сексуального характера (только по отношению к женщинам)	0.6	0.5	0.8	0.9	1.1
Угроза физическим насилием	3.0	3.5	2.7	2.6	3.0
Насилие	1.6	1.7	1.4	1.4	1.6

¹ van Dijk, J., Mayhew, P. Criminal victimization in the industrialized world: key findings of the 1989 and 1992 International Crime Surveys. The Hague: Ministry of Justice, Department of Crime Prevention, 1992.

Только в 4 из 14 видов преступности какая-либо из трех скандинавских стран превысила среднеевропейский уровень виктимизации. Шведы достаточно часто становились жертвами кражи автомобиля или велосипеда. Что касается всех категорий насильственных преступлений – довольно проблематичный показатель, поскольку оценки того, что составляет насилие, зависят от культуры, – все скандинавские страны находятся ниже среднеевропейского уровня. Если учитывать только эпизоды реального физического насилия, то средний европейский уровень превышен в Финляндии и Норвегии, но не в Швеции.

Финские криминологи привыкли к сравнениям с их западным соседом (Швецией), и часто можно услышать следующее: «да, у нас в Финляндии всегда было много убийств, но если говорить о преступлениях против собственности, то Финляндия в целом – страна с низким уровнем преступности». Приведенная таблица дает более дифференцированную картину виктимизации, связанной с преступлениями против собственности. Карманные кражи, кражи вещей из автомобилей и вандализм по отношению к автомобилям реже встречаются как в Швеции, так и в Финляндии по сравнению с другими европейскими странами, в которых проводилось это обследование. Высокий уровень виктимизации, связанной с кражами автомобилей и особенно велосипедов, в Швеции объясняется, по всей видимости, количеством возможностей для совершения преступлений. Обследование показывает, что число велосипедных краж в стране можно с поразительной степенью точности оценить на основании числа велосипедов.

Здесь необходимо сделать обычную в таких случаях оговорку: использование данных о виктимизации в качестве точных индикаторов ситуации с преступностью так же ошибочно, как и использование в этом качестве статистических данных. Методология обследования жертв связана с рядом проблем и ограничений. Ограниченность многих обследований жертв заключается прежде всего в том, что они со-

средоточиваются на индивидах или домохозяйствах. Преступления без жертв или правонарушения, направленные против предприятий или других коллективных организаций, не попадают в данные большинства обследований. Определенные сегменты населения и определенные категории преступлений не могут быть охвачены при такой методологии. Для мониторинга убийств, преступлений, связанных с наркотиками, или экономических преступлений необходим совершенно другой набор “измерительных инструментов”.

Тем не менее, индивидуальный риск оказаться жертвой нападения, кражи или какого-либо другого подобного преступления является главным элементом нашего восприятия серьезности ситуации с преступностью в определенное время или в определенной местности. В этом заключается одна из причин, объясняющая, почему национальные системы мониторинга ситуации с преступностью не могут обойтись без данных о виктимизации. Такая информация еще более необходима в международных исследованиях уровней преступности – в различных социальных условиях и при различающейся политике по контролю над преступностью. Ожидается, что подобный анализ прольет свет на фундаментальный вопрос: почему уровни преступности выше в одних странах и ниже в других?

Один из ответов на этот вопрос – с точки зрения политики, возможно, по-настоящему интересный только в случае с небольшими странами и культурами – может быть получен при рассмотрении национальных данных о пространственном и временном распределении преступности. В небольших сообществах, где все знают друг друга, преступность – редкое явление. Напротив, большие города, высокий уровень мобильности, внезапные экономические или социальные сдвиги – все это сопряжено с высокими уровнями преступности.

В данном случае мы имеем дело с двумя одновременными тенденциями. С одной стороны, экономическое и техническое развитие умножает и умножает физические возмож-

ности совершения преступления. В то же время механизмы социального контроля, используемые для сдерживания правонарушений в небольших сообществах, стали гораздо слабее вследствие возросшей анонимности, более высокого уровня мобильности и разрушения прежних социальных структур.

Кроме того, в рамках каждого типа преступности и каждой культуры действуют свои особые факторы. Вариации в уровнях насилия связаны, как представляется, с определенными глубоко укоренившимися культурными чертами, с одной стороны, и такими более изменчивыми показателями, как уровень и тип потребления алкоголя, с другой. Внезапные социальные изменения – страны Восточной Европы являются примером в настоящее время – могут породить фазы временно возросшей криминальности.

Криминологи, безусловно, не могут объяснить все наблюдаемые тенденции преступности или различия в ее уровнях. Но в той степени, в какой мы обладаем предварительными ответами, они, похоже, подтверждают очерченный выше взгляд, согласно которому рост возможностей совершения преступлений и одновременный распад прежних механизмов неформального социального контроля объясняют значительную часть вариаций уровня преступности в индустриализованных странах¹.

¹ Традиционные попытки связать преступность с бедностью, голодом и другими социальными факторами основываются на недавнем прошлом индустриализованных стран. Неудивительно, поэтому, что взгляд, согласно которому богатство также порождает преступность, появился относительно поздно – в скандинавских странах в 1960-е и 1970-е гг. (См., например: Anttila, I., Törnudd, P. *Kriminologi i kriminalpolitiskt perspektiv: en lärobok*. Stockholm: Norstedt, 1973; Törnudd, P. *Crime trends in Finland*. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1978; von Hofer, H. *Brott och straff i Sverige. Historisk kriminalstatistik 1750-1984. Skriftserie utgiven av statistiska centralbyrån. Nummer 18*. Stockholm, 1985). Ван Дейк представил детальный анализ этой взаимосвязи (van Dijk, J. *Opportunities for crime: a test of the rational-interactionist model*. Paper prepared for the Eleventh Criminological Colloquium of the Council of Europe, Strasbourg 28-30 November 1994. Strasbourg, 1994).

Этот взгляд важен, так как он прямо противоречит столь популярному среди представителей СМИ тезису о том, что уровень преступности в обществе связан прежде всего с обеспеченностью ресурсами и решительностью официальных структур и политиков, ответственных за вопросы преступности и юстиции. Этот тезис просто не верен. Это миф.

Разумеется, решения, принимаемые теми, кто формирует политику, ни в коем случае не являются ничего не значащими. Посредством перераспределения ресурсов можно достичь умеренного сокращения некоторых видов преступности – по крайней мере, в течение ограниченного периода времени или на какой-то ограниченной территории. Если рассматривать политику в отношении преступности в целом, то непосредственные последствия непродуманных решений обычно проявляются в росте социальных затрат на контроль над преступностью. Остановимся на этих затратах.

Измерение социальных затрат по контролю над преступностью

Контроль над преступностью стоит дорого. Даже если рассматривать только бюджетные расходы на полицию, прокуратуру, суды и исправительные учреждения, то они обычно составляют более одного процента валового национального продукта в индустриализованных странах. К этому необходимо добавить стоимость мер по предупреждению преступности, предпринимаемых как индивидами, так и коллективами, и, конечно, все прямые и косвенные социальные затраты, связанные с принятием репрессивных мер.

Представление о том, что вред и страдания, причиняемые правонарушителям, также необходимо включать в этот счет, подчас оспаривается теми, кто утверждает, что значительное число людей, доставляющих беспокойство, следует держать под замком, и чем больше, тем лучше.

С другой стороны, те, кто считает, что величина страданий, причиняемых правонарушителям, – это один из показателей качества жизни в обществе, обычно приводят два аргумента, обосновывая свою обеспокоенность слишком высокой долей заключенных в составе населения.

Если предположить, что в любой системе уголовного правосудия должен присутствовать минимум карательных действий, то рациональность требует, чтобы с наказаниями, превышающими этот необходимый минимум, были связаны какие-либо очевидные выгоды. Что происходит, например, когда число заключенных увеличивается на 10% вследствие внезапного роста числа приговоров к лишению свободы или продолжительности тюремных сроков? Если основываться на том, что мы знаем сегодня о влиянии наказаний, то вряд ли можно ожидать значительного снижения среднего уровня преступности. Существует очень небольшое число видов преступности, чувствительных к росту угрозы наказаний, но даже при рассмотрении только этих специфических видов очень немногие эксперты пообещают несомненный и постоянный эффект сокращения преступности. Напротив, непосредственные и долговременные издержки, связанные с таким ростом числа заключенных, могут быть оценены с гораздо большей достоверностью. Аномально высокая доля заключенных в составе населения – это также бремя для значительного числа семей заключенных, социальных служб и национального имиджа.

Когда вопросы преступности и контроля над нею рассматриваются на международных конференциях и обсуждаются участниками международных научных дискуссий, вполне привычными уже являются ссылки на долю заключенных в составе населения как на показатель того, насколько успешно страна справляется со своими проблемами преступности¹. Конечно, заключенных можно считать

¹ Наблюдения Нильса Кристи по поводу доли заключенных в составе населения скандинавских и других стран вдохновили инициаторов реформ в Финляндии и стали отправной точкой международной научной

по-разному. Можно использовать в качестве показателя число людей, отправляемых в тюрьмы каждый год, или число людей, находящихся в заключении в определенный день. Различные проблемы измерения осложняют все сравнения такого рода, например, некоторые страны помещают правонарушителей в учреждения, которые не называются тюрьмами.

Оставляя в стороне все эти проблемы, попробуем взглянуть на ситуацию в скандинавских странах в свете европейской статистики. Доля заключенных в составе населения обычно выражается как число заключенных на 100 тысяч жителей. Возможно, будет проще представить эту долю, сократив масштаб до численности населения небольшого города в 10 тысяч человек. В Западной Европе статистическая норма будет заключаться в том, что в любой данный момент времени 7 или 8 жителей этого города будут находиться в тюрьме. В США соответствующее число будет в четыре раза выше¹. Скандинавские страны оказались достаточно успешными в своих попытках контролировать численность тюремного населения: согласно последним статистическим данным, на 10 тысяч жителей в этих странах приходится шесть заключенных.

Значительную часть двадцатого столетия Финляндия была девиантной скандинавской страной. Еще в конце 1970-х гг. доля заключенных в составе населения в Финляндии была в два с половиной раза выше среднего для скандинавских стран уровня. Но мы устали от указаний на ненормальность нашей страны в этом отношении. Для сокращения числа заключенных были предприняты решительные

полемики. См., например: Christie, N. *Crime control as industry: towards Gulags, Western style*. London: Routledge, 1993 (Перевод на русский язык: Кристи, Н. *Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца*. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. – *Прим. переводчика*).

¹ В настоящее время в десять раз выше. См.: http://www.prisonstudies.org/info/worldbrief/wpb_country.php?country=190 (дата обращения: 12 апреля 2012 г.) – *Прим. переводчика*.

меры. Сегодня нам уже не надо стыдиться за нашу численность заключенных. Благодаря комбинации правовых реформ и изменений в практиках определения наказаний доля заключенных в составе населения нормализовалась в Финляндии, и значения этого показателя в настоящее время находятся ниже среднеевропейского уровня¹.

Переопределение целей уголовной политики

Как отмечалось выше, средние показатели риска граждан стать жертвой преступления не очень высоки в скандинавских странах². Представляется также, что по международным меркам скандинавская машина по контролю над преступностью не ложится на общество неоправданным бременем (по крайней мере, если использовать в качестве показателя долю заключенных в составе населения).

Можем ли мы, возвращаясь к тезису о том, что цель политики по контролю над преступностью заключается в минимизации и справедливом распределении социальных затрат, вызываемых преступностью и контролем над ней, сделать вывод, что все хорошо или, по крайней мере, довольно хорошо в скандинавских странах? Как утверждалось выше, одно из правил игры состоит в том, что на этот вопрос почти всегда должен быть получен отрицательный ответ. В данном случае важно уточнить, что обозначается в качестве причин неудовлетворенности.

Было бы слишком просто ответить, что оснований для удовлетворенности не будет до тех пор, пока уровень преступности не начнет устойчиво снижаться. Подобные

¹ Törnudd, P. Fifteen years of decreasing prisoner rates in Finland. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1993 (Перевод данной работы Патрика Торнудда включен в настоящее издание. – Прим. переводчика).

² Международное обследование преступности, данные которого представлены выше, не проводилось в Дании и Исландии. Скандинавские криминологи предполагают, однако, основываясь на статистических данных и других источниках, что уровень виктимизации, характерный для Дании, находится где-то между норвежскими и шведскими показателями.

взгляды основываются на предположении, что общество без преступности возможно. Большинство людей понимает, что такое предположение нереалистично. Более подходящей отправной точкой для критической оценки скандинавской политики по контролю над преступностью будет тезис о том, что о достижениях любой страны следует судить, исходя из ее ресурсов и возможностей. Преступность легче контролировать в небольших странах. Богатые страны предлагают больше возможностей для преступлений, но такие страны могут компенсировать это посредством различных мер и обладают необходимыми ресурсами для разработки и осуществления новых стратегий по контролю над преступностью.

Несмотря на текущий экономический кризис, нельзя отрицать, что скандинавские страны обладают материальными ресурсами, превышающими средний уровень, и эти страны невелики. Они должны лучше справляться со своими проблемами преступности по сравнению, например, с крупными европейскими странами, отягощенными многомиллионными городами или массовой миграцией. В таком случае что мы можем сделать для того, чтобы, во-первых, компенсировать или перераспределить те затраты и вред, которые не могут быть предотвращены, и, во-вторых, разработать новые стратегии контроля над преступностью?

Независимо от того, признается этот факт или нет, все системы по контролю над преступностью занимаются перераспределением социальных затрат, вызываемых преступностью и контролем над ней. В системе уголовного правосудия процесс распределения этих затрат между различными сторонами определяется рядом принципов. В цивилизованных странах учитываются такие общие принципы, согласно которым ни на кого не должно быть возложено неоправданное бремя и при определении чьей-либо доли бремени следует принимать во внимание возможности каждой стороны.

Частью вопроса о распределении затрат можно считать попытки обеспечить немедленное возмещение вреда или каким-либо другим образом улучшить положение жертв преступности. К сожалению, распространено заблуждение, согласно которому помощь жертве всегда или в большинстве случаев означает, что что-то должно быть отнято у преступника. Риторические вопросы о том, на чьей мы стороне, жертв или преступников, обычно являются неуместными, в особенности при рассмотрении необходимости улучшить участь жертвы. Контроль над преступностью – это не игра с нулевой суммой. Идеология движения в защиту жертв, которая заключается в том, что нам следует сопереживать жертве и предоставлять помощь и поддержку нуждающимся в них, не исходит из предположения об ограниченности ресурсов сострадания. Нам не следует что-то у кого-то отнимать для того, чтобы помочь жертве преступления.

Другая очевидная обязанность скандинавских стран с их особыми ресурсами и преимуществами заключается в том, чтобы возглавлять усилия по разработке новых стратегий контроля над преступностью. В течение десятилетий после Второй мировой войны Швеция реализовывала амбициозный проект контроля над преступностью, основанный на той идее, что преступность можно сдерживать, направляя реабилитационные усилия на конкретных правонарушителей. Надо отдать должное Швеции за эти усилия, даже несмотря на распространенное в настоящее время понимание того, что так называемый “подход к лечению правонарушителей” не работает так, как предполагалось, и вряд ли будет работать в будущем.

Обоснование системы контроля над преступностью

В Швеции и других странах, где в стратегии контроля над преступностью, основанные на идее индивидуальной профилактики, вкладывались огромные человеческие ресурсы –

считалось, что такие стратегии представляют собой полную противоположность прежним карательным подходам, являясь более научными и более гуманными, – разочарование в этой философии вызвало состояние значительной неуверенности и неопределенности. Стали раздаваться голоса, призывающие к возврату к идеям, которые доминировали до осуществления “идеологии лечения”.

Не существует причин для такого возврата. В скандинавской правовой традиции есть ряд ключевых элементов, которые могут служить основой для развития современных стратегий контроля над преступностью. В Финляндии, где все уголовное законодательство было пересмотрено и переписано, общепринятой в настоящее время является идея, согласно которой основанием системы уголовного правосудия должна быть скорее общая превенция, нежели устрашение. Эта концепция получила широкую поддержку и в других скандинавских странах.

В скандинавской интерпретации концепции общей превенции подчеркиваются не прямые эффекты действующей должным образом системы уголовного правосудия. Общее устрашение является элементом общей превенции, но не обязательно, чтобы оно было самым важным элементом¹. Важно, чтобы система считалась легитимной и достаточно эффективной. Она должна отвечать определенным минимальным требованиям адекватности криминализаций (определений того, что является преступлением), справедливости процедуры и адекватности и неотвратимости наказания. Такая надлежащим образом работающая система

¹ См.: Anttila, I. Trends in criminal law // van Dijk, J. et al. (eds). Criminal law in action: an overview of current issues in Western societies. Arnhem: Kluwer, 1986. P.37–48; Anttila, I., Törnudd, P. The dynamics of the Finnish Criminal Code reform // Lahti, R., Nuotio, K. (eds). Criminal law theory in transition. Helsinki: Finnish Lawyers' Publishing, 1992. P. 12–14; Cosmo, C.-J., Carlsson, G. (eds). General deterrence. The Swedish National Council for Crime Prevention. Report No.2. Stockholm, 1975. Вдохновляющим началом для скандинавской полемики об общей превенции послужили работы Йоханнеса Анденейса (см., например: Andenaes, J. Punishment and deterrence. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1974).

будет способствовать интернализации и принятию социальных норм, лежащих в основании криминализаций. Именно эти социальные нормы, а не суровость наказаний в конечном счете определяют способность общества сдерживать преступность.

Для того, чтобы граждане воспринимали систему как справедливую и легитимную, она должна соответствовать такому традиционному принципу, как пропорциональность между наказанием и преступлением. Наиболее важное предназначение этого принципа – в свете расширенной интерпретации верховенства права – заключается в том, чтобы установить верхний предел наказания. Наказания, нарушающие принцип пропорциональности посредством превышения этого предела, будут, скорее всего, ослаблять легитимность системы.

Такого рода акцент на минимальных необходимых условиях эффективно действующей системы уголовного правосудия высвечивает статическую сторону концепции общей превенции. Даже несмотря на то, что уровень преступности в обществе определяется главным образом не качествами системы уголовного правосудия, а иными факторами¹, каждое общество должно иметь такую систему. Наказание – это необходимое зло. Однако идея общей превенции в качестве главного аргумента о необходимости системы уголовного правосудия ничего не говорит о динамических аспектах такой превенции, то есть об относительных выгодах от изменений в уровне раскрываемости преступлений, уже-сточения или смягчения наказаний и т.д.

Установление надлежащего уровня наказания всегда вызвало и будет вызывать споры. Позиция конкретного ин-

¹ Комитет по уголовному праву Финляндии, в 1986 году представивший свой план кардинального изменения Уголовного кодекса Финляндии, пришел к выводу, что система уголовного правосудия – это не единственный и даже не главный инструмент контроля общества над поведением людей (См.: Rikosoikeuskomitean mietintö. Komiteamietintö 1976:72. Helsinki, 1977. P.41).

дива по этому вопросу будет зависеть от его или ее идеологии, ценностей и, в частности, от того, что он или она знает о работе системы уголовного правосудия. Профессиональные криминологи хорошо знают, что если речь идет об обычной преступности, то большинству людей свойственно переоценивать действенность ужесточения наказаний. Если вдруг попросить рядового гражданина высказать свое мнение о том, что следует предпринять в отношении какого-либо угрожающего явления, то он или она вряд ли будет рассматривать его в связи с упомянутыми выше социальными факторами, определяющими уровень преступности. Скорее всего, речь пойдет о некоторых очень простых механизмах, таких, например, как увеличение численности полицейских или удлинение тюремных сроков. Ошибочность спонтанных, непосредственных представлений во всех сферах жизни хорошо известна. Характер проблем преступности повышает опасность того, что ими будут заниматься, реагируя на ту или иную конкретную ситуацию, в противоположность альтернативной политике, основанной на долгосрочном планировании. Такое долгосрочное мышление предоставляет больше возможностей для менее драматичных вариантов, в частности, для ситуационной превенции преступности.

Некоторые преимущества ситуационной превенции преступности

Одно из средств контроля за уровнем преступности в обществе заключается в том, чтобы затруднить нарушение закона – сокращая число доступных целей (мишеней) преступления, препятствуя достижению этих целей и используя другие средства для минимизации привлекательных возможностей совершения преступлений. В течение последних десятилетий произошло возрождение этой старой идеи, и в настоящее время она пользуется именно тем вниманием, которое заслуживает.

Я не буду вдаваться в практические детали этого варианта действий, но попытаюсь рассмотреть, что он означает в свете сказанного выше о целях политики по контролю над преступностью.

1. Усовершенствованное городское планирование, затруднение незаконных действий с такими уязвимыми объектами, как дверные замки или системы кредитных карт, и принятие других мер по контролю за возможностями совершения преступлений не всегда обходятся дешево. В некоторых случаях это весьма дорогостоящие меры. Но эти затраты имеют экономический характер, тогда как социальные затраты в результате действий системы уголовного правосудия помимо расходов в долларах, евро и центах имеют также очень серьезное измерение в человеческих страданиях и лишениях. Универсальных рецептов решения проблем преступности не существует, и ситуационная превенция преступлений не отвечает на все вопросы. Но – и это очень важно – провалы в этой области менее фатальны, нежели провалы там, где одним из их аспектов является ненужное страдание людей. Система уголовного правосудия испытала множество таких провалов.

2. Политика по контролю над преступностью, которая делает ставку на ситуационную превенцию и другие подобные меры, нацеленные на контроль за возможностями совершения преступлений, имеет также то преимущество, что она предлагает эффективные способы справедливого распределения социальных затрат, вызываемых преступностью. Во внимание в данном случае можно принять ответственность потенциальных жертв, обеспечивших новые возможности совершения преступления, а также способность каждой участвующей стороны принять на себя приемлемую долю общего бремени предотвращения преступности¹.

¹ Этот аспект вопроса о распределении социальных затрат подчеркивал Раймо Лаhti. См.: Lahti, R. Rikollisuudesta johtuvien kustannusten vähentämisestä ja jakamisesta. Oikeustiede, 1972:1. Vammala, 1972.

Контроль над преступностью на низовом уровне

Большая часть наблюдений, представленных здесь, касается вопросов на несколько абстрактном, национальном уровне. Необходимо дополнить их словами, прямо адресованными тем, кто в своей повседневной жизни имеет дело с правонарушениями и правонарушителями.

Суть моего послания заключается в призыве не сдаваться. Если то, что я написал об ограниченном влиянии решений, принимаемых на национальном уровне, на масштабы преступности, верно, тогда существует еще меньше оснований возлагать на отдельных должностных лиц или граждан ответственность за тот факт, что мы воспринимаем и будем воспринимать проблему преступности как серьезную. Однако общие этические принципы требуют, чтобы каждый из нас делал то, что он или она может делать в пределах нашей компетенции. Именно здесь можно достичь настоящих побед.

Все большее число стран начинает обращать внимание на возможности, предлагаемые превентивными действиями по отношению к преступности на местном уровне. Крупные, иерархически выстроенные организации склонны отдавать предпочтение жестким и единообразным решениям, тогда как непосредственные контакты с проблемами способствуют адаптации к местным обстоятельствам и постоянно происходящим изменениям¹.

Предостережения против показных “войн с преступностью” и других подобных экспрессивных и эффектных действий, к которым склонны так много политиков, не следует рассматривать как пораженчество. Опираясь на более реа-

¹ Перспективы более эффективного контроля над преступностью в Финляндии посредством действий на местном уровне анализировал Ханну Такала. См.: Takala, H. Kaupunkirikollisuuden selittämisestä ja kunnallisen kriminaalipolitiikan mahdollisuuksista (On explaining urban crime and the potential for municipal criminal policy). Oikeuspoliittisen tutkimuslaitoksen julkaisuja 35. Helsinki, 1979.

листичное понимание того, что действительно возможно, и рассматривая политику по контролю над преступностью с точки зрения постепенных улучшений, осуществляемых посредством сотен и тысяч небольших шагов, можно будет сформулировать реально достижимые цели. Переопределение критериев успеха улучшит также моральное состояние тех, кто так или иначе вовлечен в усилия общества по контролю над преступностью.

“Решение” проблемы преступности никогда не будет найдено, но существует множество способов использовать доступные ресурсы более рациональным и цивилизованным образом с целью предотвращения преступлений и ограничения социальных затрат, вызываемых контролем над преступностью.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА*

Дискуссия по криминологическому вопросу на сессии конференции может оказаться непростым делом по ряду причин. Например, под рукой может не быть необходимых данных о предмете. Или все важное по этому вопросу много раз уже было сказано ранее, в этом случае невозможно найти какой-то новый аспект. Очевидно, что вопрос о смертной казни – из последней категории. Этот тип наказания «всегда был и остается с нами». Обсуждение его обоснованности, последствий и эффективности не прекращается на протяжении годов, десятилетий и даже столетий.

И это неудивительно. Смертная казнь является наиболее суровой, драматичной и травматической формой наказания. Очевидно, она будет оставаться предметом дискуссий до тех пор, пока ее не перестанут использовать.

Со своей стороны я должна начать с того, что в течение долгого времени смертная казнь не является в моей стране или в соседних скандинавских странах вопросом “внутренней политики”. В Финляндии смертная казнь не применяется в мирное время на протяжении уже 160 лет¹. В других скандинавских странах ее использование в мирное время было отменено очень давно. Ничто в последние десятилетия не указывало на возможность возврата к применению смертной казни, данный вопрос даже не обсуждался. Мы

* Anttila, Inkeri. The Death Penalty: Criminological Perspectives // Travaux de la Conférence Internationale tenue à l'Institut Supérieur Internationale de Sciences Criminelles, Syracuse-Italie, 17 au 22 mai 1987. Revue Internationale de Droit Pénal. Vol. 58. 1987. 3e et 4e trimestres. P. 639-648. Перевод и публикация с разрешения автора.

¹ Об истории смертной казни в Финляндии см.: Forsman, J. Straffrättens allmänna läror (The General Part of the Criminal Law). Helsingfors, 1893. P. 250-251.

привыкли к системе, в которой нет этого типа наказания. В рамках публичных дискуссий затрагивалась лишь ситуация за рубежом, в частности, предпринимались попытки задействовать международные ассоциации для того, чтобы способствовать отмене смертной казни в других странах.

1. Криминологические взгляды

Рассмотрение криминологических взглядов в отношении смертной казни необходимо начать с обсуждения этических вопросов. Конечно, последние могут обсуждаться с точки зрения системы санкций в целом. Примером является следующий вопрос: если конфликты в обществе не должны разрешаться карательными мерами, то может ли быть оправданным любое наказание? Однако этическая точка зрения особенно важна при рассмотрении роли смертной казни. Если считается, что лишение жизни другого человека в качестве наказания никогда не может быть оправданно – по религиозным, этическим или конституционным соображениям, то криминологическая точка зрения оказывается в сущности неприменимой.

Данный факт неоднократно отмечался в дискуссиях о смертной казни. В простейшем виде это может быть выражено следующим образом. Когда принимается решение о введении или, напротив, отмене смертной казни, наиболее значимыми являются не криминологические, а именно этические соображения. Смертная казнь либо принимается, либо не принимается. Она либо справедлива, либо несправедлива. Другие точки зрения (не с позиций этики) чаще всего используются в качестве аргументов в защиту какой-либо позиции, которая формируется на ином основании¹.

Принятие решений по главным вопросам уголовной политики часто бывает иррациональным и обусловленным эмо-

¹ См., например: Sellin, T. Capital Punishment // Crime Prevention and Criminal Justice Newsletter. Special combined issue on capital punishment. United Nations. Number 12 and 13. November 1986. P. 8-9.

циями. На индивидуальном уровне значимыми являются личные характеристики и установки тех, кто принимает эти решения: испытываемые ими фрустрации, ощущения небезопасности, их агрессивность, убежденность в эффективности суровых мер, страх перед изменениями. Возможно, в еще большей степени такие решения отражают культурные особенности, положение и права индивидов в обществе и такую простую вещь, как весомость старых традиций. Один из важных аргументов в пользу сохранения смертной казни состоит всего-навсего в том, что люди ее применяют.

Традиции весьма существенны в области уголовной политики. Никто не любит изменять законы и систему санкций. Изменения обычно требуют длительной подготовки. Поправки в направлении смягчения законодательства возможны, как правило, только тогда, когда они осуществляются постепенно, в несколько стадий. Часто уголовный кодекс становится мягче сначала де факто и только затем де юре.

Показательным примером является история смертной казни в Финляндии. Более двухсот лет назад, когда Финляндия была частью Королевства Швеции, действовал уголовный кодекс 1734 года, предусматривавший смертную казнь за 68 преступлений. В 1779 г. в кодекс были внесены поправки, сократившие число преступлений, за которые назначалась смертная казнь, до 50. Когда Финляндия стала Великим княжеством в составе Российской империи, в силе остались законы периода шведского правления. При разработке ныне действующего уголовного кодекса 1889 г. число сторонников и противников смертной казни оказалось почти равным. В конечном счете смертная казнь осталась в уголовном кодексе, но лишь за несколько преступлений. Только в 1949 г. в статьи о смертной казни были внесены поправки, предусматривавшие запрет на ее использование в мирное время. В 1972 г. она была полностью отменена.

Такое развитие законодательства сопровождалось параллельной длительной тенденцией к смягчению практик

наказания. Драматичный сдвиг в этом направлении произошел в Финляндии в 1826 г., когда русский царь Николай I заявил, что отныне он будет прощать всех преступников, приговоренных к смерти (за исключением тех, кто был осужден за серьезные политические преступления). В результате с 1826 г. смертная казнь в мирное время в Финляндии не применялась.

Развитие законодательства и правовой практики, описанные выше, могут произвести впечатление довольно медленного процесса. Однако его последовательность и целенаправленность, которые были нарушены только двумя военными периодами, обеспечили стабильность, исключавшую возможность каких-либо внезапных изменений в том или ином направлении.

2. Смертная казнь как инструмент уголовной политики

Если мы исходим из взгляда, согласно которому смертная казнь исключается не только на основании одних лишь этических соображений, то мы можем рассмотреть ее цели с точки зрения уголовной политики – точно так же, как мы изучаем эти цели в отношении других форм наказания. Мы можем исследовать, таким образом, эффекты общей профилактики (по отношению к обществу в целом) и частной профилактики (по отношению к самому преступнику), которые может иметь смертная казнь.

Особое внимание при таком анализе следует уделить принципу соотношения затрат и выгод (cost/benefit principle). Как всегда, рассматривая какую-либо меру в рамках уголовной политики, необходимо определять затраты и выгоды при различных альтернативных вариантах. В принципе нам следует стремиться к достижению достаточного уровня контроля над преступностью с наименьшими материальными и нематериальными затратами. Если мягких мер достаточно для поддержания социального мира, то более суровые меры использоваться не должны.

В случае со смертной казнью этот принцип немедленно ставит перед нами вопросы о том, возможны ли альтернативные наказания и достаточны ли они для достижения поставленных целей. Если мы отвергаем смертную казнь по этическим соображениям или по соображениям уголовной политики, то мы естественно будем использовать вместо нее какие-то другие суровые санкции. Следовательно, нам необходимо сравнить *смертную казнь с альтернативными наказаниями*, за исключением ситуаций, когда никакое другое наказание вместо смертной казни не будет применяться вообще. Нам следует задаться вопросом, обеспечат ли какие-либо альтернативные наказания достижение тех целей, которые мы связываем со смертной казнью.

Мы предполагаем, что эффект *общей превенции* какого-либо наказания реализуется посредством трех различных компонентов. Наиболее традиционный взгляд связывает эффект общей превенции исключительно или преимущественно с *суровостью* наказания. В настоящее время наряду с этим компонентом мы считаем важным фактором *неотвратимость* (certainty) наказания или, точнее, собственное восприятие потенциальным правонарушителем риска быть привлеченным к ответственности за преступление. Чем выше, по мнению потенциального правонарушителя, риск задержания, тем вероятнее, что это удержит его или ее от совершения преступления. В дополнение к этим двум компонентам необходимо принять во внимание третью форму общей превенции: значение угрозы наказания для *создания и осуществления общественной морали*. Провозглашая какое-либо действие наказуемым, мы демонстрируем всем членам общества, что это действие неправомерно и что его следует избегать.

На практике значение каждого из этих трех компонентов общей превенции взаимодействует друг с другом. Если ударение ставится на одном из них, нет необходимости акцентировать в той же степени другие. Можно представить себе систему, функционирующую только посредством

устрашающего воздействия очень суровых наказаний. Однако мы можем также представить себе общество, в котором каждый потенциальный правонарушитель знал бы наверняка, что он или она не избежит наказания. В этом случае относительно мягкой негативной санкции – возможно даже предупреждения – было бы достаточно для того, чтобы удержать его или ее от совершения преступления. А если мы когда-либо достигнем такого положения дел, при котором простое обозначение действия в качестве “преступления” будет способствовать тому, что люди сочтут это действие заслуживающим осуждения, тогда ни суровость наказания, ни риск задержания не будут важны. Было бы достаточно включения этого действия в список наказуемых деяний в уголовном законодательстве.

Каким образом эти наблюдения соотносятся с рассмотрением эффекта общей превенции в случае со смертной казнью? Последняя представляет собой самое суровое наказание, и решение включить ее в уголовный кодекс или сохранить ее в нем отражает нашу установку на устрашающий эффект наказания. Если система вынуждена делать ставку на устрашающий эффект, особенно в обстоятельствах, при которых два другие компонента общей превенции не действуют достаточно удовлетворительным образом, то возможны две интерпретации. Во-первых, смертная казнь может считаться необходимой, если риск задержания в целом или в случае с отдельными видами преступлений очень низок. Во-вторых, она может считаться необходимой, если люди в целом не интернализовали нормы уголовного права адекватным образом. Рассмотрим каждый из этих тезисов отдельно.

В течение предыдущих столетий смертная казнь была очень распространенной формой наказания в Европе. Утверждается, например, что в прежние времена власти были вынуждены вводить суровые наказания за обычный грабеж на большой дороге, поскольку задерживалось только очень малое число преступников. Возможно, в некоторых

странах даже в настоящее время суровость и драматичный характер смертной казни компенсируют тот факт, что большая часть тех, кто совершает преступления определенных типов, не наказывается (независимо от того, происходит это из-за недостаточности имеющихся у полиции ресурсов или вследствие причудливости и сложности уголовных процедур, оставляющих преступникам множество “лазеек”). Если это так, то отмена смертной казни стала бы возможной при одновременном повышении риска задержания и неотвратимости наказания. Достичь успеха в этом направлении легче в развитых странах, отличающихся стабильными условиями.

Как относиться тогда к необходимости сохранять смертную казнь для повышения или поддержания уважения к закону? Во многих странах по всему миру, продолжающих использовать смертную казнь, она применяется только за наиболее серьезные преступления. Уже знание о серьезности этих преступлений удерживает большую часть населения от их совершения, независимо от того, предусматривается ли за них законом смертная казнь или какое-либо другое суровое наказание. Оценивая значимость альтернативных санкций, нам необходимо принимать во внимание тот факт, что сегодня длительное тюремное заключение считается очень суровым наказанием. Его “карательная значимость” растет с каждым десятилетием наряду с ростом жизненных стандартов в обществе, увеличением среднего возраста населения и общим улучшением качества жизни.

Иногда считается, что смертная казнь необходима в исключительных ситуациях, связанных если не с гражданской войной, то с серьезными политическими волнениями. Угроза наказания в этом случае может применяться также к действиям, которые большая часть населения вообще не считает “преступлениями”. Опыт показывает, однако, что обращение к слишком суровой реакции просто с целью поддержания климата страха – это мера, действенность которой быстро исчерпывается. Эффект от ужесточения или

использования чрезмерно суровых наказаний обычно является краткосрочным. В долгосрочной перспективе продолжение ужесточения наказаний оказывается невозможным.

Когда-то смертная казнь и, в частности, публичные казни оправдывались тем, что можно назвать их информационной ценностью. Публичные казни являлись по отношению к их зрителям видимой и памятной демонстрацией того, какая судьба ожидает преступника. Я помню, один из историков сделал предположение, что ту же самую информационную функцию выполняют в настоящее время газеты (сообщая нам каждый день о судах по уголовным делам) и телевидение (принося в наши дома образ правонарушителей, препровождаемых полицией в тюрьмы). В современном обществе они заменили собой зрелище публичного обезглавливания на главной площади.

Такой эффект наказаний, как *частная превенция*, то есть воздействие наказания на самого преступника, как предполагается, является трояким: наказание может служить *предупреждением*, оно может *исправить* (rehabilitate) правонарушителя, и оно может *лишить* правонарушителя *дееспособности* (incapacitate), отделив его от свободного общества или каким-либо другим образом сделав невозможным для него совершение новых преступлений.

При рассмотрении значения смертной казни эффекту частной превенции, как правило, не уделяли какого-либо внимания. Возможно, это связано с тем, что в последние десятилетия интересы исследователей уголовной политики сосредоточивались исключительно на том, может ли правонарушитель быть исправлен или “излечен” от своей криминальности и если да, то каким образом. Только недавно, столкнувшись с обескураживающими результатами, в частности, институциональных санкций, исследователи стали уделять больше внимания лишению преступника дееспособности.

Естественно, лишение преступника дееспособности всегда считалось одной из целей применения смертной казни.

На мой взгляд, даже несмотря на редкое использование этого аргумента непосредственно, многие из тех, кто полагает, что смертная казнь необходима, придерживаются следующего взгляда: «Нам следует устранять виновных в совершении серьезных преступлений из свободного общества для того, чтобы быть уверенными, что они не повторяют своих преступлений». Нельзя отрицать, что смертная казнь имеет наибольший эффект обеспечения недееспособности по сравнению с любой другой санкцией.

Однако сказанное только что порождает новый вопрос: является ли смертная казнь единственной или наилучшей санкцией, обеспечивающей недееспособность? Представляется, что в ранние периоды развития нашей культуры вряд ли существовали какие-либо доступные альтернативы. Если тюрьмы не построены – а так было в Финляндии на протяжении всего XVIII в., то очевидно, что выбор санкций очень ограничен. Очень интересно, что исторически ранняя отмена смертной казни на практике в Финляндии – шаг, который был поддержан не только царем, но и представителями всех четырех сословий в сейме, – был тесно связан с появлением соответствующей альтернативы. Такой альтернативой, использовавшейся при помиловании приговоренных к смертной казни, была ссылка в Сибирь¹. Эта практика продолжалась в течение десятилетий. И только в конце XIX в. (когда Финляндия все еще была автономным Великим княжеством в составе России) практика помилования была изменена – преступников стали приговаривать к пожизненному заключению и помещать в построенные к этому времени финские тюрьмы. Историки права, надо полагать, могут ответить на вопрос, являлось ли от-

¹ Мужчины депортировались в Сибирь с 1826 г., а женщины – с 1848 г. О различных стадиях рассмотрения этого вопроса в сейме и дискуссии по этому поводу в Финляндии в начале XIX в. см.: Kylä-Marttila, V. Kysymys kuolemanrangaistus-tuksesta autonomia-ajan valtiopäivillä vuosina 1863–1888 (The question of capital punishment before the Diet during the period of autonomy, 1863–1888). Vankeinhoidon historiaprojektin julkaisu 13/1986. Oikeusministeriön vankeinhoito-osasto. Helsinki, 1986. P. 20-22.

сутствие соответствующей альтернативы в других скандинавских странах причиной того, что смертная казнь в них применялась в течение более длительного периода времени по сравнению с Финляндией¹. Единственной альтернативой смертной казни сегодня, служащей цели лишения преступника дееспособности, является пожизненное тюремное заключение или заключение на определенный длительный срок в тюрьме со строгими мерами безопасности. Разумеется, нет необходимости держать преступника в тюрьме всю оставшуюся жизнь, поскольку мы знаем, что криминальная активность ослабевает с возрастом. В этом отношении старшие поколения не представляют значительной опасности. С другой стороны, поскольку правонарушители – это обычно молодые люди, лишение их дееспособности означает, что каждый из них получит срок заключения, растягивающийся на десятилетия.

В данном случае очевидной становится одна проблема, связанная с отменой и замещением смертной казни тюремным заключением. Дело не только в значительных инвестициях, необходимых для строительства и функционирования тюрем или для обеспечения человеческого обращения с заключенными. На каких-то стадиях должны быть разработаны определенные процедуры освобождения заключенных на время отпуска или досрочно, в противном случае длительный срок тюремного заключения может стать гораздо более суровой санкцией, нежели смертная казнь.

¹ В Швеции последняя казнь имела место в 1910 г. Смертная казнь в мирное время была отменена в 1921 г., а в военное – в 1973 г. См.: Nelson, A. *Kriminalpolitik och ingripanden vid brott* (Criminal policy and measures on the basis of an offence). 1985 års upplaga. Uppsala. P. 40. В Норвегии последний раз смертная казнь применялась в 1874 г. Смертная казнь в мирное время была отменена в 1902 г., но до сих пор она может применяться в военное время. См.: Andenaes, J. *Alminnelig strafferett* (General criminal law). 2. utg. Oslo, 1974. P. 356. В Дании последнее исполнение смертного приговора произошло в 1892 г. Смертная казнь в мирное время была отменена в 1933 г., а в военное – в 1978 г. См.: Woaben, K. *Straffe og andre retsfølger* (Punishment and other legal sanctions). Viborg, 1983.

3. Смертная казнь и уровень наказаний

Один побочный эффект смертной казни может стать аргументом в пользу ее отмены. Это эффект восприятия суровости наказаний. В стране, где применяется смертная казнь, все другие наказания, даже включая пожизненное лишение свободы, воспринимаются как более мягкие. Если в стране нет смертной казни, то статус наиболее сурового наказания переходит к пожизненному заключению.

В этом свете интересно отметить, что некоторые страны, отменившие смертную казнь, пошли дальше в этом направлении, и в них нет уже даже пожизненного лишения свободы. В 1981 г. пожизненное тюремное заключение было отменено в Норвегии. Практическое значение этой реформы в решающей степени зависит от того, можно ли будет досрочно освободиться в случае с тюремным сроком в 21 год раньше, чем это было в случае с пожизненным заключением. Однако в любом случае несомненно, что эта поправка имеет большое символическое значение, поскольку она демонстрирует возможность обойтись набором более мягких санкций, чем прежде. С точки зрения принципа соотношения затрат и выгод, это развитие очевидно является позитивным. Возможно, что и другие скандинавские страны со сходными социальными условиями со временем последуют примеру Норвегии.

ДОВЕРИЕ, БЛАГОСОСТОЯНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ*

Введение

В последние десятилетия в различных частях мира имело место беспрецедентное расширение сферы уголовного контроля. С начала 1970-х гг. доля заключенных в составе населения в США выросла примерно в пять раз, в Нидерландах – в шесть раз. Значительные изменения различного масштаба наблюдаются и во многих других странах. Возросшая готовность государств использовать свою власть наказывать вызвала целый ряд криминологических и социологических объяснений, в основном, со стороны авторов из США и англоязычных стран. Не высказываемое явно предположение, что процессы, подобные тем, что имеют место в США и Великобритании, происходят и в других странах, отразилось в попытках предложить общее объяснение такого рода изменений в условиях общества позднего модерна. Однако это предположение ошибочно, такие процессы наблюдались не везде. Наряду с общим ростом культур контроля существуют противоположные тенденции, а также отклонения, связанные со спецификой той или иной страны. Одним из важных примеров такого рода являются скандинавские страны с их более умеренной уголовной политикой, но это не единственный пример. Игнорирование таких различий может привести к формированию сверх-обобщенной и упрощенной картины изменений систем уго-

* Lappi-Seppälä, Tapio. Explaining National Differences in the Use of Imprisonment // Sonja Snacken, Els Dumortier (eds.), *Resisting Punitiveness in Europe? Welfare, Human Rights and Democracy*. London: Routledge, 2011. P. 35-72. © 2011 Taylor & Francis. All rights reserved. Перевод и публикация с разрешения автора и Taylor & Francis Books.

ловного правосудия. В этом эссе рассматриваются объяснения различий в степени суровости уголовной политики в индустриализованных странах. Внимание при этом сосредоточивается не только на англоязычном мире, но и на скандинавских странах, Западной и Восточной континентальной Европе и странах Балтии.

I. Тенденции и различия в численности заключенных

Тенденции. С середины 1970-х гг. доля заключенных в составе населения в США выросла более чем на 300 процентов с примерно 170 до 740 заключенных на 100 тысяч жителей. США, как представляется, оказывают сильный моделирующий эффект в этом отношении на англоязычные страны. Сходные изменения, хотя и в меньших масштабах, произошли также в Австралии, Новой Зеландии и Великобритании. Роль “девианта” среди англосаксонских стран играет Канада: в течение последних 15-20 лет доля заключенных в составе населения в этой стране оставалась более или менее стабильной.

Табл. I.1 Доля заключенных в составе населения в некоторых англосаксонских странах с 1970 по 2011 г. (число заключенных на 100 000 жителей).

	1970	1980	1990	2000	2005	2010/ 2011	Изм. 1970- 2005, %	Изм. 1990- 2005, %
США	166	221	461	684	738	743	+345	+60
Новая Зеландия	83	88	114	151	186	199	+124	+63
Англия и Уэльс	71	85	90	125	144	156	+103	+60
Австралия		59	84	113	125	133	..	+49
“Девианты”:								
Канада	88	98	113	101	107	117	+22	-5

Источники: Национальная статистика, Международный центр тюремных исследований (URL: <http://www.prisonstudies.org>).

В континентальной Европе сосуществуют различные тенденции. В одних западноевропейских странах доля заключенных в составе населения отличается стабильностью, оставаясь на уровне от 80 до 90 заключенных на 100 тысяч жителей (Германия, Австрия и Швейцария). Другие достигли этого уровня после весьма существенного роста, начавшегося в 1970-е гг. (Франция и Бельгия). Но есть и весьма заметные исключения. С 1970 по 2005 г. в Нидерландах имел место более чем шестикратный рост доли заключенных в составе населения – с 20 до 130 человек на 100 тысяч жителей. В Испании значения этого показателя выросли более чем в три раза – с 40 до 140. Последние данные указывают на то, что в настоящее время в этих странах наблюдаются разнонаправленные тенденции. С 2005 по 2008 г. численность заключенных в Нидерландах снизилась более чем на 20%¹, тогда как в Испании по-прежнему наблюдается рост. В Восточной Европе (исключая бывшие республики Советского Союза) доля заключенных в составе населения примерно в два раза выше, чем в Западной Европе, а в странах Балтии – еще выше.

¹ Недавнее сокращение доли заключенных в составе населения в Нидерландах связано, главным образом, с более широким использованием общественных работ как вида наказания. Интерпретируя данные о численности заключенных в Нидерландах, необходимо принимать во внимание тот факт, что они включают в себя значительное число пациентов с психическими заболеваниями, несовершеннолетних и иностранцев, задержанных за нарушение миграционного законодательства. Все это является причиной искусственного увеличения доли заключенных в составе населения в Нидерландах примерно на 30%, что необходимо принимать во внимание при международных сравнениях. О сопоставимости данных о числе заключенных и различных методах их сравнения см.: Lappi-Seppälä, T. Trust, welfare, and political culture: explaining differences in national penal policies // *Crime and justice: a review of research*. Vol. 37 (edited by Michael Tonry). Chicago: The University of Chicago Press, 2008. P. 320-332; Aebi, M., Stadnic, N. Council of Europe SPACE 1: 2005/1007 Survey on prison populations. Document PC-CP (2007) 2 / (2009) 1. Strasbourg: Council of Europe, 2009.

Табл. I.2 Доля заключенных в составе населения в некоторых странах Западной Европы с 1970 по 2011 г. (число заключенных на 100 000 жителей).

	1970	1980	1990	2000	2005	2010/11	<i>Изм. 1970- 2005 %</i>	<i>Изм. 1990- 2005 %</i>
Франция	55	66	77	82	88	109	+60	+14
Бельгия	61	58	66	86	93	97	+52	+41
Германия	86	92	82	97	97	87	+13	+18
Швейцария		62	77	79	83	79	..	+8
Австрия		107	83	85	108	104	..	+30
“Девианты”:								
Испания		38	85	113	145	154	..	+70
Нидерланды	21	23	43	84	127	87	+505	+195

Источники: Национальная статистика, Международный центр тюремных исследований (URL: <http://www.prisonstudies.org>).

Скандинавские страны отличаются от многих других европейских стран, а также от неевропейских в отношении как стабильности, так и мягкости уголовной политики. На протяжении почти половины столетия доля заключенных в составе населения в Дании, Норвегии и Швеции оставалась в узких пределах от 40 до 60 заключенных на 100 тысяч жителей.

Табл. I.3 Доля заключенных в составе населения в некоторых скандинавских странах с 1950 по 2011 г. (число заключенных на 100 000 жителей).

	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2005	2010/11	<i>Изм. 1970- 2005 %</i>	<i>Изм. 1990- 2005 %</i>
Норвегия	51	44	44	44	56	57	68	73	+54	+21
Дания	88	71	70	63	67	67	78	74	+11	+16
Швеция	35	63	65	55	58	60	78	78	+20	+34
“Девианты”:										
Финляндия	187	154	113	106	69	55	74	59	-35	+7

Источники: Falck, S., von Hofer, H., Storgaard, A. Nordic criminal statistics 1950-2000. Stockholm: Department of Criminology, Stockholm University, 2003 (1950-1995); Kristoffersen, R. (ed.) Correctional statistics of Denmark,

Finland, Iceland, Norway and Sweden 2002 – 2006. Oslo: Correctional Service of Norway Staff Academy, 2008 с дополнениями Т.Лаппи-Сеппалы и И.Ясавеева на основе данных Международного центра тюремных исследований (2000-2011).

Однако Финляндия выделяется из этой группы. В начале 1950-х гг. доля заключенных в составе населения в Финляндии в четыре раза превышала уровень других скандинавских стран. В Финляндии в то время было около 200 заключенных на 100 тысяч жителей, тогда как среднескандинавский уровень (Швеция, Дания и Норвегия) составлял около 50 заключенных. Еще в 1970-е гг. доля заключенных в составе населения в Финляндии была одной из самых высоких в Западной Европе. Однако устойчивое сокращение численности заключенных, начавшееся вскоре после Второй мировой войны, продолжилось, и в 1970–1980-е гг., когда в большинстве европейских стран наблюдался рост тюремного населения, финские показатели по-прежнему снижались. К началу 1990-х гг. Финляндия достигла уровня скандинавских стран – примерно 60 заключенных на 100 тысяч жителей. С 1980 по 2005 г. в Норвегии, Дании и Швеции число заключенных увеличилось. В Финляндии это произошло в период с 2000 по 2005 г. Последние данные указывают на разнонаправленность тенденций в скандинавских странах (рост числа заключенных в Норвегии, отсутствие изменений в Швеции, сокращение в Дании и Финляндии)¹.

Итак, в течение последних 60 лет положение дел в Финляндии и США изменялось в противоположных направлени-

¹ Более подробно ситуация в скандинавских странах рассматривается в работах: Lappi-Seppälä, T. Penal policy in Scandinavia // *Crime and justice: a review of research*. Vol.36 (edited by Michael Tonry). Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 217-295; Pratt, J. Scandinavian exceptionalism in an era of penal excess: Part I: The nature and roots of Scandinavian exceptionalism // *The British Journal of Criminology*. 2008. Vol. 48. P. 119-137. О недавних тенденциях в Финляндии см.: Lappi-Seppälä, T. Politics or policy – fluctuations in the Finnish penal policy // *Ikke kun straf. Festschrift til Vagn Greve*. København: Juris- og Økonomiforbundets Forlag, 2008. P. 333-357.

ях. Процессы, происходившие в США, очевидно, совершенно несопоставимы с тем, что происходило в Финляндии.

Положение и различия. В глобальном контексте Скандинавия как регион отличается самой низкой долей заключенных в составе населения в Европе (примерно на том же уровне находятся Ирландия, Швейцария и Словения). В настоящее время число заключенных на 100 тысяч жителей в скандинавских странах варьируется от 47 до 74, составляя в среднем 65. Соответственно в других западноевропейских странах – от 64 до 157 (в среднем 109), в Восточной Европе – от 173 до 225 (в среднем 201), в странах Балтии – от 252 до 304 (в среднем 277), в России – 516, в США – 730 заключенных на 100 тысяч жителей.

Эти данные ставят перед нами несколько вопросов:

1) Чем объясняется резкий рост числа заключенных, особенно в США и некоторых европейских странах?

2) Чем объясняется диаметрально противоположное направление развития в Финляндии (а также в некоторых других странах)?

3) Каковы причины мягкости, свойственной практикам скандинавских стран?

Большинство исследователей пытается объяснить “американскую исключительность” и рост числа заключенных в англоязычном мире¹. В этой работе наш взгляд направлен в другую сторону: мы пытаемся объяснить, главным образом, различия между западноевропейскими странами. В центре нашего внимания находится прежде всего объяснение “скандинавской исключительности”: почему скандинавские страны в целом оказались способны удерживать репрессивность на сравнительно низком уровне в течение столь продолжительного периода времени. Данная статья представляет основные результаты крупного сравнительно-

¹ Garland, D. The culture of control. Crime and social order in contemporary society. Chicago: The University of Chicago Press, 2001; Tonry, M. Thinking about crime. Sense and sensibilities in American penal culture. New York: Oxford University Press, 2004.

го исследования, охватывающего 25 стран¹. В этой сокращенной версии мы сосредоточиваемся на макроуровневых индикаторах, связанных с социальными и экономическими обстоятельствами, социальными и моральными ценностями, политической экономией и политической культурой, используя долю заключенных в составе населения в качестве

¹ Выборка включала в себя 16 западноевропейских стран, 3 восточноевропейские страны (Чехия, Венгрия и Польша), 2 страны Балтии (Эстония и Литва) и 4 англосаксонские страны за пределами Европы (США, Канада, Новая Зеландия и Австралия). Источниками информации о доле заключенных в составе населения были публикации Международного центра тюремных исследований; *The European Sourcebook of Crime and Criminal Justice Statistics*, 1995, 2000, 2006; национальные статистические данные и различные исследовательские отчеты. Главные факторы, объясняющие долю заключенных в составе населения, включали в себя страхи, репрессивность и доверие (измеренные в ходе Международного обследования жертв преступлений (ICVS), Европейского обследования преступности и безопасности (EU ICS), Европейского социального обследования (ESS) и Всемирного исследования ценностей (WVS)), неравенства доходов и расходов на социальное обеспечение (по данным Люксембургского исследования доходов (LIS), Евростата, ООН, Европейской системы социальных индикаторов (EUSI), Организации экономического сотрудничества и развития (OECD)), политическую культуру и корпоратизм (о политических индикаторах см.: Lijphart, A. *Patterns of democracy. Government forms and performance in thirty-six countries*. New Haven: Yale University Press, 1999; Huber, E., Ragin, C., Stephens, J., Brady, D., Beckfield, J. *Comparative welfare states data set*. Northwestern University, University of North Carolina, Duke University and Indiana University, 2004). Более подробно эти источники описываются в Lappi-Seppälä, T. *Trust, welfare, and political culture: explaining differences in national penal policies // Crime and justice: a review of research*. Vol. 37 (edited by Michael Tonry). Chicago: The University of Chicago Press, 2008. P. 320-332. Отбор стран в значительной степени определялся доступностью данных из четырех основных источников: первого раунда Европейского социального обследования, Люксембургского исследования доходов, Международного обследования жертв преступлений и Организации экономического сотрудничества и развития. Впоследствии рамки анализа были расширены до 99 стран по всему миру. США не представлены на большинстве графических иллюстраций из-за совершенно иного масштаба использования тюремного заключения (см., например, диаг. II.1). Однако данные корреляций обычно представлены двояким образом – как включая США, так и исключая.

основного индикатора уровней репрессивности и суровости системы уголовного правосудия¹.

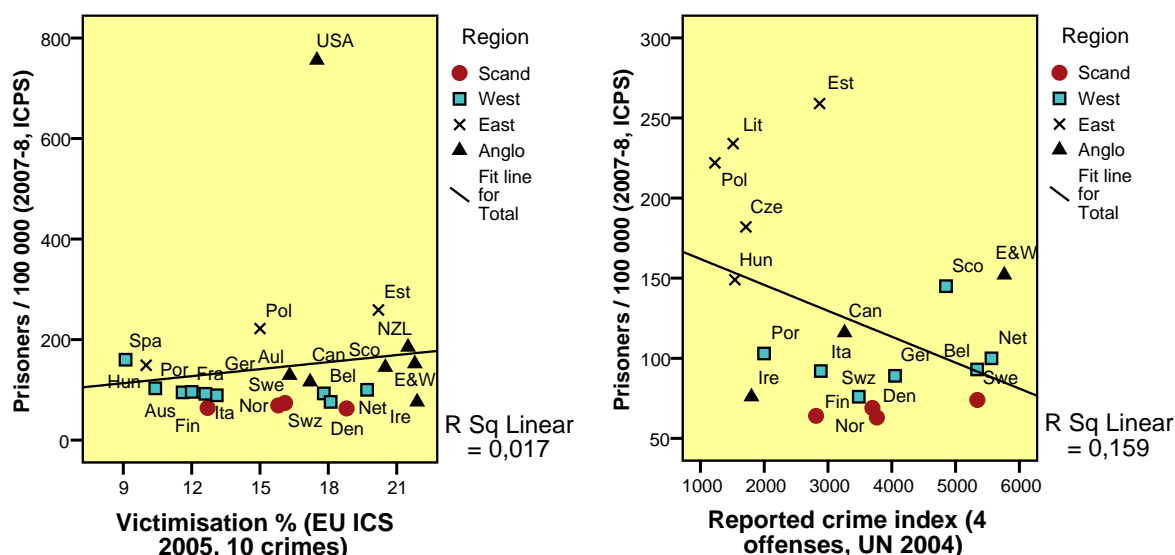
II. Уровни преступности и численность заключенных

Очевидным, на первый взгляд, является предположение, что различия в доле заключенных в составе населения отражают различия в уровне преступности. В этом разделе мы попытаемся ответить на вопрос о том, какова связь между числом заключенных и уровнями преступности, в рамках синхронического анализа (cross-sectional analysis, анализ данных, относящихся к одному определенному моменту времени) и анализа временных рядов.

1. Синхронические сравнения уровня преступности и доли заключенных в составе населения

На диаграмме II.1 сопоставляются доля заключенных в составе населения, уровень виктимизации и уровень зарегистрированной преступности (преступления, заявления о которых поступили в правоохранительные органы), вычисляемый на основании четырех видов преступности (убийства*10 + грабеж*3 + кража + нападение с применением насилия на 100 тысяч жителей).

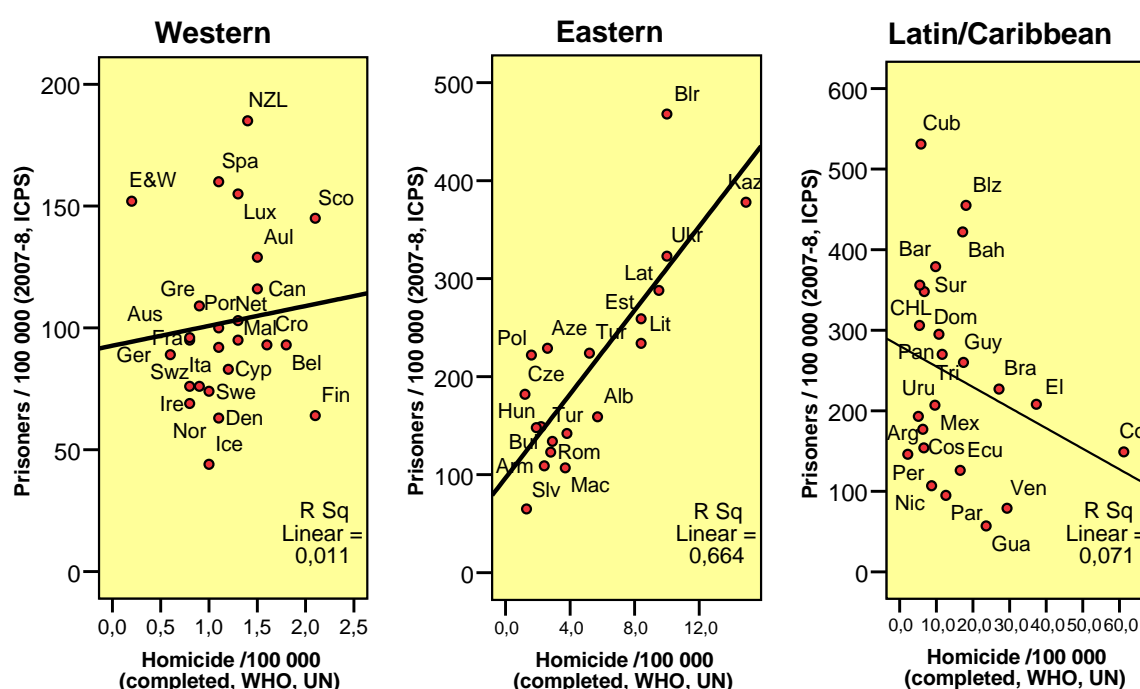
¹ Другие возможные индикаторы суровости системы уголовного правосудия обсуждаются в работе: Lappi-Seppälä, T. Trust, welfare, and political culture: explaining differences in national penal policies // Crime and justice: a review of research. Vol. 37 (edited by Michael Tonry). Chicago: The University of Chicago Press, 2008. P. 313-387. Несмотря на свою ограниченность, доля заключенных в составе населения остается при проведении широкого сравнительного анализа «превосходной репрезентацией многих других индикаторов реакции обществ на действия, определяемые в качестве преступлений». См.: Wilkins, L. Punishment, crime and market forces. Aldershot: Dartmouth Publishing Company, 1991. P.13.

Диаг. II.1 Число заключенных (prisoners) на 100 тысяч жителей в 2007-2008 гг., уровень виктимизации и уровень зарегистрированной преступности (основная выборка стран). Здесь и далее: Aul – Австралия, Can – Канада, NZL – Новая Зеландия, USA – США, Aus – Австрия, Bel – Бельгия, Cze – Чехия, Den – Дания, E&W – Англия и Уэльс, Est – Эстония, Fin – Финляндия, Fra – Франция, Ger – Германия, Hun – Венгрия, Ire – Ирландия, Ita – Италия, Lit – Литва, Net – Нидерланды, Nor – Норвегия, Pol – Польша, Por – Португалия, Sco – Шотландия, Spa – Испания, Swe – Швеция, Swz – Швейцария. Источники: Международный центр тюремных исследований, Европейское обследование преступности и безопасности и ООН.

Меньшая доля заключенных в составе населения вряд ли может объясняться более низким уровнем виктимизации, поскольку корреляция остается близкой к нулю. Связь же между зарегистрированной преступностью и долей заключенных в составе населения фактически является отрицательной: чем выше уровень преступности, тем меньше заключенных. Однако здесь необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, обследования виктимизации сосредотачиваются в основном на преступлениях небольшой тяжести против собственности. В большинстве западноевропейских стран эти преступления имеют довольно ограниченное отношение к числу заключенных, поскольку влекут за собой наказания, как правило, не связанные с лишением свободы. Во-вторых, различия в зарегистрированной преступности крайне зависимы от практик регистрации преступлений и от

правовых дефиниций. Существуют очевидные различия в этом отношении между развивающимися и развитыми странами, а также между странами Западной и Восточной Европы¹. Более надежные сравнения возможны при использовании в качестве показателя насилия со смертельным исходом. В целом, между уровнем убийств и долей заключенных в составе населения существует позитивная корреляция². Однако оказалось, что характер этой связи различен в различных регионах (см. диаг. II.2).

Диаг. II.2 Число заключенных и число убийств в 2003 г. (на 100 тысяч жителей, глобальная выборка стран, исключая США). Источники: Международный центр тюремных исследований, Всемирная организация здравоохранения, ООН. Здесь и далее: Alb – Албания, Arm – Армения, Aze – Азербайджан, Blr – Беларусь, Bul – Болгария, Kaz – Казахстан, Lat – Латвия, Mac – Македония, Rom – Румыния, Slv – Словения, Tur – Турция, Ukr

¹ van Dijk, J., van Kesteren, J., Smit, P. Criminal victimisation in international perspective. Key findings from the 2004-2005 ICVS and EU ICS. The Hague: Ministry of Justice, WODC, 2007.

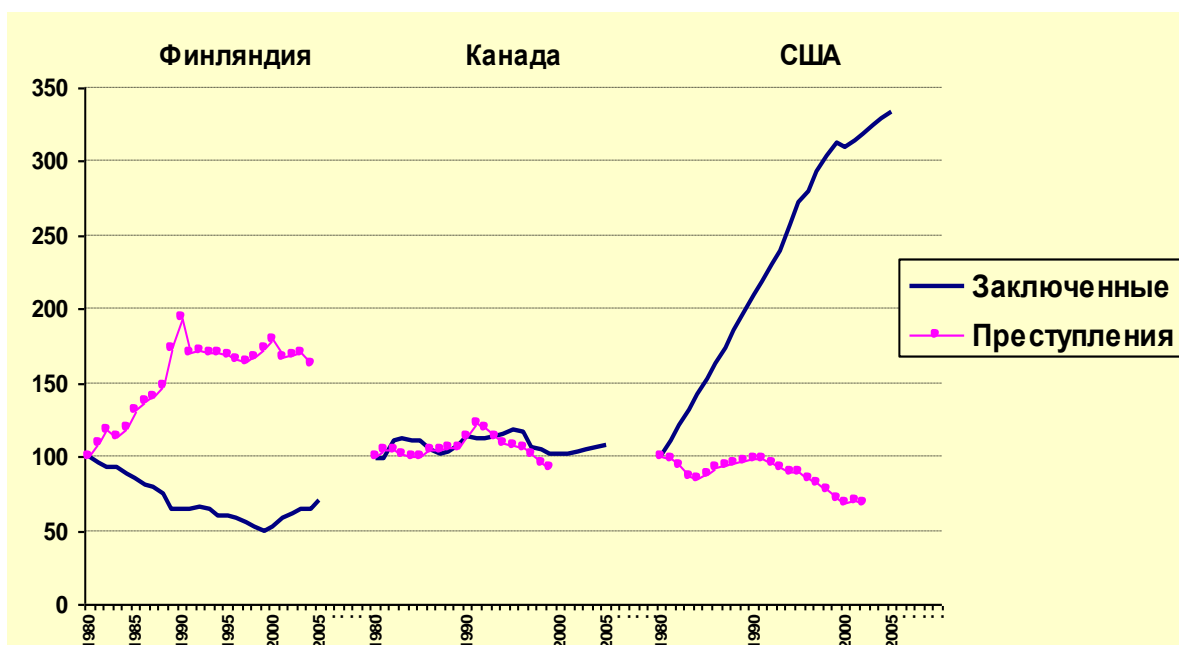
² Корреляция в глобальной выборке равняется 0,25 (n=82), а в основной выборке 0,68** (n=24). Ян Ван Дейк сообщает о еще более высокой корреляции между долей заключенных в составе населения и уровнем убийств (r=0,48), но при ранжированных значениях. См.: van Dijk, J. The world of crime: breaking the silence on problems of security, justice and development across the world. London: Sage Publications, 2008. P. 269.

– Украина, Arg – Аргентина, Bah – Багамы, Bar – Барбадос, Blz – Белиз, Bra – Бразилия, CHL – Чили, Col – Колумбия, Cos – Коста-Рика, Cub – Куба, Ecu – Эквадор, El – Эль-Сальвадор, Dom – Доминика, Gua – Гватемала, Guy – Гайана, Mex – Мексика, Nic – Никарагуа, Pan – Панама, Par – Парагвай, Per – Перу, Sur – Суринам, Tri – Тринидад и Тобаго, Uru – Уругвай, Ven – Венесуэла.

Если в Восточной Европе между убийствами и долей заключенных в составе населения наблюдается позитивная корреляция, то в Латинской Америке и Карибском регионе корреляция негативная. Численность заключенных в западных демократических странах (исключая США), как представляется, относительно независима от уровня насилия со смертельным исходом. Если существует позитивная связь, то необходимо указать на обособленное положение Англии и Уэльса и Финляндии на противоположных концах шкалы. В целом, данные о зарегистрированной и фактической преступности вряд ли могут служить основанием для вывода о существовании какой-либо заметной позитивной корреляции между долей заключенных в составе населения и уровнем преступности. Это впечатление усиливается при рассмотрении изменений с течением времени.

2. Тенденции изменений доли заключенных в составе населения и зарегистрированной преступности с 1980 по 2005 г.

Анализ тенденций предоставляет еще одну возможность измерения этих связей. На диаграмме II.3 сравниваются тенденции изменения доли заключенных в составе населения и зарегистрированной преступности в Финляндии, Канаде и США с 1980 по 2005 г. (1980=100).

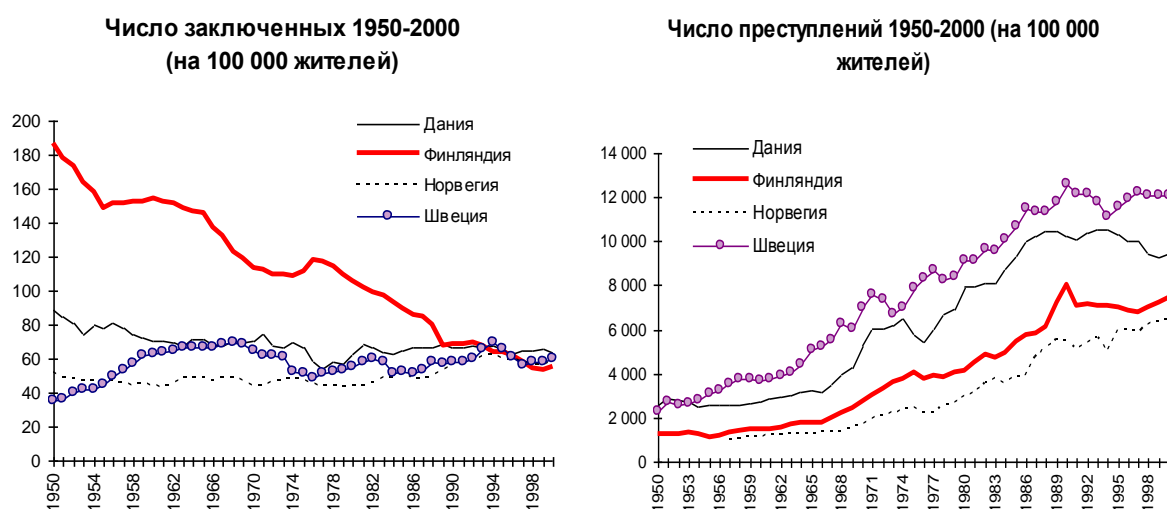
Диаг. II.3 Число заключенных и преступлений, сообщения о которых поступили в правоохранительные органы, в Финляндии, Канаде и США на 100 тысяч жителей (1980=100). Источник: Sourcebook 2006¹ с дополнениями.

Эти три страны представляют собой пример разнонаправленных тенденций. В Финляндии доля заключенных в составе населения существенно сократилась, а уровень преступности возрос (с 1980 по 1990 г.). В Канаде доля заключенных в составе населения оставалась стабильной, тогда как уровень преступности либо не изменялся (с 1980 по 1990 г.), либо снижался (с 1990 по 2000 г.). В США динамика уровня преступности была почти такой же, как в Канаде, тогда как численность заключенных резко возросла. На основании всего этого трудно сделать вывод о существовании какой-либо систематической связи между данными временными рядами.

¹ Aebi, M., Aromaa, K., Aubusson de Cavarlay, B., Barclay, G., Gruszczyńska, B., von Hofer, H., Hysi, V., Jehle, J.-M., Killias, M., Smit, P., Tavares, C. The European sourcebook of crime and criminal justice statistics – 2006. The Hague: Boom Juridische uitgevers, 2006.

3. Уровни преступности и число заключенных в скандинавских странах с 1950 по 2000 г.

Сокращение численности заключенных в Финляндии не было связано со снижением уровней преступности, наоборот. Преступность росла, тогда как доля заключенных в составе населения уменьшалась. Это ставит перед нами непростой вопрос о том, не может ли рост преступности в Финляндии объясняться сокращением числа заключенных? Для того, чтобы ответить на него, нам необходимо расширить рамки анализа, включив другие скандинавские страны. Эти страны обладают значительным социальным и структурным сходством и вместе с тем совершенно различной историей наказаний. Это дает нам прекрасную возможность проверить, каким образом радикальные изменения в практиках наказания в одной стране (Финляндии) отражаются на уровне преступности – в сравнении со странами, обладающими сходными социальными и культурными условиями и в то же время гораздо менее изменившейся системой уголовного правосудия. На диаграмме II.4 представлены доля заключенных в составе населения и уровень преступности в Финляндии, Швеции, Дании и Норвегии с 1950 по 2000 г.

Диаг. II.4 Доля заключенных в составе населения и уровни преступности с 1950 по 2000 г. Источник: Falck, S., von Hofer, H., Storgaard, A. Nordic

Бросаются в глаза поразительные различия в использовании тюремного заключения и не менее поразительное сходство в тенденциях зарегистрированной преступности. Существенное сокращение числа заключенных в Финляндии не нарушило симметрию между уровнями преступности в скандинавских странах. Эти данные еще раз подтверждают общий криминологический вывод о том, что уровень преступности и доля заключенных в составе населения достаточно независимы друг от друга; они растут и снижаются, подчиняясь собственным движущим силам.

Доля заключенных в составе населения не связана с уровнями виктимизации, а также уровнями зарегистрированной преступности. Изменение числа заключенных в 1980-2005 г. не следует какому-либо образцу, совместимому с изменениями зарегистрированной преступности. В разных странах в разное время наблюдаются различные тенденции. Эти результаты соответствуют заключению ряда авторов, согласно которому различия в интенсивности использования тюремного заключения не могут объясняться уровнями и тенденциями преступности¹. Преступность не объясняет ни различия, ни тенденции. Остальная часть статьи посвящена поиску других объяснений.

¹ См., например: Greenberg, D. Punishment, division of labor, and social solidarity // Laufer, W.S., Adler, F. (eds) *The criminology of criminal law (Advances in criminological theory)*. Vol. 8. New Brunswick: Transaction Publishers, 1999. P. 283-361; von Hofer, H. Prison populations as political constructs: the case of Finland, Holland and Sweden // *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. 2003. Vol. 4. P. 21-38; Sutton, J. The political economy of imprisonment in affluent Western democracies 1960-1990 // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. P. 170-189; Ruddell, R. Social disruption, state priorities, and minority threat. A cross-national study of imprisonment // *Punishment & Society. The International Journal of Penology*. 2005. Vol. 7. No. 1. P. 7-28.

III. Благосостояние и социальное равенство

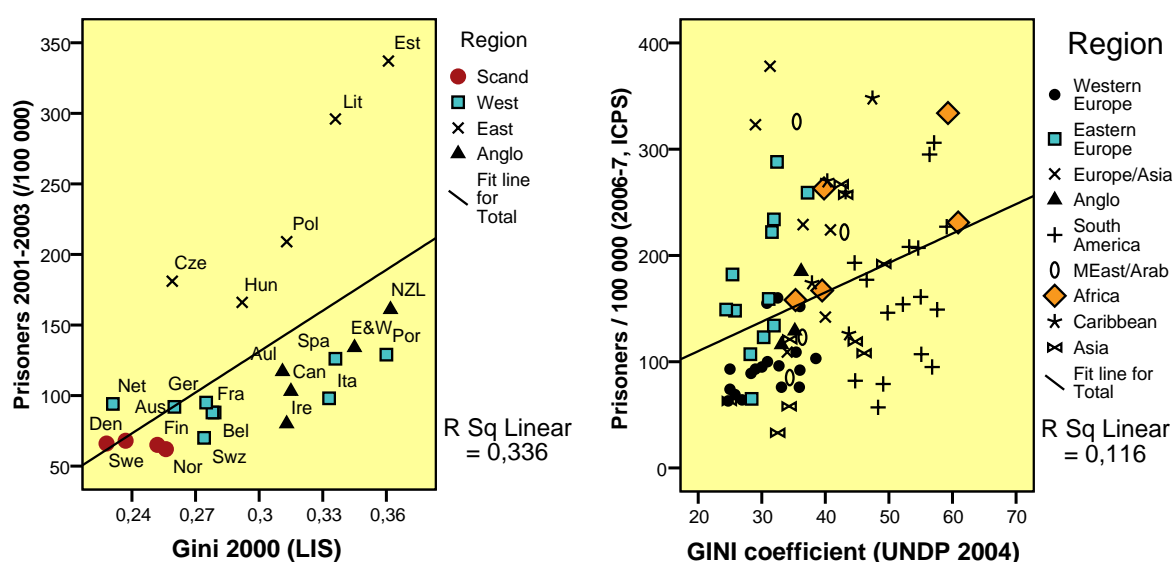
Существует очевидная связь между ориентацией на обеспечение всеобщего благосостояния и культурой наказания. Самый простой способ определить отношение между благосостоянием и использованием лишения свободы – это провести прямую линию между следующими позициями: «помещение людей в тюрьмы или обеспечение их деньгами могут рассматриваться в качестве альтернативных способов действий в отношении бедного, маргинального населения, один из которых является репрессивным, а другой великодушным»¹. «Война с бедностью» ведет к совершенно другой уголовной политике по сравнению с «войной с преступностью». Связь между возникновением карательной политики и сворачиванием государства всеобщего благосостояния в США и Великобритании была отмечена рядом комментаторов². О существовании связи между уровнем репрессивности и благосостоянием свидетельствует также финская история: период либерализации системы уголовного правосудия начался тогда, когда Финляндия «присоединилась к скандинавской семье государств всеобщего благосостояния». Все это говорит о том, что такие факторы, как высокий уровень социальной и экономической безопасности, равенство в ресурсах, предоставляемых государством всеобщего благосостояния, и щедрое социальное обеспечение, должны способствовать более низкому уровню репрессивности.

¹ Greenberg, D. *Novos ordo saeculorum? A commentary on Downes, and on Beckett and Western* // Garland, D. (ed.) *Mass imprisonment. Social causes and consequences*. London: Sage Publications, 2001. P. 70.

² Прежде всего Дэвидом Гарландом: Garland, D. *The culture of control. Crime and social order in contemporary society*. Chicago: The University of Chicago Press, 2001. См. также: Cavadino, M., Dignan, J. *Penal systems. A comparative approach*. London: Sage Publications, 2006; Downes, D. *Political economy, welfare and punishment in comparative perspective* // Snacken, S., Dumortier, E. (eds.) *Resisting punitiveness in Europe? Welfare, human rights and democracy*. London: Routledge, 2011.

1. Неравенство доходов и социальные расходы

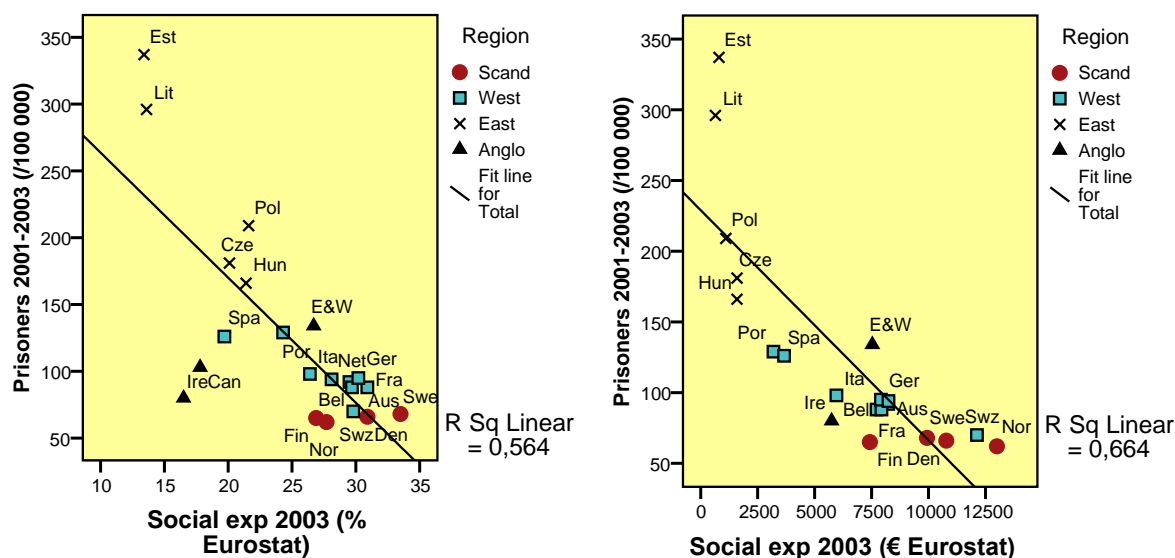
Существует сильная позитивная корреляция между неравенством доходов¹ и долей заключенных в составе населения в западноевропейских странах (левая панель диаграммы III.1). Восточноевропейские страны следуют сходному образцу (но на более высоком уровне доли заключенных в составе населения). Расширение рамок анализа и включение других регионов подтверждает существование этой связи, но в более слабой форме (правая панель диаграммы III.1).

Диаг. III.1 Индекс Гини и доля заключенных в составе населения в основной выборке стран (слева) и в глобальной выборке (справа). Источники: Sourcebook 2006 с дополнениями, Международный центр тюремных исследований, Люксембургское исследование доходов, ООН.

¹ "Справедливость" распределения доходов измеряется посредством индекса Гини. Данный индекс выражает степень, в которой реальное распределение доходов отличается от "идеального" или справедливого распределения (0 = абсолютная справедливость, 1 = абсолютная несправедливость). О связи между неравенством доходов и использованием лишения свободы см. также: Killias, M. Power concentration, legitimization crisis and penal severity: a comparative perspective // International Annals of Criminology. 1986. Vol. 24. P.181-211; Tham, H. Imprisonment and inequality. Paper prepared for the 5th Annual Conference of the European Society of Criminology Kraków, Aug. 31 – Sep. 3, 2005 (Working paper). Stockholm: Department of Criminology, Stockholm University, 2005.

На диаграмме III.2 сравниваются инвестиции во всеобщее благосостояние и масштаб использования лишения свободы. Величина расходов на обеспечение благосостояния измеряется как в абсолютном (слева), так и в относительном (справа) виде (в процентах ВВП и в евро на душу населения).

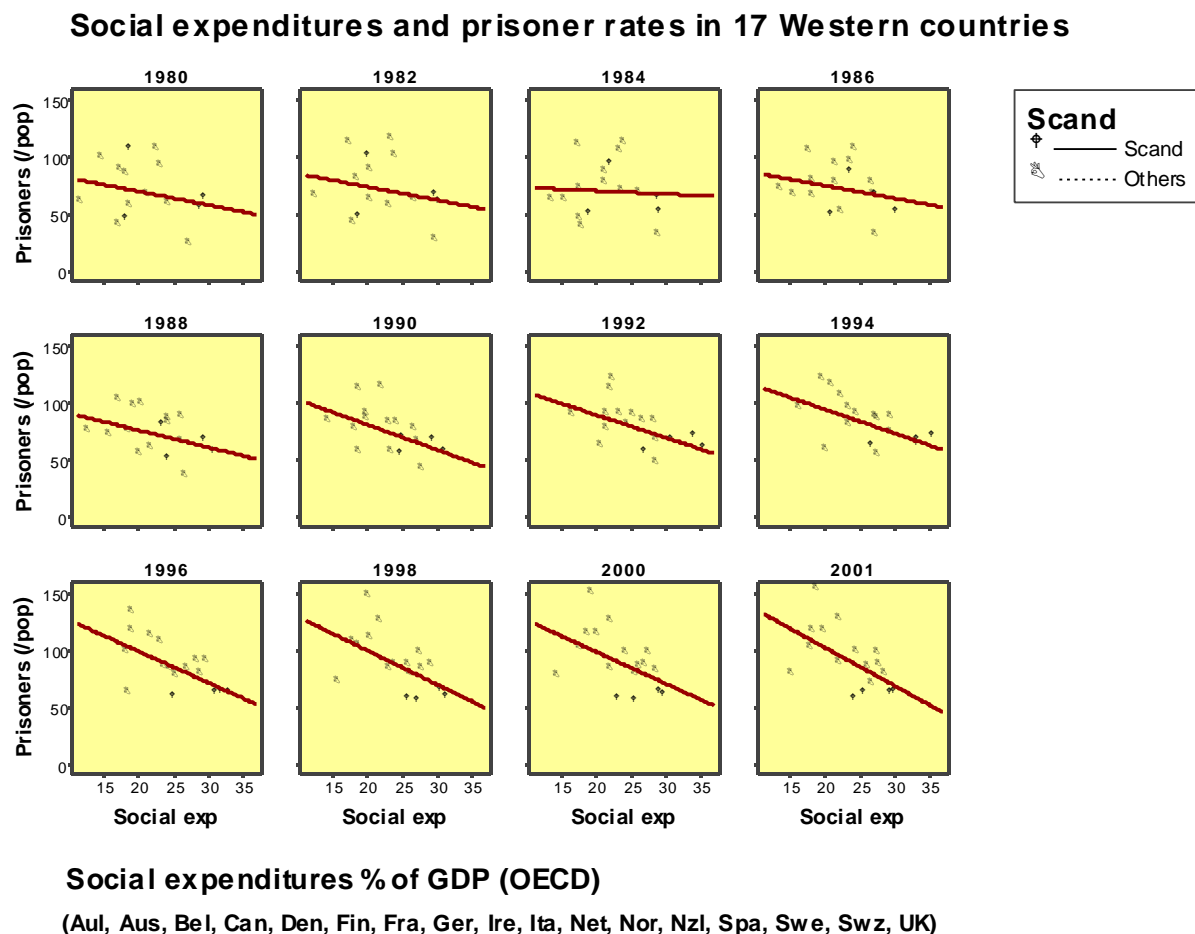

Диаг. III.2 Социальные расходы и доля заключенных в составе населения (основная выборка стран). Источники: Sourcebook 2006 с дополнениями, Международный центр тюремных исследований, Евростат.

Существует явное обратное отношение между затратами на всеобщее благосостояние и масштабами использования лишения свободы. В правом нижнем углу находятся страны со значительными пропорциональными и абсолютными инвестициями в благосостояние и низкой долей заключенных в составе населения во главе со Швецией и Данией. В левом верхнем углу мы видим восточноевропейские страны, а также Англию и Уэльс, Португалию и Испанию.

Если обратиться к изменениям с течением времени (диаграмма III.3), то можно заметить, что с 1980 по 2000 г. связь между числом заключенных и социальными расходами стала сильнее. Для стран, сокративших свои социальные рас-

ходы (в относительном выражении), характерен наиболее резкий рост доли заключенных в составе населения¹.

Диаг. III.3 Социальные расходы и доля заключенных в составе населения в 17 западных странах. Источники: Sourcebook 2006 с дополнениями, Организация экономического сотрудничества и развития.

2. Региональные образцы и пенитенциарные режимы?

При более подробном рассмотрении выясняется также, что страны на основании свойственной им уголовной поли-

¹ Об изменениях с течением времени см.: Downes, D., Hansen, K. Welfare and punishment in comparative perspective // Armstrong, S., McAra, L. (eds) Perspectives on punishment: the contours of control. Oxford: Oxford University Press, 2006. P.133-154. Об аналогичных результатах в случае с США см.: Beckett, K., Western, B. Governing social marginality: welfare, incarceration, and the transformation of state policy // Garland, D. (ed.) Mass imprisonment. Social causes and consequences. London: Sage Publications, 2001. P.35-50.

тики группируются по “пенитенциарным режимам”, тесно связанным с режимами, которые описываются сравнительной теорией государства всеобщего благосостояния. В своем классическом исследовании «Три мира капитализма всеобщего благосостояния» Госта Эспинг-Андерсен¹ установил существование образца, характерного для западных (капиталистических) государств всеобщего благосостояния. По степени и структуре обеспечения всеобщего благосостояния, ценностям и принципам политики страны в этом исследовании достаточно отчетливо разделяются на три режима всеобщего благосостояния: социал-демократический (скандинавский), христианско-демократический (консервативный/европейский) и либеральный (англосаксонский). Эти режимы связывают определенные ценности с определенными программами и политикой. Разные режимы по различным причинам осуществляют различную политику. Выводы Эспинг-Андерсена не были опровергнуты, хотя его первоначальная классификация впоследствии была усовершенствована, например, введением отдельного южного кластера². Дополнительный

¹ Esping-Andersen, G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

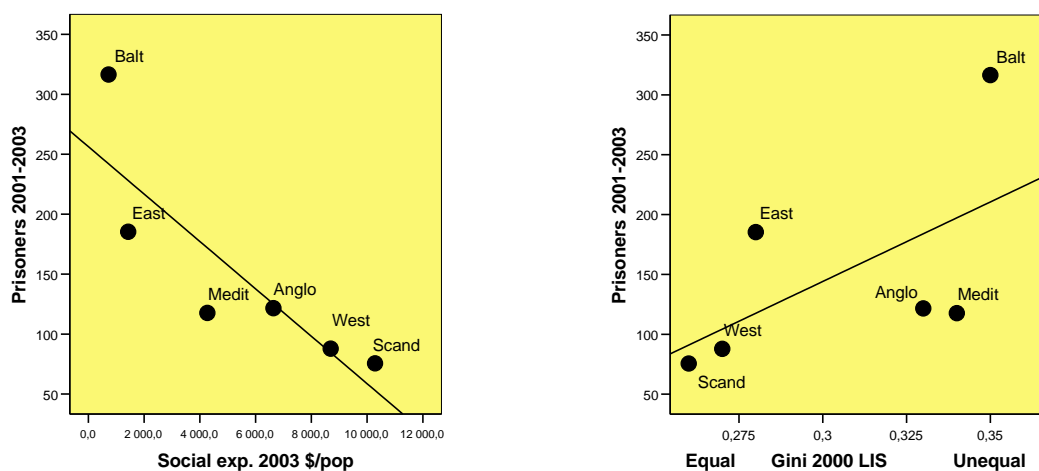
² Иоахим Фогель различает североевропейский, южноевропейский и западноевропейский кластеры. Для *североевропейского кластера* (скандинавские страны) характерны «высокий уровень социальных расходов и участия на рынке труда, слабые семейные связи, относительно низкий уровень классового неравенства и неравенства доходов, низкий уровень бедности, но высокий уровень неравенства между младшим и старшим поколениями». *Южноевропейский кластер* (Греция, Италия, Португалия и Испания) отличается гораздо меньшими расходами на обеспечение всеобщего благосостояния, более низкими уровнями занятости, более сильными семейными связями, более высокими уровнями классового неравенства и неравенства доходов, более высоким уровнем бедности, но низкими уровнями межпоколенческого неравенства. *Западноевропейский кластер* (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Франция) занимает среднюю позицию. Однако Великобритания находится на границе с южным кластером в отношении равенства доходов, бедности и классового неравенства. См.: Vogel, J. Welfare institutions and inequality in the European Union: a lesson for developing countries // Carlucci, F., Marzano, F. (eds) Poverty, growth and welfare

пересмотр классификации потребует при включении в анализ бывших социалистических стран¹.

Уместность классификации стран по обеспечению всеобщего благосостояния в рамках нашего анализа легко подтвердить: если политика по обеспечению всеобщего благосостояния имеет отношение к уголовной политике (как нам представляется), то различия между режимами всеобщего благосостояния должны отразиться в различиях уголовной политики. Для того, чтобы проверить эту гипотезу, мы разделили страны на шесть регионов. Это группирование основывается на оригинальной классификации Эспинга-Андерсена с добавлением трех кластеров: средиземноморских стран, бывших традиционных социалистических стран и стран Балтии. Получились следующие регионы (исключая США): Скандинавия (Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция), Западная Европа (Австрия, Бельгия, Германия, Нидерланды, Франция, Швейцария), средиземноморская Европа (Испания, Италия, Португалия), англосаксонские страны (Великобритания, Ирландия и – за пределами Европы – Австралия, Канада и Новая Зеландия), Восточная Европа (Польша, Венгрия и Чешская Республика) и страны Балтии (Эстония и Литва). На диаграмме III.4 представлена связь между долей заключенных в составе населения, обеспечением всеобщего благосостояния (слева) и неравенством доходов (справа) в этих шести регионах.

in the world economy in the 21st century. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt/M., New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2003; Falck, S., von Hofer, H., Storgaard, A. Nordic criminal statistics 1950-2000. Stockholm: Department of Criminology, Stockholm University, 2003. Фрэнсис Кастелс предлагает сходную классификацию, но рассматривает Швейцарию в качестве отдельного случая. См.: Castles, F. The future of the welfare state. Crisis myths and crisis realities. Oxford: Oxford University Press, 2004.

¹ С точки зрения степени обеспечения всеобщего благосостояния все бывшие социалистические страны занимают довольно низкую позицию, но в отношении равенства доходов между ними существуют заметные различия. Традиционные социалистические страны поддерживают довольно равномерное распределение доходов, тогда как страны Балтии с их экономической политикой и политикой в отношении доходов приближаются к западным неолиберальным государствам.

Диаг. III.4 Расходы на всеобщее благосостояние, неравенство доходов и доля заключенных в составе населения по регионам. Источники: Sourcebook 2006 с дополнениями, Организация экономического сотрудничества и развития, Люксембургское исследование доходов. Balt – страны Балтии, East – Восточная Европа, Anglo – англосаксонские страны, Medit – средиземноморская Европа, West – Западная Европа, Scand – Скандинавия.

Относительная позиция различных режимов отражает общий образец, возникающий из анализа благосостояния. Различным режимам всеобщего благосостояния свойственна различная уголовная политика и различное использование власти наказывать. С поразительной ясностью это проявляется в отношении между обеспечением всеобщего благосостояния и долей заключенных в составе населения (левая панель диаграммы III.4).

3. Почему всеобщее благосостояние?

Связь между затратами на обеспечение всеобщего благосостояния и числом заключенных хорошо передается старым лозунгом: «Лучшей уголовной политикой является хорошая социальная политика». Это всего лишь по-другому сформулированная мысль о том, что для общества будет лучше, если инвестировать больше денег в школы, социальную работу и поддержку семей, чем в тюрьмы. Уголовная политика, следующая принципам всеобщего благосо-

стояния, почти по определению менее репрессивна. Неудивительно, что общее сворачивание государств всеобщего благосостояния (особенно в англосаксонских странах) в течение последних десятилетий совпадает с одновременным ростом уголовного контроля. Но это не *объясняет* связь между направленностью социальной политики и суровостью системы уголовного правосудия. Перед нами по-прежнему возникает вопрос о том, почему всеобщее благосостояние влияет на суровость уголовной политики? Можно выдвинуть несколько предположений.

Социальная политика, следующая принципам всеобщего благосостояния, сокращает социальные дистанции и различия в социальном обеспечении. Она также создает и укрепляет социальные связи и способствует развитию социального (а также экономического) капитала¹. Дистанция способствует исключению и суровости, тогда как равенство и социальные связи поддерживают включение и мягкость. Почему? Следуя дюркгеймовской традиции, можно подчеркнуть значение чувства социальной солидарности. По словам Дэвида Гринберга, сравнительная мягкость и низкая степень экономического неравенства могут считаться «проявлениями высокой степени сочувственной идентификации и заботы о благополучии других»².

Но не должно ли чувство солидарности иметь противоположный эффект благодаря сочувственной идентификации с положением *жертвы*? Ответ может заключаться в том, что уголовная политика в обществе всеобщего благосостояния формируется под влиянием не только чувств солидарности, но и более широкого понимания социальной и коллективной ответственности. В конечном счете, наиболее важное

¹ Об отношении между социальной политикой и экономическим развитием см.: Kangas, O., Palme, J. (eds) *Social policy and economic development in the Nordic countries*. Houndmills, Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2005.

² Greenberg, D. Punishment, division of labor, and social solidarity // Laufer, W.S., Adler, F. (eds) *The criminology of criminal law (Advances in criminological theory)*. Vol. 8. New Brunswick: Transaction Publishers, 1999. P. 297.

значение имеют взгляды общества на источники риска и возложение вины: исходит ли риск от индивидов, на которых следует возложить вину, или источники социальных проблем понимаются шире? Разделяемый риск является зеркальным отражением разделяемой ответственности. Общества с сильным чувством разделяемой и коллективной ответственности менее склонны к возложению вины за социальные проблемы на индивидов¹. Таким образом, значение имеют не только социальные чувства солидарности, но и преобладающие представления о происхождении и причинах социальных рисков (в данном случае преступности). Если корни проблемы находятся вне индивидуального правонарушителя, то это означает также, что именно в данном направлении следует предпринимать действия². Однако, по словам Барбары Хадсон, культуры наказаний в позднемодерном обществе риска отличаются «атомистическим и агрессивным индивидуализмом». Сопоставление прав различных сторон ушло в прошлое, и единственное право, имеющее значение для большинства в настоящее время, – это собственное право на безопасность («суще-

¹ Как показывают культурно-антропологические исследования, в индивидуалистических культурах возникновение риска связывается с конкретными индивидами, и, как правило, в тех несчастьях, которые случаются со слабыми, винят их самих. См.: Hudson, B. *Justice in the risk society*. London: Sage Publications, 2003. P. 51-52.

² С этой точки зрения, реабилитационная пенитенциарная политика выражается в процедурах взвешивания рисков различных сторон (правонарушителя, жертвы и общества). Как указывает Джонатан Саймон, такие институты, как условно-досрочное освобождение, освобождение с испытательным периодом, ювенальная юстиция, отражают готовность снимать риск с правонарушителей и уменьшать вероятность того, что тюремное заключение нанесет им больше вреда. См.: Simon, J. *Governing through crime. How the war on crime transformed American democracy and created a culture of fear*. New York: Oxford University Press, 2007. P.23. Такое взвешивание рисков очевидным образом проявляется в общей цели «справедливого распределения», предложенной финской криминологической теорией в 1970-е гг. См.: Lappi-Seppälä, T. *Sentencing and punishment in Finland: the decline of the repressive ideal* // Tonry, M., Frase, R. (eds) *Punishment and penal systems in Western countries*. New York: Oxford University Press, 2001. P. 92-150.

ствуется только одно право человека – право не стать жертвой»). В прошлом остались также чувства разделяемого риска и разделяемой ответственности. Теперь мы справляемся с рисками, постоянно “сканируя” всех, с кем вступаем в контакт, чтобы определить, не представляют ли они угрозу нашей безопасности. В результате мы имеем политику исключения, мишенью которой являются индивиды, а не социальные условия¹.

В основании менее репрессивной инклюзивной социальной политики можно обнаружить чувства солидарности и широкое, менее индивидуалистическое понимание происхождения социальных рисков. Однако общество всеобщего благосостояния, организующее свою социальную жизнь, исходя из этих отправных точек, запускает также другие механизмы, которые могут способствовать меньшей репрессивности. Принимая во внимание материальные ресурсы и экономическую безопасность состоятельных обществ всеобщего благосостояния, можно утверждать, что выражать толерантность и сочувствие легче, когда собственная позиция является защищенной². Сочувствие и чувство единения также легче возникают среди равных. И, как уже указывалось, растущие социальные деления являются питательной средой для подозрительности, страхов и отчуждения.

¹ См.: Hudson, B. *Justice in the risk society*. London: Sage Publications, 2003. P. 74.

² Существует связь между благополучием и толерантностью. Дэвид Гарланд (цитирующий Мэри Дуглас) описывает, каким образом подход к преступности, основанный на принципе “не обвинять”, – подход, который подразумевается пенитенциарной политикой всеобщего благосостояния, – зависит от распространенных сетей дарения и обеспечения безопасности. В культурах, которые полагаются не на приписывание вины, а на возмещение вреда, можно обоснованно рассчитывать именно на последнее. Подход “не обвинять” требует наличия материальных предпосылок и взаимного доверия. См.: Garland, D. *The culture of control. Crime and social order in contemporary society*. Chicago: The University of Chicago Press, 2001. P.47-48. Другими словами, только при определенных условиях «можно позволить себе быть толерантным».

Наконец, сильные государства всеобщего благосостояния могут способствовать более низким уровням репрессивности, порождая менее напряженные проблемы преступности посредством защиты от социальной маргинализации. Кроме того, поскольку функциональная система исправительных учреждений требует ресурсов и надлежащей инфраструктуры, в состоятельном государстве всеобщего благосостояния обычно имеются другие, лучшие альтернативы тюремному заключению.

IV. Доверие и легитимность

1. Между Дюркгеймом и Вебером

Наряду с дюркгеймовской традицией, связывающей уровень репрессивности с чувством социальной солидарности, существует веберовская традиция, объясняющая уровень репрессивности концентрацией власти и необходимостью защищать политический авторитет¹. Возникновение жесткой и экспрессивной политики в США и Великобритании объяснялось также упадком общественного доверия, кризисом легитимности и необходимостью для государства использовать экспрессивные наказания в качестве демонстрации верховной власти. Дэвид Гарланд ссылается в ряде случаев на неспособность государства контролировать проблему преступности и вытекающие отсюда «отрицание этого и импульсивные действия»: будучи неспособным признать, что ситуация вышла из-под контроля, и пытаясь показать общественности, что по крайней мере что-то делается в отношении проблемы преступности, правительство прибегает к выразительным жестам и карательным дей-

¹ См., например: Killias, M. Power concentration, legitimation crisis and penal severity: a comparative perspective // International Annals of Criminology. 1986. Vol. 24. P.181-211.

ствиям¹. Указывалось также, что в США с 1960-х гг. сфера деятельности и ответственности федерального правительства распространилась на такие области, как здравоохранение, образование, защита прав потребителей, дискриминация и т. д., что привело, однако, к спирали политических провалов. Это, в свою очередь, повлекло за собой крах общественного доверия. Последовавшие выразительные и карательные действия против преступности предпринимались отчасти с целью спасения доверия к правительству². Потеря общественного доверия к политической системе также считается одной из основных причин роста карательного популизма и, как следствие, суровости системы уголовного правосудия в Новой Зеландии³.

2. Социальное и институциональное доверие

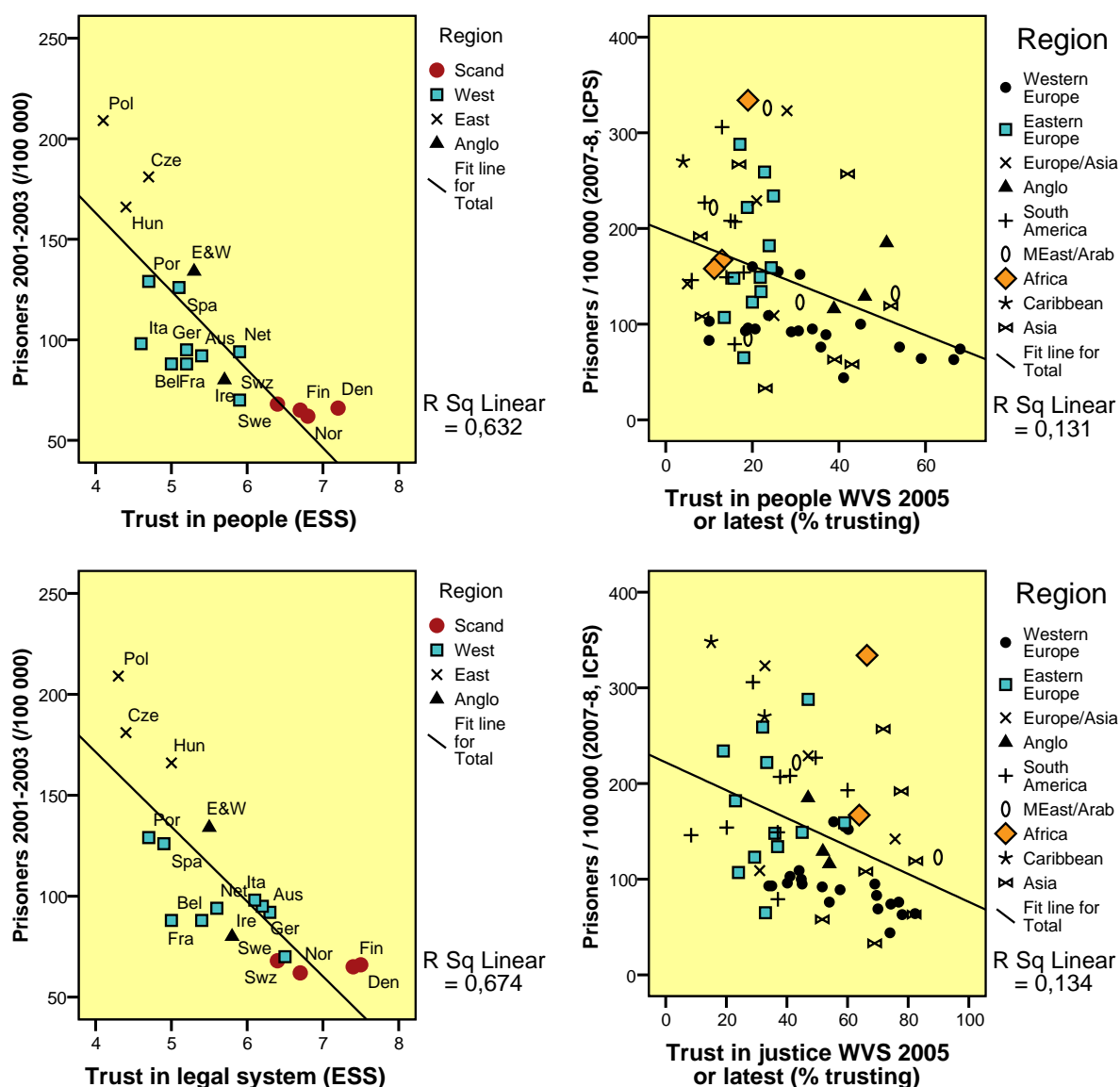
Необходимым условием эмпирических исследований является операционализация ключевых понятий. В рамках дальнейшего анализа политическая легитимность измеряется посредством данных социальных обследований о доверии граждан к политическим институтам. Анализ простирается от политической легитимности (Вебер) до социального доверия (Дюркгейм), поскольку обследования охватывают оба эти измерения. Так, Европейское социальное обследование (ESS) включает в себя ряд вопросов, позволяющих измерить доверие к людям (горизонтальное, общее или социальное доверие) и доверие к различным социальным институтам (вертикальное или институциональное доверие). Всемирное исследование ценностей (WVS), охватывающее большое количество стран, включают в себя

¹ Garland, D. The culture of control. Crime and social order in contemporary society. Chicago: The University of Chicago Press, 2001. P. 103.

² Tonry, M. Thinking about crime. Sense and sensibilities in American penal culture. New York: Oxford University Press, 2004. P.41-44.

³ Pratt, J., Clark, M. Penal populism in New Zealand // Punishment and Society. The International Journal of Penology. 2005. Vol. 7. No. 3. P. 303-322.

сходные вопросы для измерения доверия граждан как друг к другу, так и к социальным и политическим институтам. Результаты, касающиеся европейских стран (первый раунд ESS), представлены на левой панели диаграммы IV.1, а результаты Всемирного исследования ценностей (раунд WVS 2005 г. или последний раунд) – на правой.

Диаг. IV.1 Доверие к правовой системе, доверие к людям и доля заключенных в составе населения. Источники: Sourcebook 2006 с дополнениями, Международный центр тюремных исследований, Европейское социальное обследование, Всемирное исследование ценностей.

Диаграмма IV.1 показывает существование сильной обратной связи между уровнями репрессивности, легитимно-

сти и социального доверия. Легитимность социальных и политических институтов выше всего в скандинавских странах и Швейцарии. Эти страны отличаются также самой низкой долей заключенных в составе населения. Близки к этому уровню доверия Австрия и Нидерланды. В противоположном углу привычно находятся восточноевропейские страны, Англия и Уэльс¹. Расширение рамок анализа и включение стран, находящихся за пределами Европы, ослабляет связь. Однако общий тренд остается неизменным. При более пристальном рассмотрении выясняется, что степень связи между различными формами доверия и долей заключенных в составе населения остается наиболее высокой в развитых странах, тогда как в развивающихся и переходных (transitional) странах корреляция значительно слабее.

Корреляция (если анализировать данные Всемирного исследования ценностей) в странах Организации экономического сотрудничества и развития (n=27, исключая США) является следующей: доверие к людям -,53**, к полиции -,61**, к судам -,63**, к парламенту -,47*, к правительству -,28. Все корреляции, за исключением доверия к правительству (n=20) были статистически значимыми. Однако включение в анализ США существенно ослабляет корреляцию. Если анализировать страны, не входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития, то корреляция имеет следующие значения: доверие к людям -,11 (n=39), к полиции -,28 (n=35), к судам -,13 (n=37), к парламенту -,18

¹ Отдельный региональный анализ дает те же результаты: в скандинавских странах более высокие уровни социального доверия, а также доверия к политическим и правовым институтам. Восточноевропейский кластер занимает противоположную позицию в обоих измерениях. Континентальные западноевропейские страны близки к скандинавским по уровню политического доверия и имеют тот же уровень социального доверия, что и англосаксонские. См.: Lappi-Seppälä, T. Trust, welfare, and political culture: explaining differences in national penal policies // Crime and justice: a review of research. Vol. 37 (edited by Michael Tonry). Chicago: The University of Chicago Press, 2008. P. 313-387.

($n=36$) и к правительству -,15 ($n=32$). Представляется, что в случаях с более и менее развитыми странами действуют разные правила. Кроме того, среди развитых стран особым случаем являются США. Этот образец обнаруживается и при обращении к экономическим и политическим индикаторам. В менее богатых странах между экономическим благосостоянием и долей заключенных наблюдается позитивная корреляция (ВВП на душу населения менее 4000 долларов США, $r = ,46^{**}$), тогда как в более богатых (ВВП на душу населения более 4000 долларов США) рост экономического благосостояния порождает меньшую численность заключенных ($-,56^{**}$, исключая США, и $-,18$, если включить эту страну). Сходный образец обнаруживается при сравнении доли заключенных с уровнем демократии (см. раздел V.1). Эта криволинейность ставит под сомнение обоснованность попыток объяснять глобальные различия в суровости систем уголовного правосудия. В данном случае существует риск сравнения яблок с апельсинами, поскольку сравниваемые страны могут отличаться друг от друга вследствие действия факторов, не поддающихся анализу. Кроме того, используемые индикаторы могут иметь различные содержание и смысл в значительно отличающихся друг от друга обществах¹. Факторы, представляющиеся релевантными в одном контексте, могут не быть таковыми в другом. То, что подходит для Европы и продвинутых демократических стран с высоким уровнем благосостояния, не подходит для остальной части мира. Например, широкое использование тюремного заключения требует денег, поэтому отсутствие ресурсов может удерживать число заключенных на низком уровне даже при наличии политической воли отправлять за

¹ О различиях между существующими на индивидуальном уровне детерминантами социального и индивидуального доверия в западных и восточных странах см.: Kaasa, A., Parts, E. Individual-level determinants of social capital in Europe. Differences between country groups // *Acta Sociologica*. June 2008. P.145-168.

решетку гораздо большее число людей. Это не означает, что глобальные сравнения бесполезны, но подчеркивает необходимость быть осторожными в отношении глобальных однофакторных обобщений. Если анализ суровости систем уголовного правосудия не ограничивается европейскими странами, то следует уделять больше внимания другим санкциям, прежде всего использованию смертной казни¹.

3. Почему доверие и легитимность?

Очевидно, что доверие и уровень репрессивности взаимосвязаны. По словам Фрэнсиса Фукуямы, высокая доля заключенных в составе населения составляет «прямой налог, накладываемый упадком доверия в обществе»². И вновь мы сталкиваемся с вопросом, почему доверие и легитимность порождают мягкость, а недоверие – суровость? Доверие к институтам (вертикальное, институциональное) и доверие к людям (горизонтальное, персонализированное) по целому ряду причин имеют важное значение для функционирования социальных институтов, соблюдения норм и политической реакции на нарушение закона.

Уменьшение легитимности и доверия к институтам требует политического действия. В системе, отличающейся высоким уровнем уверенности и доверия, нет особой необходимости в политическом позерстве и экспрессивных жестах: «вспышки репрессивности и демонизирующая риторика играют гораздо более важную роль в слабых политиче-

¹ См. также: Lappi-Seppälä, T. Trust, welfare, and political culture: explaining differences in national penal policies // *Crime and justice: a review of research*. Vol. 37 (edited by Michael Tonry). Chicago: The University of Chicago Press, 2008. P. 331-332; Johnson, D. Japanese punishment in comparative perspective // *Japanese Journal of Sociological Criminology*. 2008. No. 33. P.46-66.

² Fukuyama, F. *Trust. The social virtues and the creation of prosperity*. New York: Free Press Paperbacks Book, 1995. P.11.

ских режимах по сравнению с сильными»¹. Таким образом, низкая легитимность может требовать жестких мер по политическим причинам – для того, чтобы защитить позиции власти.

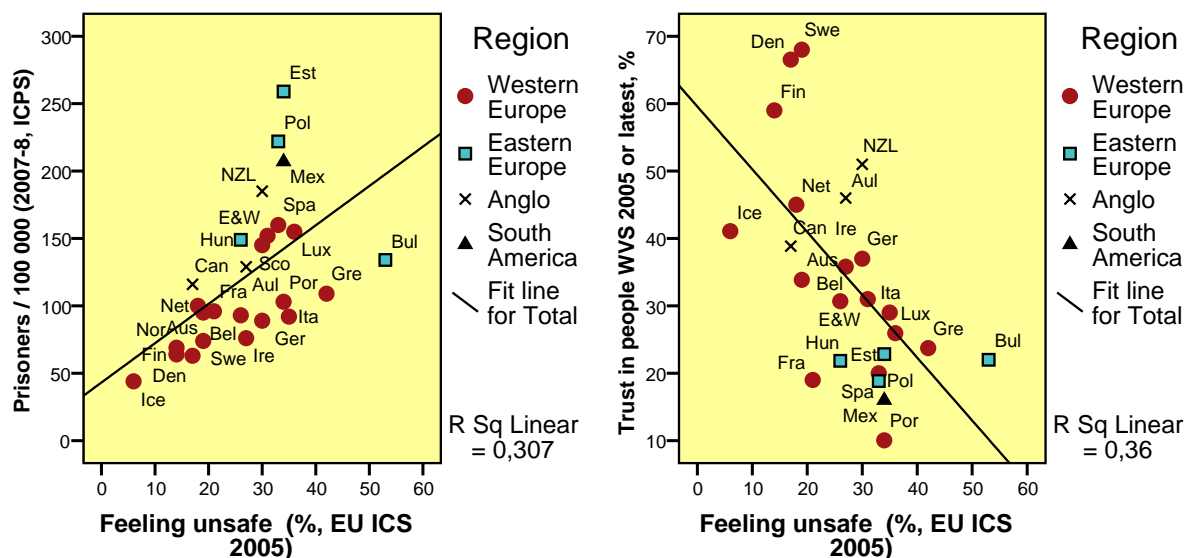
Доверие имеет также социальное измерение. Доверие к людям, страхи и призывы к суровости взаимосвязаны. Упадок доверия во многих западных странах с 1960-х гг.² связан с ослаблением связей внутри сообществ (community ties), ростом индивидуализма и “культуры страха”³. В мире ослабевающих уз солидарности другие люди начинают казаться не друзьями, а чужаками. Мы не знаем, кому доверять. Все это вместе с растущим ощущением небезопасности, вызванным новыми рисками, которые невозможно контролировать на индивидуальном уровне, обеспечивает плодородную почву для страха перед преступностью. Преступность – это подходящий объект для страха и действий со стороны любого, кто окружен растущей тревогой и абстрактными угрозами. Преступность и наказания – это осязаемые и понятные мишени: мы “знаем”, что вызывает преступность, мы “знаем” также, как следует действовать, чтобы решить проблему (особенно тогда, когда медиа и политики делают “хорошую” работу, обучая нас искать простые ответы). Падающее доверие и растущие страхи уже давно идут рука об руку. Страхи, в свою очередь, сильно коррелируют с долей заключенных в составе населения (левая панель диаграммы IV.2), а также с доверием (правая панель)⁴.

¹ Garland, D. The limits of the sovereign state: strategies of crime control in contemporary society // British Journal of Criminology. 1996. Vol. 36/4. P. 462.

² LaFree, G. Losing legitimacy: street crime and the decline of social institutions in America. Oxford: Westview, 1998.

³ Furedi, F. Culture of fear: risk-taking and the morality of low expectation. London: Continuum, 2002.

⁴ Источником данных о доверии является Всемирное исследование ценностей, а о страхах – Европейское обследование преступности и безопасности. См.: van Dijk, J., van Kesteren, J., Smit, P. Criminal victimisation in international perspective. Key findings from the 2004-2005 ICVS and EU ICS. The Hague: Ministry of Justice, WODC, 2007.

Диаг. IV.2 Доверие, страх и доля заключенных в составе населения. Источники: Международный центр тюремных исследований, Европейское обследование преступности и безопасности и Всемирное исследование ценностей.

Доверие связано также с социальной сплоченностью и (неформальным) социальным контролем. Общее доверие и доверие к людям являются индикатором социальных связей и социальной солидарности. Уменьшение доверия указывает на ослабление солидарности и единства. А слабая солидарность предполагает готовность к более жестким действиям.

С другой стороны, сообщества, в которых существует доверие, лучше защищены от разрушительного социального поведения. Они «коллективно более эффективны» в своих попытках осуществлять социальный контроль¹. Эта способность может быть связана также с более широким «социальным капиталом», включающим существование социальных сетей и разделяемых ценностей, которые препятствуют нарушению закона и поддерживают соблюдение норм. Су-

¹ Группа авторов ссылается на «коллективную эффективность», определяемую как «социальная сплоченность соседей, соединенная с их готовностью вмешиваться во имя общего блага». Sampson, R., Raudenbush, S.W., Earls, F. Neighborhoods and violent crime: a multilevel study of collective efficacy // Science. 1997. Vol. 277. P. 918-924.

существует очевидная связь между доверием, солидарностью и социальной сплоченностью, с одной стороны, и эффективным неформальным социальным контролем, с другой.

Доверие к институтам и легитимность также способствуют соблюдению норм. Как более поздние теории процессуальной справедливости¹, так и традиционные скандинавские теории формирования норм и принуждающего эффекта (enforcing effect) уголовного права², подчеркивают идею о том, что в хорошо организованном обществе соблюдение норм основывается на интернализованных (нормативных) мотивах, а не на страхе. И важнейшим условием в данном случае является восприятие людьми этой системы как справедливой и легитимной. Система, стремящаяся поддерживать соблюдение норм посредством доверия и легитимности, а не устрашения, способна, как показывают результаты исследований, обходиться менее суровыми санкциями.

Итак, связь между доверием и уровнем репрессивности является функцией ряда сосуществующих отношений. Отсутствие институционального доверия порождает политическое давление в направлении использования более репрессивных средств с целью поддержания политического авторитета. Отсутствие личного доверия, связанное со страхом, ведет к растущим призывам к карательности и усиливает такое давление. Между тем, доверие может способствовать выстраиванию бюрократического контроля между требованиями общественности и осуществлением наказаний. В свою очередь, политическое и институциональное недоверие препятствует делегированию власти наказывать и благоприятствует обязательным (mandatory)

¹ Tyler, T. Procedural justice, legitimacy, and the effective rule of law // Crime and justice: a review of research (edited by Michael Tonry). Vol. 30. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. P. 283-357.

² Andenaes, J. Punishment and deterrence. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1974.

наказаниям и жестким инструкциям¹. С другой стороны, высокий уровень личного доверия, сплоченность сообщества и социальный капитал укрепляют неформальный социальный контроль. Вместе с соблюдением норм, основанным на легитимности, это уменьшает необходимость прибегать к формальному социальному контролю и к системе наказаний. Но каковы структуры, поддерживающие и усиливающие доверие (и всеобщее благосостояние)? Поиски ответа на этот вопрос приводят нас к рассмотрению политической культуры и политической экономии.

V. Демократия и политическая экономия

1. Имеет ли значение демократия?

Все очерченные выше элементы имеют также политическую сторону. Социально-экономические факторы, настроения общественности или чувство доверия не развиваются сами по себе, определяя практики наказания. В конечном

¹ О связи между доверием и структурными устройствами в осуществлении правосудия см.: Zimring, F., Hawkins, G., Kamin, S. Punishment and democracy. Three strikes and you're out in California. Oxford: Oxford University Press, 2001. P.173; Zimring, F., Johnson, D. Public opinion and the governance of punishment in democratic political systems // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 6005. May 2006. P.266-280. Как указывают авторы, прямой демократический контроль над непосредственным уровнем наказаний сопровождается ростом репрессивности, тогда как создание бюрократического контроля между общественным участием и индивидуальными решениями (например, в форме широкой свободы действий независимой судебной власти) ведет к умеренности в назначении наказаний. Доверие приобретает важное значение в этом контексте как только мы задаемся вопросом: «Почему избиратели допускают осуществление власти наказывать в столь отдаленной от непосредственного демократического контроля форме?» Авторы указанных работ отвечают на это так: «главным образом потому, что граждане доверяют правительству и уверены в его ответственных действиях, и это доверие способствует мягкости, делая возможными структурные устройства (такие, как делегированная свобода действий), позволяющие судьям самостоятельно принимать решения о наказаниях». См.: Zimring, F., Johnson, D. Op. cit. P.274.

счете, численность заключенных (и социальная политика) является результатом политического выбора и политических действий, предпринимаемых в рамках определенной политической культуры. Данные сравнительных исторических исследований ясно указывают на то, что доля заключенных в составе населения ниже в демократических странах по сравнению с другими политическими системами¹. Синхронический анализ также подтверждает тот факт, что между уровнем демократии и числом заключенных существует обратная корреляция: чем выше уровень демократии, тем меньше заключенных. Однако существуют очевидные обособленные случаи (такие, как США). Кроме того, наблюдаются различия в использовании тюремного заключения между странами, находящимися на верхнем уровне общепринятых классификаций демократии.

Между стандартными индикаторами демократии, используемыми в рамках проектов Polity IV и Freedom House², и долей заключенных в составе населения наблюдается обратная, хотя и довольно слабая корреляция (гражданские и политические права $r=-,14$ ($n=98$, Freedom House) и $r=-,16$ ($n=85$, Polity IV); и $r=-,20^*$ и $-,23^*$ соответственно, если исключить США). Однако результаты вновь оказались чувствительными к составу включенных в исследование стран (например, Хун-Ен Сун³ обнаруживает более сильную корреляцию $-,37$ между индексами демократии, используемыми Freedom House, и долей заключенных в составе населения в 77 странах). Кроме того, данная связь следует криво-

¹ См.: Greenberg, D.F. Striking out in democracy // Punishment & Society. 2002. Vol. 4(2). P. 246; Sung, H.-E. Democracy, and criminal justice in cross-national perspective: from crime control to due process // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 6005. May 2006. P. 312.

² См. в качестве обзора: Inglehart, R., Welzel, C. Modernization, cultural change, and democracy. The human development sequence. New York: Cambridge University Press, 2005. P.173.

³ Sung, H.-E. Democracy, and criminal justice in cross-national perspective: from crime control to due process // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 6005. May 2006. P. 311-337.

линейной модели, выявленной ранее (см. раздел IV.2) в отношении экономических ресурсов и доли заключенных в составе населения. В странах, находящихся у нижнего края шкалы демократии, между уровнем демократии и долей заключенных в составе населения либо не было связи, либо эта связь была положительной (чем выше уровень демократии, тем больше заключенных). В более развитых странах связь была отрицательной (чем выше уровень демократии, тем меньше заключенных, при США в качестве исключения). Это возвращает нас к уже обсуждавшейся ранее гипотезе. В менее развитых странах рост уровня демократии может совпадать с одновременным выстраиванием инфраструктуры, необходимой для рутинного использования тюремного заключения. Это может означать, что доля заключенных в составе населения в странах, расположенных на нижнем краю шкалы демократии, является “искусственно” низкой или, по крайней мере, ограничивается факторами, менее значимыми в случае с другими странами¹. Верность такой интерпретации подтверждается данными о том, что между использованием смертной казни и общими демократическими индикаторами существует систематическая обратная корреляция (корреляция от $-0,40^{**}$ до $-0,59^{**}$), независимо от того, классифицируются страны как свободные или несвободные с точки зрения их уровня демократии.

Итак, уровень демократии имеет значение, но многое зависит также от того, каким образом демократия определяется и измеряется. Уровень политических и гражданских прав и измерения конституционной и либеральной демократии важны, но не меньшее внимание следует уделять реальному осуществлению этих прав (“эффективная” или

¹ Johnson, D. Japanese punishment in comparative perspective // Japanese Journal of Sociological Criminology. 2008. No. 33. P. 51.

“действительная” демократия¹). Существенными могут быть также качественные аспекты, легко упускаемые из вида при использовании формальных индикаторов. Например, некоторые авторы при объяснении изменений в системе уголовного правосудия в США обращают внимание на биполярную структуру политической системы в этой стране и борьбу за колеблющихся избирателей². Скандинавская мягкость, в свою очередь, объяснялась со ссылками на корпоратистскую и консенсусную модель принятия политических решений³. Далее будут представлены некоторые комментарии и эмпирические данные в дополнение к этой дискуссии.

2. Типологии политической экономики

Консенсусная и мажоритарная демократии. В политической теории различия между демократическими политическими системами проводятся с помощью деления на «кон-

¹ См., например: Welzel, C., Klingemann, H.-D. Democratic congruence rediscovered: a focus on “substantive” democracy // World Values Research Papers. 2008. Vol.1. No. 3. P.55-84.

² См.: Caplow, T., Simon, J. Understanding prison policy and population trends // Crime and justice: a review of research (edited by Michael Tonry). Vol. 26. Chicago: The University of Chicago Press, 1999. P. 63-120; Tonry, M. Thinking about crime. Sense and sensibilities in American penal culture. New York: Oxford University Press, 2004. P.38.

³ См., например: Kyvsgaard, B. Youth justice in Denmark // Crime and justice: a review of research (edited by Michael Tonry). Vol. 31. Chicago: The University of Chicago Press, 2004. P. 349-390; Bondeson, U. Levels of punitiveness in Scandinavia: description and explanations // Pratt, J., Brown, M., Hallsworth, S., Morrison, W. (eds) The new punitiveness: trends, theories, perspectives. Cullompton: Willan, 2005; Cavadino, M., Dignan, J. Penal systems. A comparative approach. London / Thousand Oaks / New Delhi: Sage Publications, 2006. P. 149; Green, D. Comparing penal cultures: child-on-child homicide in England and Norway // Crime and justice: a review of research (edited by Michael Tonry). Vol. 36. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 591-636; Green, D. When children kill children. Penal populism and political culture. Oxford: Oxford University Press, 2008; Lacey, N. The prisoners’ dilemma. Political economy and punishment in contemporary democracies. The Hamlyn Lectures 2007. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

сенсусные и мажоритарные демократии»¹. Сами термины выражают сущность этих различий. Если говорить об “основных демократических принципах”, то в мажоритарной демократии подчеркивается принцип большинства: именно воля большинства определяет выбор между альтернативами. Консенсусная демократия идет дальше и придает большее значение политическому участию, нежели простому большинству. Принцип большинства означает, что победитель забирает все, принцип консенсуса – что следует принимать во внимание как можно большее число взглядов. Политика, определяемая принципом большинства, обычно основывается на двухпартийной конкуренции и конфронтации, тогда как политика по принципу консенсуса стремится к компромиссам. Вместо концентрации власти в руках большинства консенсусная модель предполагает разделение, рассредоточение и ограничение власти различными способами, позволяя всем или большинству заинтересованных сторон участвовать в осуществлении власти в форме широких коалиций и обеспечивая широкое участие заинтересованных групп².

Эти системы отличаются рядом институциональных устройств. В консенсусных демократиях обычно существует большее число политических партий, пропорциональная избирательная система и либо правительство меньшинства, либо коалиционное правительство с широкой поддержкой. Характерной чертой процесса принятия политических решений являются переговоры, нацеленные на достижение консенсуса, при активном сотрудничестве с хорошо координируемыми и централизованными заинтересованными группами.

Корпоратизм и неокорпоратизм. Рассмотрение участия заинтересованных групп расширяет рамки анализа до более широких политических процессов и отношений между

¹ Lijphart, A. Patterns of democracy. Government forms and performance in thirty-six countries. New Haven / London: Yale University Press, 1999.

² См.: Ibid. P. 34.

государством, корпорациями, рабочими, работодателями и профсоюзами. Понятие (нео)корпоратизма было разработано для того, чтобы охватить наиболее важные черты этих процессов. Данный термин обозначает трехсторонние процессы переговоров между профсоюзами, частным сектором и правительством, имеющие место обычно в небольших и открытых экономиках. Такие переговоры ориентированы на обеспечение справедливого разделения создаваемой в экономике прибыли между социальными партнерами и замораживания заработной платы в периоды экономического спада или инфляции. Для неокорпоратистского устройства обычно необходимы высокоорганизованные и централизованные профсоюзы, ведущие переговоры от имени всех рабочих. Примеры современного неокорпоратизма включают в себя коллективные соглашения в скандинавских странах, голландскую систему консенсуса “Польдермодель” и систему “Социальное партнерство” в Ирландии.

Между этими аспектами наблюдается очевидная связь: консенсусные демократии и корпоратизм обычно сосуществуют друг с другом. Скандинавские страны представляют собой типичный пример консенсусных – или корпоратистских – (социал-)демократий. К этой группе относятся также Австрия, Бельгия, Германия, Италия, Нидерланды и Франция. Мажоритарные (и обычно менее корпоратистские) демократии включают в себя Австралию, Великобританию, Ирландию, Канаду, Новую Зеландию и США¹.

¹ Роль политической культуры и политической экономии в формировании уголовной политики рассматривается рядом авторов на страницах 36 тома издания «Преступность и правосудие». См. введение Майкла Тонри: Tonry, M. Determinants of penal policies // *Crime and justice: a review of research* (edited by Michael Tonry). Vol. 36. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 1-48; а также: Green, D. When children kill children. Penal populism and political culture. Oxford: Oxford University Press, 2008. Никола Лэйси, в свою очередь, использует различие между кооперативными (социал-демократическими) рыночными экономиками и (индивидуалистическими, некоординируемыми) либеральными рыночными экономиками. См.: Lacey, N. The prisoners' dilemma. Political economy and punishment in contemporary democracies. The Hamlyn Lectures 2007. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

3. Значение политической экономики: первоначальные замечания

Согласно выводам Аренда Лейпхарта, консенсусные системы превосходят мажоритарные по качеству демократии и демократического участия, а также «доброжелательности и мягкости их публичной политики»¹. Консенсусные демократии отличаются также большим политическим и экономическим равенством и более высоким электоральным участием. Кроме того, Лейпхарт обнаружил, что в странах консенсусной демократии (в 1992 и 1995 г.) в тюрьмы помещалось меньше людей и были распространены гораздо более критические взгляды в отношении использования смертной казни².

В таблице V.1 сравниваются тенденции изменения доли заключенных в составе населения в странах консенсусной и мажоритарной демократии с 1980 по 2007 г.

Табл. V.1 Число заключенных (на 100 тысяч жителей) в странах консенсусной и мажоритарной демократии с 1980 по 2007 г.

	1980	1990	2000	2007	Рост 1980–2004
Консенсусные демократии (11)	66	67	76	83	26 %
Мажоритарные демократии (4)	83	100	123	146	76 %
США	221	461	684	756	242 %

Страны консенсусной демократии (11): Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция.

Страны мажоритарной демократии (4): Австралия, Англия и Уэльс, Канада, Новая Зеландия.

Консенсусная демократия связана с более мягкой уголовной политикой. Однако в 1980 г. доли заключенных в составе населения в одиннадцати странах консенсусной демократии и четырех странах мажоритарной демократии были

¹ Lijphart, A. Patterns of democracy. Government forms and performance in thirty-six countries. New Haven / London: Yale University Press, 1999. P.301.

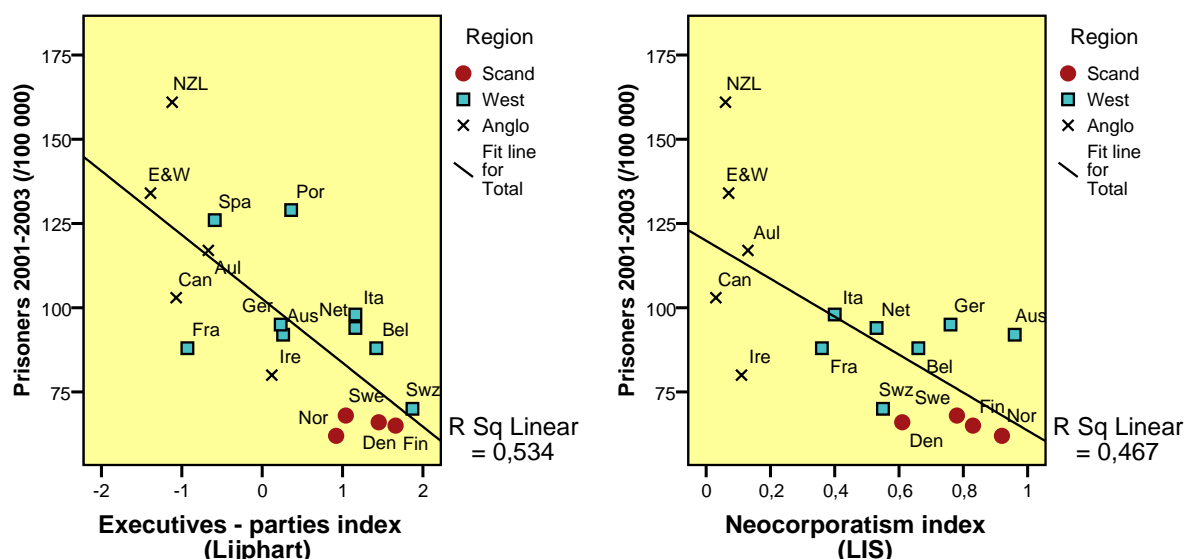
² Ibid. P.286, 297-298.

сопоставимы. В течение последовавших 25 лет число заключенных на 100 тысяч жителей возросло в мажоритарных демократиях на 76%, а в консенсусных – на 26%. Если включить в последнюю группу США (как это и должно быть), то различия будут еще более значительными.

4. Измеряя политическую экономию

Если перейти к операционализации, необходимой в более детальных эмпирических исследованиях, то следует указать, что Лейпхарт измеряет такое качество демократий, как “консенсусность – мажоритарность”, с помощью набора показателей, касающихся степени участия и централизации заинтересованных групп, числа политических партий, баланса власти между правительством и парламентом, типа избирательной системы и т. д. Суммарный показатель Лейпхарта “исполнительная власть – партии” (или индекс “совместной власти”) дает возможность количественного измерения связи между долей заключенных в составе населения и типом демократии, а также степенью корпоратизма. Другой доступный индикатор был разработан в ходе Люксембургского исследования доходов. Этот одиннадцатикомпонентный индекс неокорпоратизма измеряет процессы переговоров по поводу заработной платы, роль профсоюзов и степень централизации в участии заинтересованных групп¹. Диаграмма V.1 иллюстрирует связь между общим индексом Лейпхарта (измеряющим прежде всего степень совместного осуществления власти, участия заинтересованных групп и корпоратизма), а также индексом неокорпоратизма по данным Люксембургского исследования доходов, с одной стороны, и долей заключенных в составе населения, с другой.

¹ См.: Huber, E., Ragin, C., Stephens, J., Brady, D., Beckfield, J. Comparative welfare states data set. Northwestern University, University of North Carolina, Duke University, Indiana University, 2004.

Диаг. V.1 Политическая культура (индекс Лейпхарта), неокорпоратизм (Люксембургское исследование доходов) и доля заключенных в составе населения.

Итак, консенсусная демократия и неокорпоратизм связаны с более мягкой уголовной политикой. Значения коэффициента R^2 указывают, что в западноевропейских странах около 50% вариаций доли заключенных в составе населения могут объясняться типом демократии и степенью корпоратизма.

5. Объясняя значение политической экономики

Почему же консенсусная демократия и корпоратизм сопряжены с мягкой уголовной политикой, а конфликтная демократия – с суровой? В криминологической теории этому вопросу уделялось гораздо меньше внимания¹.

Представляется, что между типом демократии и уровнем репрессивности существуют *как непрямые, так и прямые связи*. Во-первых, похоже, что государства всеобщего благосостояния легче выживают в консенсусной и корпора-

¹ См., однако: Green, D. Comparing penal cultures: child-on-child homicide in England and Norway // Crime and justice: a review of research (edited by Michael Tonry). Vol. 36. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 591-636; Green, D. When children kill children. Penal populism and political culture. Oxford: Oxford University Press, 2008.

тистской среде. Консенсусные демократии являются более “дружественными по отношению к всеобщему благосостоянию” (“welfare friendly”). В какой-то степени это может быть следствием более гибких переговорных процедур, делающих возможными различного рода “компромиссы”. В противоположность системам, действующим по принципу “победитель забирает все”, консенсусные структуры, в которые “вовлечены все”, обеспечивают более высокие шансы на то, что каждый (или, по крайней мере, большинство) что-то получит. Таким образом, консенсусные демократии в большей степени способствуют всеобщему благосостоянию и отличаются меньшим социальным и экономическим неравенством.

Существуют также прямые связи между уголовной политикой и укоренившимися политическими традициями и структурами. Они вытекают из основных черт политического дискурса. Если консенсусная модель основывается на переговорах и компромиссах, то мажоритарные демократии – на конкуренции и конфронтации. Последнее обостряет различия, усиливает противоречия и поддерживает конфликты. Все это сказывается на стабильности и содержании политики и на легитимности системы.

В консенсусных демократиях всегда остается необходимость поддерживать хорошие отношения с вашим оппонентом. Они, вероятно, понадобятся вам и после выборов. Как говорят о скандинавской политике, «в ней нет побед нокаутом, есть только победы по очкам». В консенсусных демократиях вы меньше выиграете и больше проиграете, критикуя достижения предыдущего правительства. В них меньше критики и меньше недовольства благодаря тому факту, что политика и реформы разрабатываются вместе и в этот процесс включается настолько большое число участников, насколько это возможно.

В консенсусных демократиях также меньше “разговоров о кризисе”. Между тем, в мажоритарных демократиях и в рамках конкурентной партийной системы основным проек-

том для оппозиции является представление существующего положения дел в качестве общественного или политического кризиса и убеждение общественности в том, что крайне необходимо сменить правящую партию. Если политическая работа основывается большей частью на нападениях на политику правительства и ее подрыве, то не следует удивляться, что это оказывает влияние на представления людей о содержании такого рода политики, а также о политических институтах в целом.

Таким образом, низкий уровень доверия отчасти может объясняться тем, что конфликтная модель способствует большей критике. Кроме того, представляется, что конфликтные демократии часто отягощены более агрессивными медиа. Этому есть одно правдоподобное объяснение: конфликты порождают более интересные новости. Очень немногим читателям будет интересно узнать о согласии во мнениях. Но это помогает объяснить также, почему мажоритарные демократии более чувствительны к эпизодам карательного популизма и почему консенсусные демократии обычно отличаются меньшей долей заключенных в составе населения.

Очевидно, что консенсус несет с собой как *стабильность*, так и *осмотрительность*. Социал-демократы находились у власти в Дании, Швеции и Норвегии с небольшими перерывами с 1930-х до конца 1990-х гг. Эта гегемония, соединенная с консенсуальной политической культурой при правительстве меньшинства (когда вам необходимо договариваться с оппозицией) или коалиционном правительстве (когда необходимо договариваться с вашими партнерами по кабинету), обеспечивала беспрецедентную стабильность. Новые правительства редко нуждались в том, чтобы заявлять о себе посредством эффектных реорганизаций.

Один из аспектов этой стабильности состоит в том, что изменения не происходят каждый день. А когда они происходят, то обычно не являются разворотом в противополож-

ную сторону. Консенсуальная уголовная политика придает очень большое значение последовательности в долгосрочной перспективе и постепенному изменению, нежели внезапным переворотам. В Финляндии законотворческая деятельность старается заручиться настолько широкой поддержкой среди различных заинтересованных групп, насколько это возможно. Такие группы могут участвовать в разработке законов уже на подготовительной стадии в качестве членов редакционных комитетов. После стадии выдвижения первоначального законопроекта следует “стадия ремиссии”, в течение которой заинтересованные группы могут готовить свои официальные заявления. Такого рода обратная связь учитывается при формировании окончательного проекта. Итоговое рассмотрение происходит на парламентских слушаниях, в ходе которых группы, затрагиваемые этим законом или заинтересованные в реформе, еще раз получают возможность выразить свое мнение. Таким образом, реформаторская работа требует времени. Любые значительные изменения в системе санкций обычно происходят только после нескольких лет экспериментальных стадий. В ходе такой подготовительной работы различным группам периодически предоставляется возможность выдвигать свои взгляды, что очевидно повышает степень их участия в выработке окончательного варианта законодательства.

Представленное выше описание процесса законотворчества в Финляндии применимо в большей или меньшей степени и к другим скандинавским странам. Конечно, существуют некоторые различия. С финской точки зрения, шведские законодатели более склонны к быстрым действиям и принятию решений по поводу “одной проблемы” (“single problem solutions”). Между скандинавскими странами имеются и другие различия. Чем пристальнее вы рассматриваете ситуацию, тем больше различий вы обнаруживаете.

те¹. Но если расширить рамки картины и включить в нее Великобританию, то эти различия покажутся незначительными. А если в ту же картину добавить США, то скандинавские страны будут выглядеть, в сущности, одинаково.

Однако здесь необходимо сделать некоторые оговорки, особенно в отношении законотворческой работы в настоящее время. Многие практики оказались перевернутыми с ног на голову Европейским Союзом. Осуществление рамочных решений и гармонизация национальных законодательств в соответствии с требованиями различных институтов ЕС оставляет очень небольшое пространство для взвешенной осмотрительности – или свободы действий в этом отношении. Продолжительная работа в комитетах и тщательная подготовка уступили место двухдневным поездкам в Брюссель. Аргументы, исходящие из принципов, и оценки, основанные на эмпирических данных, сменились политической аргументацией и символическими посланиями. Все это сопряжено с очевидным риском политизации уголовной политики в ряде европейских стран, включая скандинавские.

VI. Детерминанты уголовной политики – предварительный обзор

Сравнительный анализ показывает, что различия в доле заключенных в составе населения не могут объясняться различиями в уровне преступности. Суровость наказаний, как представляется, тесно связана с другим, а именно со

¹ Тенденции и различия между скандинавскими странами более подробно рассматриваются в работах: Lappi-Seppälä, T. Penal policy in Scandinavia // *Crime and justice: a review of research*. Vol.36 (edited by Michael Tonry). Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 217-295; Pratt, J. Scandinavian exceptionalism in an era of penal excess: Part I: The nature and roots of Scandinavian exceptionalism // *The British Journal of Criminology*. 2008. Vol. 48. P. 119-137. Исчерпывающий анализ и сравнения между Норвегией и Англией и Уэльсом представлены в работе: Green, D. *When children kill children. Penal populism and political culture*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

степенью обеспечения всеобщего благосостояния, различиями в распределении доходов, доверии и политической и правовой культурах. Такой анализ подтверждает точку зрения, согласно которой скандинавская уголовная модель уходит своими корнями в консенсуальную и корпоративистскую культуру, высокие уровни социального доверия и политической легитимности, а также в сильное государство всеобщего благосостояния. Эти различные факторы оказывают как косвенное, так и прямое влияние на содержание уголовной политики.

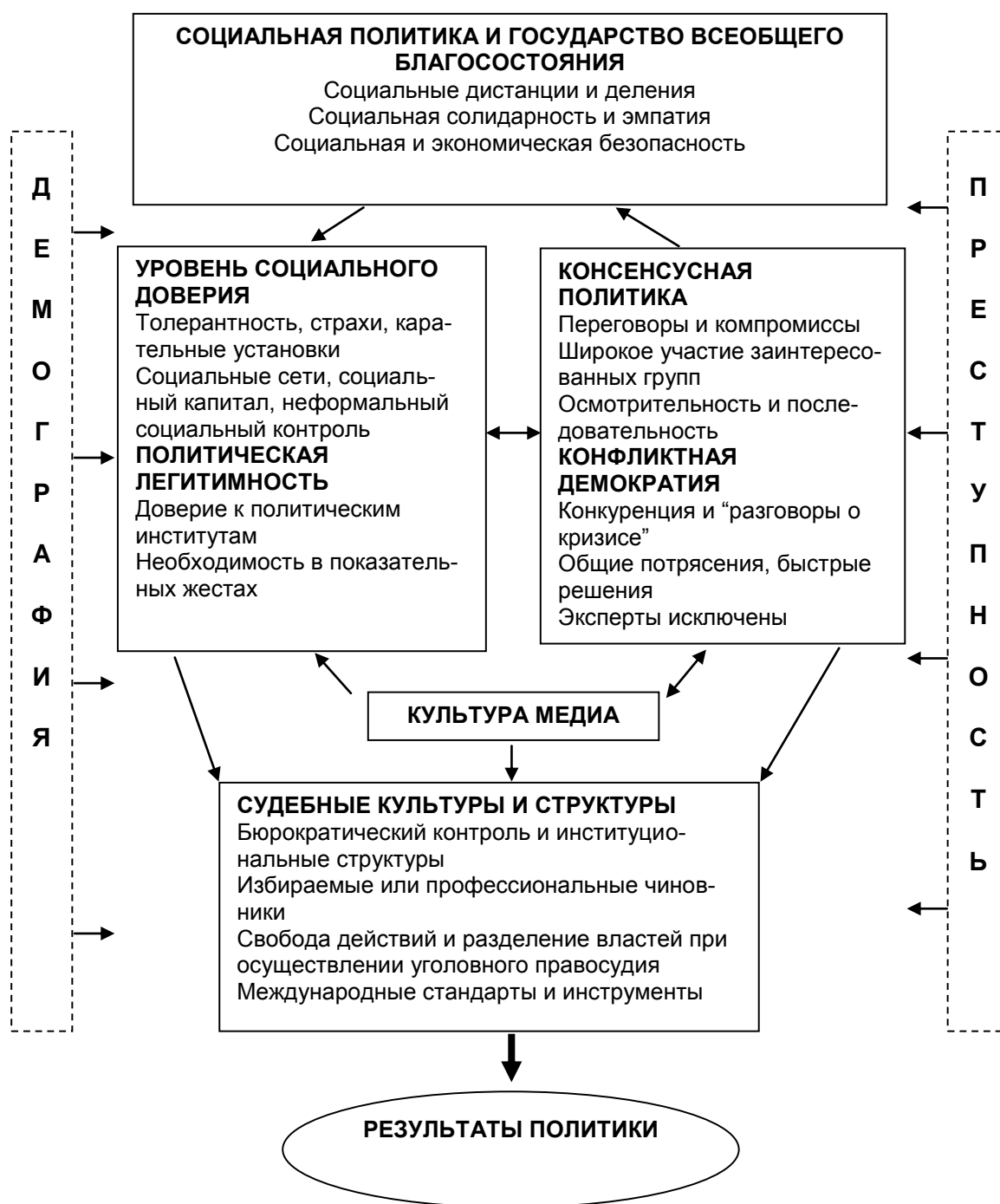
Связь между мягкостью наказаний и государством всеобщего благосостояния имеет почти концептуальный характер. Государство всеобщего благосостояния – это государство солидарности и социального равенства. Общество равных, проявляющих заботу о благополучии других, менее готово использовать суровые наказания в отношении своих членов по сравнению с обществом со значительной социальной дистанцией между людьми, в котором наказания применяются только по отношению к “другим” и к андерклассу. Увеличение социальных дистанций повышает готовность к более жестким действиям, тогда как равенство имеет противоположный эффект. Если говорить о более конкретных формах, то государства всеобщего благосостояния поддерживают менее репрессивную политику, обеспечивая реальные альтернативы лишению свободы. Широкие, хорошо обеспеченные ресурсами сети социальных служб часто функционируют в качестве, по существу, эффективных мер предупреждения преступности, даже если это не входит в мотивацию (или входит частично) таких практик, как социальное обслуживание и медицинская помощь в дневное время (для престарелых и инвалидов), обучение родителей, общественная система средних школ, основанная на равных возможностях для всех и т. д.

Косвенное влияние осуществляется посредством более высокой социальной и экономической безопасности, более низкого уровня страха, менее карательных установок и

особенно более высокого социального доверия и политической легитимности, поддерживаемых государством всеобщего благосостояния. Тип режима всеобщего благосостояния также может иметь значение. Избирательная социальная политика, основанная на потребностях, ориентирована на “других людей”, маргинализированных и виновных в своем положении. Это питательная среда для подозрения и недоверия. Универсалистская социальная политика, оказывающая поддержку всем, обеспечивающая социальное равенство и не проводящая различий между людьми, следует иной моральной логике¹. Таким образом, социальная политика касается всех нас. Дебаты о социальной политике – это попытки решить наши общие проблемы. Все это в значительной степени поддерживает социальное доверие. Кроме того, социальная и экономическая безопасность, обеспечиваемая государством всеобщего благосостояния, а также чувство социального доверия, которому оно способствует, поддерживают толерантность, низкий уровень страхов и менее карательные установки.

Либеральная уголовная политика и небольшое число заключенных также являются побочными продуктами консенсуальных, корпоративистских политических культур, в которых важное место занимают практики переговоров. В мажоритарных демократиях больше “разговоров о кризисе”, больше критики, больше краткосрочных решений и больше прямого апеллирования к требованиям общественности. Консensusные демократии, напротив, смягчают противоречия, порождают меньше “разговоров о кризисе”, препятствуют драматическим переворотам и способствуют долговременной последовательной политике. Другими словами, консensusные демократии менее восприимчивы к политическому популизму.

¹ Kuhnle, S. The Scandinavian path to welfare // Snacken, S., Dumortier, E. (eds.) Resisting punitiveness in Europe? Welfare, human rights and democracy. London: Routledge, 2011.

Диаг. VI.1 Уголовная политика и ее социальный, политический, экономический и культурный контексты.

Взаимодействие между различными факторами, влияющими на содержание уголовной политики, иллюстрируется диаграммой VI.1.

Кроме трех основных факторов – всеобщего благосостояния, доверия и политической экономии – существует несколько других элементов, требующих нашего внимания.

Они включают в себя структурные факторы, такие, как демографические характеристики. Однородность населения может облегчить осуществление либеральной уголовной политики, но не является гарантией успеха (нельзя утверждать, что мультикультурализм ведет к более суровым режимам). Значение могут иметь также географические факторы, как в случае с Финляндией, мотивированной к политике по сокращению численности заключенных сотрудничеством со скандинавскими странами¹.

Еще одним фактором, безусловно заслуживающим большего внимания, является *роль медиа и медиакультуры*. Медиа, отдающие приоритет сенсациям, способствуют общественным страхам и недоверию. Они усиливают давление со стороны репрессивно настроенной общественности. Существуют также различия в том, каким образом лица, формирующие политику, учитывают требования общественности, а также в том, каким образом им передаются общественные настроения. Если политическая система предпочитает роль легко реагирующей и приспособляющейся системы, то медиа начинают оказывать на результаты политики как прямое, так и косвенное влияние (в последнем случае посредством влияния на требования общественности). Еще раз следует подчеркнуть, что консенсусные демократии менее восприимчивы к политическому популизму и новостям медиа².

Важную роль играют также *судебная структура и правовая культура*, особенно при объяснении различий между странами с континентальной правовой системой и странами, в которых действует система общего права. Наследие Просвещения и разделение государственной власти защи-

¹ См.: Lappi-Seppälä, T. Penal policy in Scandinavia // Crime and justice: a review of research. Vol.36 (edited by Michael Tonry). Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 241-244; Christie, N. Crime control as industry: towards Gulags Western style. 3d ed. London: Routledge, 2000.

² См.: Roberts, J., Stalans, L., Indermaur, D., Hough, M. Penal populism and public opinion. Lessons from five countries. Oxford: Oxford University Press, 2003.

щают суды от политического вмешательства в странах с континентальной системой и в Скандинавии. Правовая система США, представляющая собой противоположный пример, с политически избираемыми должностными лицами органов уголовной юстиции (прокурорами, судьями, шерифами и губернаторами) является гораздо менее защищенной перед кратковременными популистскими влияниями на повседневные практики определения наказаний и выбор местной политики¹. Необходимость учитывать свою популярность среди людей обеспечивает гораздо более точную “настройку” судейского корпуса на волну общественного мнения и организованных заинтересованных групп. Эти различия усиливаются различными техниками структурирования свободы действий при определении наказаний. Структуры определения наказаний в скандинавской и континентальной правовых системах, в которых законодатель устанавливает пределы наказания в широком смысле, а все остальное остается на усмотрение конкретных судей, как представляется, менее уязвимы перед недальновидными и необоснованными политическими вмешательствами по сравнению с политически избираемыми органами, наделенными полномочиями давать детальные указания по поводу определения наказаний².

Кроме того, на политику в области определения наказаний могут оказывать влияние многочисленные тонкости уголовного судопроизводства. Одной из них может быть широко распространенная практика заявлений жертв о последствиях преступления, не встречающаяся в большинстве правовых систем континентального типа. В скандинав-

¹ См.: Zimring, F., Hawkins, G., Kamin, S. Punishment and democracy. Three strikes and you're out in California. Oxford: Oxford University Press, 2001; Tonry, M. Determinants of penal policies // Crime and justice: a review of research (edited by Michael Tonry). Vol. 36. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 1-48.

² Lappi-Seppälä, T. Sentencing and punishment in Finland: the decline of the repressive ideal // Tonry, M., Frase, R. (eds) Punishment and penal systems in Western countries. New York: Oxford University Press, 2001. P. 92-150.

ском уголовном процессе права жертвы связаны не с правом осуществлять в суде персональную вендетту, а с возможностью получить возмещение ущерба и потерь¹. Требования возмещения со стороны жертвы всегда рассматриваются в рамках того же самого процесса по случаю преступления. Эти требования выдвигаются прокурором от имени жертвы. Надлежащее рассмотрение требований возмещения вполне может иметь смягчающее воздействие на требования, связанные с наказанием².

Правовое обучение, компетентность судейского корпуса, профессиональные навыки также имеют значение. Судьи (и прокуроры) могут иметь различный уровень криминологических знаний – при сравнении как индивидов, так и различных правовых систем. В странах, где должности судей занимаются обученными профессионалами, а криминология включена в учебные программы факультетов права, от судей и прокуроров можно ожидать более широкого и глубокого понимания таких вопросов, как преступность и уголовная политика. Такого рода компетентность может усиливаться профессиональными обучающими программами, семинарами и встречами для судей и т. д. Очевидно, что восприимчивость судейского корпуса к активности такого рода и степень обмена информацией различны в разных правовых системах. Влияние криминологического знания на практики определения и исполнения наказаний может быть

¹ Если не со стороны правонарушителя, то из государственных фондов. Несомненно, тот факт, что возмещение вреда всегда предписывается одновременно с наказанием, дает общественности более реалистичное представление об общих последствиях преступности (в противоположность системам, выделяющим возмещение в отдельный процесс, инициировать который жертвы иногда могут быть не в состоянии).

² См.: Languin, N., Robert, Ch.-N. Victims and the penal process: roles, expectations and disappointments // Snacken, S., Dumortier, E. (eds.) *Resisting punitiveness in Europe? Welfare, human rights and democracy*. London: Routledge, 2011; Aertsen, I. Punitivity from a victim's perspective // Snacken, S., Dumortier, E. (eds.) *Resisting punitiveness in Europe? Welfare, human rights and democracy*. London: Routledge, 2011.

увеличено благодаря налаживанию связей между исследовательским сообществом и судебским корпусом¹.

Наконец, следует оставить место и для “исключительности, связанной со спецификой страны”. Хотя значительная часть практик наказания может объясняться очерченными общими социальными, политическими, экономическими и культурными факторами, их влияние трудно свести воедино с точки зрения простой статистической модели. Эти факторы образуют различные комбинации в разных местах и в разные периоды. Установленные связи не являются ни атомистическими, ни механическими. Воздействие этих факторов обусловлено контекстом, при этом в странах могут происходить уникальные изменения. Значение имеют также индивиды и элиты. Сильное воздействие на практики наказаний время от времени оказывают отдельные эксперты, лидеры мнений или политики². Такое личное или профессиональное влияние со стороны индивидов легче достигается в небольших странах, подобных Финляндии.

VII. Заключительные замечания

Скандинавская уголовная политика является примером прагматичного и неморалистического подхода с ярко выраженной ориентацией на социальную политику. В уголовной политике отражаются ценности скандинавского идеала государства всеобщего благосостояния; подчеркивается, что меры против социальной маргинализации и неравенства являются также мерами против преступности. В ее рамках

¹ См.: Snacken, S. Penal policy and practice in Belgium // *Crime and justice: a review of research* (edited by Michael Tonry). Vol. 36. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 127-216; Downes, D., Swaeningen, R. The road to dystopia? Changes in the penal climate of the Netherlands // *Crime and justice: a review of research* (edited by Michael Tonry). Vol. 35. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 31-72.

² Verfaillie, K. Punitive needs, society and public opinion: an explorative study of ambivalent attitudes to punishment and criminal justice // Snacken, S., Dumortier, E. (eds.) *Resisting punitiveness in Europe? Welfare, human rights and democracy*. London: Routledge, 2011.

особое значение придается взгляду, согласно которому контроль над преступностью и уголовная политика – это по-прежнему вопросы социальной справедливости, а не только контроля над опасными индивидами. Такая либеральная уголовная политика в значительной степени является также побочным продуктом богатого государства всеобщего благосостояния, а также консенсуальной и корпоративистской политической культуры. Данные структурные условия сделали возможной и поддерживают толерантную политику, позволили разработать эффективные альтернативы тюремному заключению и способствуют доверию и легитимности. Все это уменьшает для политической системы необходимость в символических действиях и делает возможным соблюдение норм, основанное на легитимности и одобрении, а не на страхе. К числу факторов, объясняющих скандинавскую мягкость, относятся также сильное влияние экспертов, (довольно) благоразумные медиа и демографическая однородность.

Вопрос о том, будет ли такое положение дел существовать и в будущем, выходит за рамки этой статьи. Уже в 1990-е гг. скандинавскими авторами выдвигались критические замечания по этому поводу¹. Однако рассмотрение ситуации в скандинавских странах в сравнении с другими странами все еще оставляет место для некоторого оптимизма. В целом, доля заключенных в составе населения

¹ См.: Victor, D. Politics and the penal system – a drama in progress // Snare, A. (ed.) *Beware of punishment. On the utility and futility of criminal law. Scandinavian Studies in Criminology*. Vol. 14. Oslo: Pax Forlag, 1995. P. 71-72; Jareborg, N. What kind of criminal law do we want? // Snare, A. (ed.) *Beware of punishment. On the utility and futility of criminal law. Scandinavian Studies in Criminology*. Vol. 14. Oslo: Pax Forlag, 1995. P.17-26; Tham, H. Law and order as a leftist project? The case of Sweden // *Punishment and Society. The International Journal of Penology*. 2002. Vol. 3. No. 3. P. 409-426; Balwig, F. When law and order came to Denmark // *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. 2004. Vol.5. P. 167-187. См. также: Lappi-Seppälä, T. Penal policy in Scandinavia // *Crime and justice: a review of research*. Vol.36 (edited by Michael Tonry). Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 285-290.

по-прежнему низка. Путь, пройденный многими другими системами наказаний, также не является неизбежным. Очень немногие из тех социальных, политических, экономических и культурных условий, объясняющих все более массовое лишение свободы в США и Великобритании, применимы к какой-либо из скандинавских стран. Социальная и экономическая безопасность, обеспечиваемая скандинавским государством всеобщего благосостояния, все еще может функционировать в качестве системы, гарантирующей толерантную уголовную политику. Судьи и прокуроры по-прежнему являются и будут оставаться профессиональными должностными лицами с компетентным отношением к этим вопросам. Политическая культура все так же способствует переговорам и высоко оценивает экспертные мнения. На все это, по крайней мере, можно надеяться.

К счастью, это не только вопрос надежды. В политической культуре, в которой, в целом, высоко оценивается рациональная, прагматичная и ответственная аргументация, многое может быть сделано¹. Мы должны улучшить условия для рационального формирования политики, преобладающего над популистским позерством, посредством предоставления политикам, практическим работникам и общественности больше точной информации. Нам следует применять обычные правила политической ответственности и в случае с дискурсом наказаний. Ни в каких сферах политической жизни планы и предложения не могут быть представлены без оценки затрат, получаемых преимуществ и возможных альтернатив. Почему это следует допускать в уголовной политике, где принимаемые решения посягают на защищаемые законом основные права и являются крайне дорогостоящими? Нам следует воспользоваться преимуществами, связанными с тем фактом, что в скандинавской политике в целом преобладает отвращение к попу-

¹ См. об этом: Roberts, J., Stalans, L., Indermaur, D., Hough, M. Penal populism and public opinion. Lessons from five countries. Oxford: Oxford University Press, 2003.

лизму и циничному набиранию очков, если это становится очевидным. Выявление чрезмерно упрощенных установок, ложных предпосылок и сомнительной ценности популистских предложений является важным интеллектуальным оружием в руках политических противников любого карательного популизма.

ОБ АВТОРАХ

Инкери Анттила (род. в 1916 г.) занимала должности преподавателя, а позднее директора Центра подготовки тюремного персонала (1949–1961), профессора уголовного права Хельсинкского университета (1961–1979), директора Института криминологии, а впоследствии Национального исследовательского института правовой политики (Хельсинки) (1963–1979), директора Хельсинкского института предупреждения преступности и контроля над ней под эгидой ООН (1982–1986), министра юстиции Финляндии (1975); сыграла ключевую роль в инициировании, разработке и осуществлении реформы системы уголовного правосудия, в результате которой в Финляндии многократно сократилось число заключенных. Председатель Скандинавского криминологического исследовательского совета (1968–1973), вице-президент Комитета ООН по предупреждению преступности и контролю над ней (1972–1974), президент Пятого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, 1975), член Международного уголовного и пенитенциарного фонда (1962–1992), член Совета Международной ассоциации уголовного права (1969–1986), вице-президент Международного общества криминологии (1979–1990).

Патрик Торнудд (род. в 1935 г.) занимал должности научного сотрудника Института исследований потребления алкоголя, Института криминологии, директора Национального исследовательского института правовой политики (Хельсинки). Сыграл исключительно важную роль в эволюции финской уголовной политики, внес ключевой вклад в планирование и осуществление радикальной реформы Уголовного кодекса Финляндии. Автор многочисленных статей и эссе по криминологии и уголовной политике. Одним из главных трудов Патрика Торнудда является написанный в соавторстве с Инкери Анттилой учебник по криминологии,

неоднократно издававшийся на финском и шведском языках и способствовавший подготовке нового поколения юристов и социологов. С 1986 по 1988 г. – председатель Скандинавского криминологического исследовательского совета.

Тапио Лаппи-Сеппала (род. в 1953 г.) – директор Национального исследовательского института правовой политики (Хельсинки) (с 1995 г.), профессор криминологии и социологии права в Хельсинкском университете. Член Совета специальной комиссии по подготовке реформы уголовного права (1989–1999), руководитель рабочей группы по разработке общей части Уголовного кодекса (1993–1999), член комитета по разработке нового Закона о тюрьмах (1999–2001), вице-председатель комитета по реформированию системы ювенальных санкций (2001–2003). Принимает активное участие в международном сотрудничестве по вопросам уголовного правосудия в Скандинавском криминологическом исследовательском совете, Совете Европы, Международном уголовном и пенитенциарном фонде (вице-президент с 2005 г.) и Европейском обществе криминологов (член Совета с 2008 г.).

Закрyтая тюрьма Кюльмякоски. Въезд

Закрyтая тюрьма Кюльмякоски. Двор

Закрытая тюрьма Кюльмякоски.
Фойе административного корпуса

Закрытая тюрьма Кюльмякоски.
Одна из тюремных секций

Закрытая тюрма Кюльмякоски.
Кухня в тюремной секции

Закрытая тюрма Кюльмякоски. Камера

Закрытая тюрьма Кюльмякоски. Церковь

Закрытая тюрьма Кюльмякоски. Столовая

Закрытая тюрьма Кюльмякоски.
Продукция заключенных

Закрытая тюрьма Кюльмякоски.
Продукция заключенных

Закрытая тюрьма Кюльмякоски.
Комната для свиданий

Закрытая тюрьма Кюльмякоски.
Телефон в тюремной секции

Закрытая тюрьма Кюльмякоски. Библиотека

Закрытая тюрьма Кюльмякоски.
Комната для занятий музыкой

Закрытая тюрма Кюльмякоски.
Тренажерный зал

Закрытая тюрма Кюльмякоски. Спортзал

Открытая тюрьма Кяюра. Въезд

Открытая тюрьма Кяюра.
Дома заключенных

Открытая тюрьма Кяюра.
Дом заключенных

Открытая тюрьма Кяюра.
Комната заключенного

Открытая тюрьма Кяюра.
Комната для двух заключенных

Открытая тюрьма Кяюра.
Продукция заключенных

Открытая тюрьма Кяюра.
Комната для занятий музыкой

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене). Вход

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене).
Корпуса тюрьмы

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене). Двор

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене).
Летний домик

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене).
Комната заключенного

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене).
Комната для двух заключенных

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене).
Кухня в жилой секции

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене).
В комнате заключенных

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене). Столовая

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене).
Цех по реставрации окон

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене).
Реставрационная мастерская

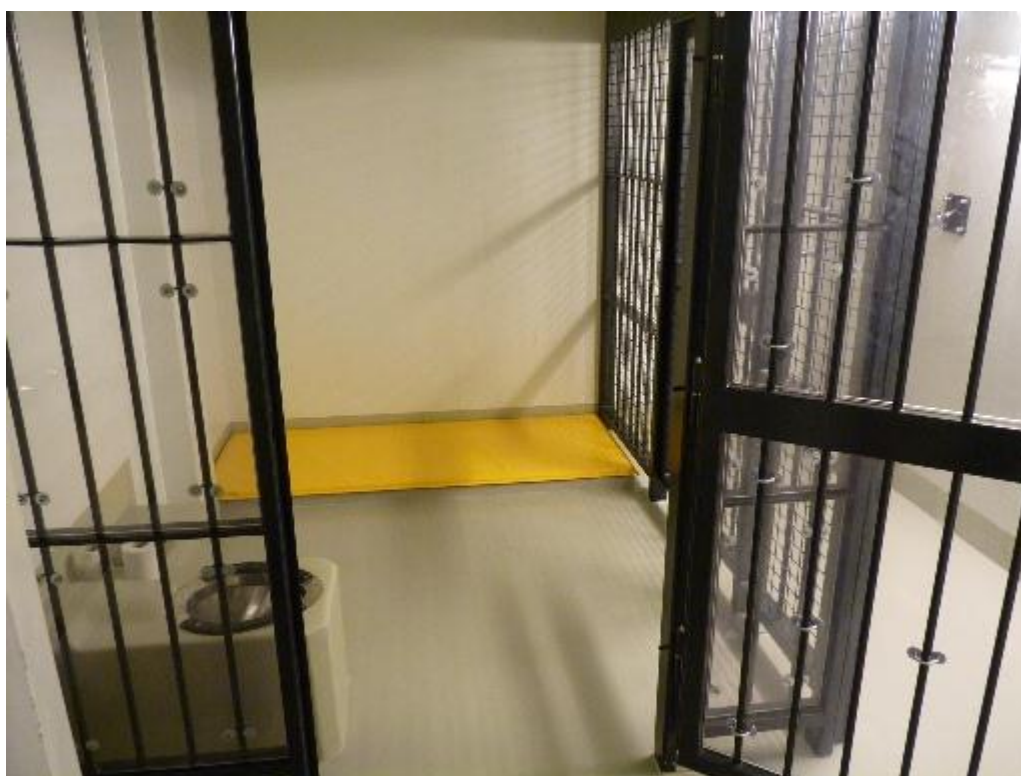
Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене).
Комната для занятий музыкой и массажа

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене). Сауна

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене).
Тренажерный зал

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Гуйттинене). Карцер

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Кёюлиё). Вход

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Кёюлиё). Двор

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Кёюлиё).
Продукция заключенных

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Кёюлиё).
Продукция заключенных

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Кёюлиё).
Продукция заключенных

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Кёюлиё).
Продукция заключенных

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Кёюлиё).
Комната отдыха для женщин

Открытая тюрьма Сатакунта (отделение в Кёюлиё)

Данный материал опубликован при поддержке Европейского союза. Взгляды, представленные в данной публикации, не обязательно отражают позицию Еврокомиссии.

*Центр Европейского союза VOICES –
Приволжский международный центр европейских исследований
Казанский университет
(западный полуциркуль исторического комплекса
университетских зданий, ком. 107-108)
Ул. Кремлевская, 18
Казань 420008
Тел.: (843) 233-70-21
E-mail: voices@kpfu.ru*

**ОТ «СТРАНЫ ТЮРЕМ»
К ОБЩЕСТВУ
С ОГРАНИЧЕННЫМ
ПРИЧИНЕНИЕМ БОЛИ:
ФИНСКИЙ ОПЫТ СОКРАЩЕНИЯ
ЧИСЛА ЗАКЛЮЧЕННЫХ**

Составитель и ответственный редактор: **И.Г.Ясавеев**

Подписано в печать 31.05.2012.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Формат 60 x 84 1/16. Гарнитура Arial Cyr.
Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 500 экз.
Заказ № 142/5.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 292-65-60